

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Ма Цзинян

**ТЕКСТОВОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ‘СТРАХ’
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Специальность 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Ружицкий И.В.

Москва – 2023

Содержание

ВВЕДЕНИЕ4
ГЛАВА I. ЯЗЫК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ13
§ 1. Основные направления изучения языка Ф.М. Достоевского13
§ 2. Ключевые особенности идиостиля Ф.М. Достоевского22
§ 3. Языковая репрезентация в текстах Ф.М. Достоевского базовых концептов авторского тезауруса33
Выводы по главе43
ГЛАВА II. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ44
§ 1. Соотношение понятий «семантическое поле» и «текстовое семантическое поле»44
§ 2. Структура семантического и текстового семантического поля60
§ 3. Семантический гештальт в структуре текстового семантического поля71
Выводы по главе80
ГЛАВА III. СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ‘СТРАХ’ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»82
§ 1. Текстовое семантическое поле концепта ‘страх’: общие характеристики82
§ 2. Контекстные ассоциаты слова <i>страх</i> в романе «Преступление и наказание»107
§ 3. Текстовое семантическое поле ‘страх’ в смысловом пространстве романа «Преступление и наказание»142
Выводы по главе154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ156

Список использованных сокращений и типографских знаков.....	160
Список использованной литературы	162
Приложение 1. Фрагменты романа «Преступление и наказание», наиболее насыщенные единицами центра лексико-семантического поля ‘смех’	182
Приложение 2. Фрагменты романа «Преступление и наказание», наиболее насыщенные единицами центра лексико-семантического поля ‘страх’	190
Приложение 3. Дефиниции значений слова <i>страх</i> в толковых словарях	203
Приложение 4. Ассоциации к слову <i>страх</i> в «Русском ассоциативном словаре», релевантные для языковой картины мира XIX века	204
Приложение 5. Ассоциации к слову <i>страх</i> в «Словаре ассоциаций русского языка онлайн», релевантные для русской языковой картины мира XIX века	204
Приложение 6. Фрагменты романа «Преступление и наказание», отражающие взаимодействие текстового семантического поля ‘страх’ с другими полями	205
Приложение 7. Другие возможности визуализации лексических данных	208

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование направлено на реконструкцию текстового семантического поля 'страх', занимающего центральное место в смысловом пространстве романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

История изучения семантического поля в зарубежной и российской лингвистике началась приблизительно сто лет назад с появлением работ Г. Ипсена, Й. Трира, В. Порцига и Л. Вайсгербера. Наиболее интенсивное развитие теория семантического поля получает во второй половине XX века, приобретая при этом свою практическую реализацию в словарях-тезаурусах, построенных по принципу «от смысла к форме». Работы Л.Г. Бабенко, П.Н. Денисова, Ю.Н. Караулова, И.М. Кобозевой, Э.В. Кузнецовой, В.В. Морковкина, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелёва, Г.С. Щура и других учёных послужили основой для многочисленных исследований, посвящённых конкретным семантическим полям; проблемам выявления структуры семантического поля, его ядра, центра и периферии, а также субстанции, т. е. входящих в поле лексических единиц; тщательному анализу типов парадигматических и других отношений, связывающих единицы поля, и др.

В связи с бурным развитием в последние десятилетия психолингвистики, теории и практики проведения свободного ассоциативного эксперимента в языкознании наряду с категорией «семантическое поле» появляются смежные термины – «лексико-семантическое поле», «текстовое семантическое поле» и «текстовое ассоциативное поле». Возникает необходимость применить метод семантического поля, т. е. определение смысловых соотношений между лексическими единицами и их группировки на основе общего понятийного

компонента, к анализу литературного текста, что позволяет выявить особенности тезауруса в структуре авторской языковой личности.

В диссертации метод семантического поля используется в связи с анализом романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Ф.М. Достоевский является одним из наиболее значимых представителей русской и мировой культуры, через его творчество на русского человека и на «русскую мысль» смотрят как сами русские люди, так и, возможно, чаще, – представители других культур. Таким образом, многоаспектное изучение наследия Ф.М. Достоевского, в том числе и особенностей языка писателя, в частности, лексического строя авторского идиолекта, его концептуальной организации и др., – несомненно важная задача современной филологии.

Сказанным выше, а также необходимостью конкретизации содержания понятия «текстовое семантическое поле» в системе соответствующей терминологической парадигмы при обязательной верификации на конкретном текстовом материале предлагаемых теоретических положений определяется **актуальность** настоящего исследования.

Теоретическую базу исследования составили научные труды по следующим направлениям:

– теория семантического и текстового семантического поля (В.П. Абрамов, Л.Г. Бабенко, Ш. Балли, Ю.Н. Караулов, А.Р. Лурия, Е.А. Митина, В.А. Москович, Л.А. Новиков, М.Л. Новикова, Е.Н. Сороченко, И.А. Стернин, Л.О. Чернейко, Д.Н. Шмелёв, Г.С. Щур и др.);

– лингвоперсонология, реконструкция авторской языковой личности, изучение особенностей идиостиля писателя (А.Н. Баранов, Е.Н. Батурина, В.В. Виноградов, Е.Л. Гинзбург, В.П. Григорьев, Д.О. Добровольский, Ю.Н. Караулов, М.П. Котюрова, М.Ю. Мухин, И.В. Ружицкий, Т.Б. Самарская, О.Д. Тихоненко, Н.А. Фатеева, Л.О. Чернейко, Л.Л. Шестакова, В.Г. Щукин и др.);

– изучение концептов и способов их языковой репрезентации (С.А. Аскольдов, А.О. Брагина, Г.И. Илина, С.К. Константинова, Н.Н. Лаврова, Д.С. Лихачёв, С.Х. Ляпин, М.В. Осыка, М.М. Патиева, С.Ю. Рубцова, А.С. Рылов, Ю.С. Степанов, Е.В. Ушакова, Л.С. Шмутьская, Н.Ю. Шнякина, И.В. Якушевич и др.);

– достоевсковедение, в первую очередь рассмотрение особенностей языка писателя (В.В. Виноградов, Е.А. Головачёва, Ю.В. Ерохина, В.Н. Захаров, Г.Р. Ижбаева, О.Д. Кошелева, Е.В. Лобанова, М.Ю. Михеев, Е.Л. Райхлина, И.В. Ружицкий, Л.Х. Самситова, Р.И. Самситова, О.В. Седельникова, Я.В. Смирнов, В.Н. Топоров, Р.Р. Шафикова и др.).

Объектом исследования выступает лексико-семантическое поле ‘страх’ в русской языковой картине мира. **Предметом** исследования являются способы языковой репрезентации концепта ‘страх’ в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Цель исследования состоит в реконструкции текстового семантического поля ‘страх’ в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и в выявлении взаимосвязи данного поля с другими семантическими полями в смысловом пространстве текста данного произведения. Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

1) проанализировать и систематизировать содержание понятий «семантическое поле», «лексико-семантическое поле» и «текстовое семантическое поле»; на основе проведённого анализа раскрыть соотношение этих категорий;

2) предложить пошаговую процедуру реконструкции текстового семантического поля;

3) обозначить основные свойства концепта, смыслового ядра лексико-семантического поля, и способы его языковой репрезентации; определить структуру текстового семантического поля;

4) выявить способы языковой репрезентации концепта 'страх' в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», а также состав текстового семантического поля 'страх'; структурировать полученные данные;

5) разработать методику компьютерной визуализации текстового семантического поля 'страх' посредством построения графиков распределения единиц поля на страницах романа «Преступление и наказание»; дать лингвистическую интерпретацию полученных графических данных;

6) показать взаимодействие текстового семантического поля 'страх' с другими семантическими полями в романе «Преступление и наказание»;

7) высказать предположения относительно роли текстового семантического поля 'страх' в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского.

При решении поставленных задач использовались как общенаучные **методы** – дедукции/индукции, анализа/синтеза, количественный метод, метод моделирования и классификации, что позволило обнаружить и системно представить языковые факты, а также дать их теоретическое обобщение, так и частнонаучные лингвистические, в первую очередь описательный, сравнительный и статистический методы, методы контекстного и компонентного анализа. Кроме того, в работе применялись компьютерные технологии и методы извлечения данных, направленные на возможности получения и визуального представления полученных языковых данных.

Материалом для исследования послужил текст романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в редакции полного собрания сочинений писателя в 30 томах (объём текста составляет 26, 53 а. л.). В процессе работы методом сплошной выборки было извлечено 342 словоформы центра текстового семантического поля 'страх' (в общей сложности – 990 вхождений), 52 116 словоформ периферийной зоны данного поля, что составляет примерно 31 % всех словоупотреблений в романе «Преступление и наказание». Кроме того, для подтверждения тезиса о возможности взаимосвязи текстовых семантических

полей произведён количественный подсчёт единиц центра текстового семантического поля 'смех' – 267 словоформ.

Использовались также различные лексикографические источники – «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий»; писательские словари; толковые словари русского языка; энциклопедические, ассоциативные, идеографические и словообразовательные словари; ресурсы Национального корпуса русского языка и другие интернет-ресурсы.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые проведена реконструкция текстового семантического поля 'страх' на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»; определены структура и субстанция данного текстового семантического поля; показано взаимодействие в тексте романа семантического поля 'страх' с другими категориальными смыслами. С целью анализа текстового семантического поля введён термин «семантический гештальт», обозначающий семантическую организацию между текстовыми ассоциатами. Научная новизна исследования связана также разработкой общей проблемы дифференциации значений полисеманта.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно расширяет имеющиеся лингвистические знания о структуре текстового семантического поля. Осуществляемый в диссертации подход к реконструкции текстового семантического поля в смысловом пространстве конкретного литературного произведения позволяет выявить языковые репрезентации концепта, являющегося смысловым ядром поля. Предложенная модель исследования также углубляет научные представления о возможностях изучения авторской языковой личности, прежде всего её тезаурусного уровня. Теоретически значимы выводы о пересечении текстовых тематических полей, отражающие индивидуальные особенности стиля писателя.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты целесообразно использовать в практике преподавания таких филологических дисциплин, как «Теория семантического поля», «Лексическая

семантика», «Лингвопоэтика», «Лексикология и лексикография», «Теория текста», «Особенности идиостиля Ф.М. Достоевского» и некоторых других. Полученные данные могут быть востребованы при построении словаря-тезауруса Ф.М. Достоевского, а разработанная процедура реконструкции текстового семантического поля – при лингвистическом анализе литературных произведений других авторов.

Структура работы обусловлена логикой научного анализа. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы и семи приложений. Во введении обосновывается актуальность выбранной темы; обозначаются предмет и объект исследования, а также его цель, задачи и научная новизна; представлены теоретическая база исследования и его теоретическая значимость.

В первой главе диссертации – «Язык Ф.М. Достоевского как объект лингвистических исследований» – излагаются результаты изучения и систематизации научных данных, посвящённых особенностям языка Ф.М. Достоевского, авторского идиостиля. Анализируются базовые лингвистические подходы к исследованию языка писателя; обозначаются основные черты идиолекта Ф.М. Достоевского. «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий» рассматривается как один из важнейших лексикографических ресурсов, позволяющих выявить особенности авторского идиолекта. В главе также даётся определение термина «концепт», релевантное для решения поставленных в работе задач. Анализируются способы языковой репрезентации концепта в текстовом семантическом поле.

Вторая глава диссертации – «Реконструкция текстового семантического поля в произведении художественной прозы» – посвящена изучению вопросов, связанных с различными направлениями теории семантического поля. Исследуется место понятия «текстовое семантическое поле» в соответствующей терминологической парадигме, выявляется соотношение категорий «семантическое поле», «ассоциативное поле» и «текстовое

семантическое поле». Обозначается структура текстового семантического поля, ядром которого является концепт. Дается определение семантического гештальта и показывается его место в структуре текстового семантического поля, анализируются способы установления состава семантического гештальта.

В третьей главе диссертации – «Субстанциональные характеристики семантического поля ‘страх’ в тексте романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”» – на практическом материале проводится верификация определенных в первой и второй главах теоретических положений. На материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» изучается вербализация концепта ‘страх’ – ядра соответствующего текстового семантического поля. Показываются возможные способы визуализации единиц текстового семантического поля ‘страх’, приводится интерпретация полученного графика. Выявляются контекстные ассоциаты слова *страх* в романе «Преступление и наказание». Анализируется взаимодействие текстового семантического поля ‘страх’ с другими семантическими полями.

В заключении обозначены основные результаты проведенного исследования.

Общий объем диссертации составляет 213 страниц, её основной части – 181 страницу. Список использованной литературы включает в себя в общей сложности 406 наименований. В работе 16 рисунков и графиков, 7 таблиц и 4 схемы. Кроме того, в работе дан список использованных сокращений и типографских знаков.

Достоверность результатов исследования обусловлена тем, что применяемые в нём теоретические подходы основаны на привлечении классической и современной методологии российских лингвистов в области изучения текстового семантического поля и особенностей конкретной языковой личности. Сделанные выводы опираются на статистические данные авторитетных лексикографических изданий и результаты обработки текстового материала посредством специально созданной компьютерной программы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Реконструкция текстового семантического поля на материале конкретного литературного произведения позволяет сделать важный шаг к построению авторского тезауруса, а выявление взаимосвязей данного поля с другими полями, зон их пересечений, семантических перекличек, даёт возможность определить особенности авторской языковой личности.

2. Семантическое поле 'страх' в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского занимает ключевое место, прежде всего это касается текстов художественной прозы писателя, в основном романа «Преступление и наказание», идейное содержание которого во многом отражает взаимодействие поля 'страх' с другими семантическими полями, такими как 'смех', 'неопределённость', 'случайность, неожиданность', 'смерть', 'степень' и 'желание'.

3. Особенности авторского тезауруса отражает также состав текстового семантического поля, в том числе и его количественные характеристики. Для романа «Преступление и наказание» характерна высокая частота употребления таких слов, как *ужасный, ужасно, ужасаться, бояться, дрожать, дрожь, беспокойство, тревожить, тревожно, робкий, робко* и др., входящих в центр текстового семантического поля 'страх'. Особенности авторского идиостиля, тем не менее, связаны в первую очередь с лексическими единицами, входящими в периферийную зону текстового семантического поля 'страх'.

4. В структуре текстового семантического поля целесообразно выделять такую его составляющую, как семантический гештальт, предполагающий возможность группировки текстовых ассоциатов. Изучение текстовых ассоциаций к слову *страх* позволяет заключить, что они подразделяются на три основные группы: 1) субъект (тот, кто боится), 2) каузатор (причина страха) и 3) индикатор (проявление страха). В семантическом гештальте обнаруживаются понятийные зоны, позволяющие соотнести его с конкретными концептами и таким образом проследить возможности пересечения различных текстовых семантических полей.

5. Визуализация текстового семантического поля посредством применения компьютерных технологий, а конкретно – через построение графика

распределения единиц поля в тексте литературного произведения, в нашем случае – романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», позволяет выявить ситуации, наиболее насыщенные единицами семантического поля ‘страх’ (вершины графика) и наглядно показать области пересечения текстового семантического поля ‘страх’ с другими полями.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были изложены в докладах на следующих конференциях: VII Международная научная конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного», Москва, 2019; Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов–2020», Москва, 2020; I (XIII) Международная научно-практическая конференция «Творчество Ф.М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации», Кемерово–Новокузнецк, 2021; IV Научно-практическая конференция иностранных молодых исследователей «Когнитивный, коммуникативный и дидактический аспекты русского языка», Волгоград, 2022.

По теме диссертации опубликовано 8 научных статей, 5 из которых – в журналах из списка ВАК РФ, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 5.9.5.

ГЛАВА I. ЯЗЫК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В главе излагаются результаты изучения и систематизации научных данных, связанных с особенностями языка Ф.М. Достоевского, авторского идиостиля. Анализируются базовые лингвистические подходы к исследованию языка писателя; обозначаются основные черты идиолекта Ф.М. Достоевского. «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий» рассматривается как один из важнейших лексикографических ресурсов, позволяющих выявить особенности авторского идиолекта. В главе также обосновывается возможность изучения концепта через реконструкцию семантического поля, показываются способы языковой репрезентации концепта в тексте литературного произведения.

§ 1. Основные направления изучения языка Ф.М. Достоевского

В первом параграфе даётся описание базовых подходов к исследованию языка писателя, анализируются и систематизируются результаты научных работ в данной области.

«В языке конкретной личности отражаются основные черты литературного языка той эпохи, в которую жил этот человек. Личность выдающаяся, в первую очередь писатель, в свою очередь оказывает влияние на развитие литературного языка. Кроме того, через созданные писателем тексты мы можем познать и его личностные особенности, мировоззрение, эмоциональное восприятие мира, т. е. в какой-то степени познать его самого» [Ружицкий 2013: 74]. Исследование идиостилевых особенностей такого автора, как Ф.М. Достоевский, позволяет сделать определённые выводы не только относительно особенностей его языковой личности, но и рассмотреть возможное влияние созданных писателем произведений на становление русского литературного языка, высказать предположение о том, было ли

вообще такое влияние, в чём оно выражалось и т. д. Несомненно также и то, что на становление идиолекта Достоевского оказывали влияние его предшественники и современники – А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, Н.С. Лесков и другие. Причём не только писатели, но и литературные критики: так, под воздействием критических отзывов Достоевский решает существенным образом переделать «петербургскую поэму» «Двойник» в её последующих изданиях, внося значительную стилистическую правку, исключив многочисленные повторы и др. Дискуссионным тем не менее остаётся вопрос о том, стала ли от этого повесть лучше.

Следует отметить, что изучение языка Достоевского началось ещё при жизни писателя, и подавляющее большинство работ в данной области имело в основном литературоведческую направленность. Критические отзывы относительно авторского стиля как бы дополняли критику идеологическую, несогласие с высказываемыми Достоевским идеями, создаваемыми образами, «излишним» психологизмом и оторванностью от реализма и т. д. Весьма показательна в этом отношении известная статья Н.К. Михайловского «Жестокий талант» [Михайловский 1956], опубликованная, надо сказать, на следующий год после смерти Достоевского, в которой её автор, отталкиваясь от убеждённости в том, что Достоевский наслаждается страданием (не только героев произведений художественной прозы, но и, в публицистике, всего народа), «страстно проповедует» его, обращает внимание в первую очередь на соответствующие лексические средства – *страдать, страдание, мучить, мучение, боль, наслаждение от власти* и др. В итоге делается следующий вывод: «...отличительным свойством нашего жестокого таланта будет ненужность причиняемого им страдания <...> Формальным образом на архитектуре романа или повести это отразится непомерными и совершенно не художественными длиннотами, вводными сценами, отступлениями, во всех тех случаях, когда будет соблазн мучительно пощекотать нервы читателя <...>» [Михайловский 1956: 331–332]. И далее в статье мы видим

такие, например, характеристики стиля Достоевского: «не найдёте... ни одной высоко художественной страницы», «пишется наскоро, второпях», «нескладность, растянутасть, безмерность», «ненужные надстройки, вставки и отступления», «трудно читать [«Бедных людей»] без некоторой тошноты от чрезмерного обилия всяких “маточек”, “голубчиков моих”», «всё вычурно, необыкновенно, случайно, чудно», «слабость художественного чувства меры» и т. д.

В целом аналогичные претензии к стилю Достоевского высказывались и при жизни писателя – В.Г. Белинским, А.А. Григорьевым, К.С. Аксаковым, Л.Н. Толстым и другими: многословие, растянутасть, излишнее увлечение повтором модальных частиц, пристрастие к словам с суффиксами субъективной оценки, в основном к словообразовательной категории уменьшительности, «герои говорят одним языком» и т. п. (подробнее см. [Ружицкий 2015]).

В более поздней критике мы находим обвинения Достоевского в том, что его тексты недостаточно отредактированы, слог очень «нестройный» и т. п. Следует отметить, что подобного рода суждения, чаще всего ничем не аргументированные, встречаются и в настоящее время, при этом едва ли не основной вектор литературоведческих исследований творчества Достоевского состоит в его сравнении с другими писателями, причём не только его современниками и не только русскими – А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем, Н.С. Лесковым, Л.Н. Толстым, И.С. Тургеневым, А.П. Платоновым, М. Горьким, П. Вежиновым, Чарльзом Диккенсом, Уильямом Блейком и др. См., например: [Апостолов 1928; Арденс 1970; Аристова 2022; Арустамова 2007; Архипова 1983, 1987; Белов 1975; Благой 1972; Буданова 1987; Бурсов 1964; Власова 2019; Волгина 2001; Волынский 2007; Гажева 2020; Иванчикова 2001; Кавацца 2019; Плющ 2019; Радбиль 2001; Сердечная 2020; Суханова 2018; Шмакова 2017] и др.

Исследования такого рода, вне всякого сомнения, представляют определённую ценность, однако если, например, сравнение творчества

Ф.М. Достоевского с литературным наследием А.С. Пушкина или Н.С. Лескова кажется вполне естественным, то сопоставление с творчеством других писателей, скажем, Вл. Высоцкого или В. Пелевина, выглядит уже весьма странным: одна строчка из песни – «Куда там Достоевскому с “Записками” известными» вряд ли может служить основанием для сравнительного исследования.

Тем не менее в трудах литературоведов можно найти интересные идеи и гипотезы, связанные с решением поставленных в нашей работе задач. Например, в работах, направленных на изучение взглядов Достоевского, его «концепций» (человека, игры и т. д.) или посвящённых тематическому содержанию произведений писателя (тема человека, Петербурга, бедности и богатства, судьбы и т. д.): [Алексеев 2015; Бамбуляк 1981; Белопольский 1987; Волкова 2016; Живолупова 2011; Захарова 2015; Кукуева, Сумская 2017; Курган 2015; Кустовская 2011; Махаев 2012; Рубцова 2013; Степченкова 2021; Черных 2012; Чусовитина 1984] и др.

Следует отметить, что деление научных трудов, посвящённых творчеству Ф.М. Достоевского, на литературоведческие и лингвистические часто довольно условно (сказанное касается, в частности, проблемы интертекстуальности, вопроса о прецедентных текстах).

Интересными представляются труды, написанные на стыке литературоведения и лингвистики, например, связанные с изучением ритмической организации текстов Достоевского, взаимосвязи смысла и ритма, с использованием писателем различного рода риторических приёмов: [Векшина 2008; Зверева 2017; Литинская 2021; Отева 2011; Прохоров 2013; Ткаченко 2019; Уффельманн 2022; Учелло 2019; Хажиева 2009] и др.

Изучение языка и творчества Ф.М. Достоевского стало активно и плодотворно развиваться в начале XX века, причём окружающая действительность, эпохальные перемены в обществе, в свою очередь, часто воспринимались сквозь призму идей писателя: «Достоевский понимается через

XX век, но и XX век понимается через личность и творчество Достоевского» [Касаткина 2007: 3].

Д.С. Мережковский в работе «Вечные спутники» полагал, что, в отличие от Тургенева и Толстого, Достоевский «...роднее, ближе нам. Он жил среди нас, в нашем печальном, холодном городе; он не испугался сложности современной жизни и её неразрешимых задач, не бежал от наших мучений, от заразы века. <...> ничто так не сближает людей, как общие недостатки» [Мережковский 2007: 175–176]. В текстах Достоевского характерно описание психологического состояния и перехода персонажей, в процессе которого читатель как будто переживает то, что переживают герои его произведений, происходит «слияние» с ними (см. [там же: 177]).

По мнению Д.С. Мережковского, Достоевский – «великий реалист и вместе с тем великий *мистик* <...> для него жизнь – только явление, только покров, за которым таится непостижимое и навеки скрытое от человеческого ума» [там же: 179]. Некоторые персонажи его произведений, яркие и живые, но одновременно они обладают мистическими свойствами, например, Свидригайлов во время первой встречи с Раскольниковым (см. [там же]).

Двойственное отношение к Достоевскому мы находим у Андрея Белого; «декларируемая независимость, претензия на объективный научный подход» и «напряжённое, порой болезненное, личное восприятие его творчества» [Чинкова 2000: 133]. А. Белый придерживался мнения, что трагедия в произведениях Достоевского является отражением авторской жизни: «любить Достоевского значит признать страшную трагедию, подстерегающую нас в творчестве, потому что самое творчество Достоевского есть живая повесть о переживаемой им трагедии» [Белый 1911: 19].

Ю.А. Айхенвальд в работе «Достоевский» описывал творчество Ф.М. Достоевского как уникальное, которому нет равного в мировой литературе (см. [Айхенвальд: URL]). Для спасения от страдания писатель обращается к Богу, к Христу. Не случайно, конечно, то, что эти слова – *Бог, Христос, страдать, страдание, спастись, спасение, православный,*

православие, человек и др. часто употребляются у Достоевского в одном узком контексте.

В работе «Достоевский в художественной идеологии» И. Анненский полагает, что «...роман “Преступление и наказание” по всей художественной стройности остался у своего автора непревзойдённым» [Анненский 1979: 181–182] и самым колоритным. И. Анненский пытался изучить язык автора посредством использования анализа символов и модели текста. О том, что И. Анненский делает попытку целостного описания идейно-тематической композиции «Преступления и наказания» и при этом предлагает собственное определение изобразительного метода Достоевского см. [Кравчук: URL].

Л. Шестов в статье «Достоевский и Ницше» разделял творчество Достоевского на два периода – от «Бедных людей» до «Записок из Мёртвого дома» с «Записок из подполья» до Пушкинской речи, «мрачным апофеозом всего творчества Достоевского» [Шестов 1996: 332]. В.В. Лашов объясняет такое разделение творчества писателя на периоды тем, что «Шестов <...> фокусирует своё главное внимание не столько на содержательной стороне идей Достоевского, сколько на самом процессе перерождения его убеждений <...> эволюции его взглядов» [Лашов 2009: 127]. Для нас важна сама идея периодизации творчества Достоевского, однако считаем более целесообразным основать такую периодизацию в том числе и на изучении изменений авторского идиостиля, а не только на эволюции идей писателя. С учётом этого имеет смысл говорить о трёх периодах творчества Достоевского: «Бедные люди» – «Неточка Незванова», «Маленький герой» – «Игрок», «Преступление и наказание» – «Пушкинская речь».

В работе мы в основном сосредоточили своё внимание на обзоре результатов исследований языка Ф.М. Достоевского, появившихся после 2015 года, выделив их базовые направления, включающие в себя следующие объекты:

– языковая личность Ф.М. Достоевского или какого-либо из персонажей его произведений; общая характеристика идиостиля писателя (интенсификаторы, нестандартная сочетаемость, способы аргументации и другие характерные черты авторского идиолекта): [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021; Бокова 2015; Булгакова, Седельникова 2015; Варзин 2011; Залогина 2004; Козленко 2004; Колесникова 2021; Косых, Тушина 2011; Никандрова 2010; Ружицкий 2013, 2014, 2015; Ружицкий, Ружицкая, Шепелева 2015; Фатеева 2022; Чулкина, Касымалиева 2015; Шарапова 2021; Пронина 2021] и др.

– лексико-семантические поля (далее – ЛСП) в текстах Достоевского (например, ‘межличностные отношения’, ‘закон’, ‘единство’, ‘моральная оценка’, ‘пространственный предел’, ‘речь и звучание’ и т. д.); текстовое семантическое поле, ассоциативный анализ в интерпретации литературного произведения: [Акимова 2001; Денисенко, Романова 2018; Караулов 2014; Конкина 2019; Пак Ын Чжон 2001; Самситова, Ижбаева, Шафикова, Самситова 2018; Ткаченко 2010, 2011, 2019; Чулкина 2021] и др.¹;

– концепты в языковой картине мира Достоевского, связанные с человеком: ‘женщина’, ‘мужчина’, ‘человек’, ‘хозяйка’, ‘человек’, ‘семья’, ‘детское’, ‘детство’ и др.; с религиозными представлениями: ‘жизнь вечная’, ‘демон’, ‘бесовство’, ‘бесы’, ‘жертва’, ‘наказание’, ‘слезы мира’, ‘провинция’, ‘город’ и др.; с топонимикой: ‘Петербург’, ‘Крым’, ‘Италия’ и др.; с эмоциями (эмоциональные концепты): ‘гнев’, ‘страх’, ‘смех’ и др.; с творческим процессом: ‘литература’, ‘творчество’ и др.; с той или иной эстетической или этической категорией: ‘красота’, ‘правда’, ‘истина’ и др.: [Бадалова 2017; Баринова 2020;

¹ Особое внимание учёные обращали на создаваемое Достоевским поле неопределённости. Так, Н.Д. Арутюнова в книге «Язык и мир человека» обсуждала вопрос о функционировании в текстах писателя таких маркеров неопределённости, как *как бы, как будто, будто, словно, точно, вроде, похоже* и т. д. (см. [Арутюнова 1999: 846]). Категория неопределённости, несомненно, играет важную роль в языковой картине мира Достоевского, «неопределённость и неуловимость позиции Достоевского в какой-то степени обусловлены осторожностью как коммуникативной стратегией, или, говоря иначе, установкой на поиск контакта с читателем» [Ковалёв 2011: 12].

Баршт 2022; Батурина 2018; Булгакова, Седельникова 2018; Булгакова, Седельникова 2021; Варзин 2021; Головачёва, Седельникова 2020; Денисова 2006; Дергачёва 2021; Ерофеева, Сафонова 2017; Залогина 2004(б); Зелянская 2004; Зябрева 2018; Истомина 2002; Исупов 2010; Карустина 2015, 2021, 2022; Козлова 2010; Кузнецова 2006; Кулакова 2010; Курган 2016; Манукян 2021; Мельниченко 2009(а); Мельниченко 2010; Михайлова 2021; Никаноров 2020; Райхлина, Лобанова 2019; Сафонова 2015, 2016, 2017; Свящ. Шитиков, Никитина 2021; Смирнов 2016; Сыромятников 2021; Харина 2007] и др.

– лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ), отдельное слово, иноязычная лексика и т. п. в текстах Достоевского, т. е. лексический строй идиолекта писателя (эмотивные глаголы, глаголы введения речи, окказиональные интенсификаторы, классификаторы неопределённости, колоративы, топонимы, антропонимы, латинизмы, слова *решительно, вдруг, почти, катастрофа, маска, всечеловеческий, общечеловеческий, стушеваться, дети, семья, жизнь, муха*): [Беляева 2015; Бонола 2016; Вознесенская 2022; Волкова, Хамшовски 2021; Душенко 2019; Ерохина 2021; Козлова 2015; Колесникова, Бурская, Шаталова, Леденёва 2021; Муминов 2016; Ружицкий 2014, 2015, 2020, 2021; Скоропадская 2021; Скуридина 2019; Халиков 2021; Шайрар, Садченко 2019; Шарапова 2015, 2016, 2018, 2021] и др.

– словообразовательный тип, новообразования, слова с суффиксами субъективной оценки, междометия, вводные слова, модальные частицы в текстах Достоевского: [Баранов 1996; Муминов 2011, 2016; Нагорный 2021; Николина 1991, 2021; Ружицкий 2014] и др.;

– символ, сравнение, метафора, метонимия, оксюморон, другие виды тропов и фигур речи (особенности метафоризации художественного пространства, специфика функционирования метафор, визуальные метафоры, метафора цвета, метафорические переносы при описании эмоций и т. д.): [Азаренко 2012, 2014; Боборыкина 2019; Иваницкая 1992; Карасёв 1994, 2007; Каухчишвили 2004; Майер 2016; Мельниченко 2009; Потёмкина, Ружицкий 2022; Смыслова 2022; Якушевич 2011, 2014] и др.

– фразеологическая единица (модальные фразеологизмы, фразеологические средства характеристики психического состояния героев, трансформации, или модификации, фразеологических единиц и т. п.): [Проскуряков 1995; Ратушная, Уткина 2018; Семёнова 2004; Темникова 2002; Труфанова 1985; Шигарёва 1977, 1987] и др.

– афоризм (авторское относительно краткое нетривиальное суждение): [Кавацца 2020; Ружицкий 2014, 2015; Шаталова 2000] и др.

– словосочетание и предложение (синтаксис Достоевского): [Иванчикова 1979, 1981; Сушкова 2016; Шаповалова 2021] и др.

– графические способы выделения слова в текстах Достоевского (курсив, подчёркивание, кавычки и др.), авторская пунктуация: [Захаров 1979; Касаткина 2005; Кошелева 2019; Михеев 2010] и др.

Можно заключить, что исследование языка Ф.М. Достоевского осуществляется с разных сторон – лексической, морфологической, синтаксической, словообразовательной и др. Для решения задач, поставленных в настоящей работе, мы сосредоточимся в основном на изучении лексического строя идиолекта Достоевского, конкретного ЛСП – ‘страх’, на вопросе, который пока ещё не нашёл должного научного освещения, несмотря на ключевую роль данного поля и данного концепта в языковой картине мира писателя².

² Исключением является, пожалуй, отнесение слова *страх* к ключевым в известных цитатах Ф.М. Достоевского (см. [Антоний 1998]).

§ 2. Ключевые особенности идиостиля Ф.М. Достоевского

В параграфе освещаются следующие вопросы: возможности и приёмы лингвистического анализа художественного текста; соотношение понятий «языковая личность», «идиостиль», «идиолект», «идиоглосса», «идеоглосса», «идиоглоссарий», «сквозное слово», «ключевое слово»; концептуальные особенности «Идиоглоссария Достоевского» как лексикографического ресурса, фиксирующего особенности идиостиля писателя и дающего возможности с опорой на этот ресурс подойти к построению авторского тезауруса, т. е. реконструировать текстовые семантические поля (далее – ТСП) и отразить существующие между ними взаимосвязи.

О художественном тексте как объекте лингвистических исследований можно говорить с момента публикации работ Л.В. Щербы и В.В. Виноградова, открывших новую область в филологии – науку о языке художественной литературы (см. [Новиков 2007: 7–10]), после чего данное направление языкознания получило довольно широкое распространение. Одной из его задач стало выявление семантической структуры текста, составляющей основу языка писателя. Лингвистический анализ предполагает многоаспектное изучение текста литературного произведения, и главным приёмом такого анализа должно быть «раскрытие его [художественного текста] образной поэтической структуры в тесном единстве с идейным содержанием и системой языковых изобразительных средств» [там же: 25].

Писатель как создатель литературного произведения в той или иной степени вкладывает в него свой «образ», так появляется идея реконструкции образа автора в художественном тексте, отражающего в том числе и структуру текста (см. [там же: 12, 14]).

Художественный текст служит материальным воплощением картины мира его создателя, а при его линейном прочтении читатель добавляет своё понимание к заложенному в тексте смыслу. В ходе этого процесса образуется «семантическое пространство текста»: «Семантическое пространство текста –

это ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков <...> (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретации текста читателем в процессе его восприятия (актуальное семантическое пространство)» [Бабенко, Казарин 2005: 52]. Эти два типа семантического пространства художественного текста коррелируют с установившимися в литературоведении понятиями интрафикционального и экстрафикционального прочтения литературного произведения.

Сказанное даёт нам все основания считать изучение текста литературного произведения, фиксацию и анализ особенностей авторского идиостиля возможностью выявления базовых характеристик авторской языковой личности, единиц, входящих в её лексико-грамматический (семантический), когнитивный (тезаурусный) и мотивационный (интенциональный) уровни, а также связей между этими уровнями. В нашем случае в качестве материала для исследования такого рода выбран роман «Преступление и наказание» – произведение, оказавшее и продолжающее оказывать, по всей видимости, наибольшее влияние на читателя Ф.М. Достоевского, причём не только в России, но и во всём мире.

Считается (см., например, [Шичкина 2016]), хотя этот факт и нельзя считать бесспорным, что термин «идиостиль» ввёл в филологию А.И. Ефимов [Ефимов 1969], занимавшийся в основном литературоведческими исследованиями. Учёный понимал «идиостиль» следующим образом: «индивидуальная система построения речевых средств, которая вырабатывается и применяется писателем при создании художественных произведений», а также «характерная для писателя манера выбора и употребления слов» [Ефимов 1969: 29].

Широкое употребление в науке о языке термин «идиостиль» приобрёл благодаря работам В.П. Григорьева, прежде всего – книге «Грамматика идиостиля: В. Хлебников», в которой автор обсуждал реальность данного понятия и в литературоведении, и в лингвистике в его соотношении с

понятием «идиолект»: «<...> всякий идиостиль как факт современной литературы является в то же время и идиолектом» [Григорьев 1983: 4].

Нельзя не отметить тот факт, что концептуально внедрение в науку термина «идиостиль» восходит к идеям В.В. Виноградова, который считал, что изучение авторского стиля при анализе текста литературного произведения должно занимать центральное место: «...познать индивидуальный стиль писателя <...> как своеобразную систему языковых средств и их эстетической организованности – эта задача должна предшествовать всяким историческим изысканиям» [Виноградов 1923: 286]. По мнению учёного, под «индивидуальным стилем понимается своеобразная, исторически обусловленная, сложная, но представляющая структурное единство система средств и форм словесного выражения в её развитии. <...> «В стиле писателя <...> объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [Виноградов 1959: 169].

При этом не может не возникнуть вопрос о факторах, влияющих на формирование идиостиля, в том числе экстралингвистических: идиостиль формируется «под воздействием всей экстралингвистической основы – функционально-стилевой, жанрово-стилевой, так и индивидуально-стилевой» [Котюрова 2011: 95]. Идиостиль естественным образом соотносится с конкретной исторической эпохой, и его анализ может послужить для определения того исторического периода, с которым связано творчество писателя. Более того, авторский идиостиль в соответствующую эпоху не является изолированным, он отражает неразрывность развития языка (об этом см., например, [Тихоненко 2013: 159]).

Важно также то, что идиостиль может изучаться в разных разделах языкознания (см. [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 377]). При этом существует возможность ориентации на следующие модели: лексическую («очевидная особенность лексической модели – это преобладание тех или иных слов в формировании текста <...> частотное распределение лексики отражает степень важности для автора тех или иных смыслов и понятийных

областей» [там же]. Так, для текстов Достоевского характерно «использование разнообразных лексем с семантикой неопределённости и кажимости» [там же: 378]; синтаксическую – «художественные тексты Достоевского уникальны тем, что в них получила отражение естественная разговорная речь XIX века» [там же: 381]; нарративную, которая «характеризует способы организации повествования, то есть оформление эпизодов и входящих в них сцен <...>» [там же: 383]; «модель интертекстуальных связей, которая заключается в выявлении смысловых и формальных отсылок к другим текстам того же или других авторов» [там же: 384]. В результате изучения этой модели авторами выстраивается линия Набоков ← Достоевский ← Гоголь (см. [там же: 385]).

В настоящей работе мы будем следовать пониманию идиостиля как совокупности именно речетекстовых характеристик отдельной языковой личности. Такой подход соответствует определению, предлагаемому в [СЭС 2011: 95–96]. Ср. также определение идиостиля Н.А. Фатеевой: «<...> система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определённого автора, которая делает уникальным воплощённый в этих текстах авторский способ языкового выражения и стиль его мышления» [Фатеева 2022: 171–172].

«Идиостиль» входит в одну терминологическую парадигму с понятием «идиолект». В.В. Виноградов полагал, что идиолект – это «совокупность формальных и стилистических особенностей, присущих речи отдельного носителя данного языка» [Виноградов 1998: 144]. В.Г. Щукин в целом придерживается аналогичной точки зрения: Идиолект – «система речевых средств индивидуума, формирующаяся на основе усвоения языка и развивающаяся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» [Щукин 1978: 9].

При всём несомненном сходстве этих двух терминов полагаем, что они находятся в родо-видовых отношениях. Если идиостиль – это «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определённого автора» [Самарская 2016: 8–9], то начальной

ступеню его формирования является идиолект – «совокупность структурно-языковых особенностей, присущих конкретному носителю языка» [там же], т. е. идиостиль в качестве гипонима представляет собой языковые особенности автора литературного произведения, идиолект – часть общего языка, которую использует каждый человек.

Идиолект – совокупность «<...> собственно структурно-языковых особенностей <...> имеющих место в речи отдельного носителя языка» [СЭС 2011: 95]; «<...> особенностей языка отдельного человека» [Тихоненко 2013: 163]; «<...> формальных и стилистических и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [ЛЭС 2002: 171]; «<...> особенностей, характеризующих речь индивида» [СЛТ 2010: 115]. См. также [Михайлов 1966: 85];

Тем не менее следует отметить, что в лингвистике понятия «идиолект» и «идиостиль» часто взаимозаменяют друг друга.

Исходя из того, что «идиостиль проявляется как тенденция, совокупность предпочтений в использовании языка» [Баранов, Добровольский, Фатеева 2021: 376], существует возможность посредством изучения особенностей авторского стиля реконструировать языковую картину мира писателя. Существует мнение, что для достижения этой цели необходимо учитывать всё творчество писателя (см., например, [Тихоненко 2013: 159]). С такой точкой зрения можно согласиться лишь частично – хотя бы в силу того, что понятие «всё творчество» весьма условно. Например, относятся ли ко «всему творчеству» Ф.М. Достоевского черновые наброски его произведений, записные книжки, личные и деловые письма и т. д.? И если относятся, то как тогда следует подходить к тому, что многие из этих текстов утеряны? Мы в любом случае никогда не сможем говорить обо «всём творчестве», исходный для исследования материал так или иначе останется фрагментарным. Отметим попутно, что эти тексты – черновые записи, наброски и т. п. – могут оказаться чрезвычайно интересными для изучения «творческой лаборатории писателя», самого процесса создания литературного произведения. Наконец, если язык обладает свойствами фрактальной структуры, то аналогичное суждение можно вынести и по отношению к конкретной языковой личности.

Кратко рассмотрим ещё одно ключевое для нашего исследования понятие – «языковая личность», которое, в связи с вопросами исследования художественного текста, ввёл в российскую (советскую) лингвистику В.В. Виноградов в своей работе «О языке художественной прозы» [Виноградов 1980]. Раскрывая тему лингвистики речи (*linguistique de la parole*) Ф. де. Соссюра, В.В. Виноградов отмечал, что «...социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности <...> в литературном произведении, как особой сфере творчества личности» [Виноградов 1980: 91]. Ю.Н. Караулов, опираясь на идею В.В. Виноградова и лингводидактическую модель языковой личности Г.И. Богина (см. [Богин 1984]), положил данное понятие в основу своей концепции – теории языковой личности, аккумулирующей многие идеи и результаты таких современных лингвистических направлений, как психолингвистика и когнитивная лингвистика. При этом учёного интересовала в основном коллективная языковая личность, а конкретно – русская, находящая отражение в индивидуальной языковой личности, в том числе и, например, персонажа литературного произведения. Концепция языковой личности постепенно приобрела широкую популярность, образовалось целое научное направление – лингвоперсонология, изучающая языковую личность в различных её манифестациях.

Появляются различные направления изучения языковой личности, например, лингводидактическое и лингвокультурологическое. Лингводидактический подход к изучению языковой личности опирается на исследование языковой способности индивида: «<...> языковая личность предстаёт в этом случае как *homo loquens* вообще, а сама способность пользоваться языком <...>» [Караулов 2010: 29]. При лингвокультурологическом подходе акцент делается на коллективные характеристики употребления языка сообщества, внимание обращается на взаимосвязь «язык – культура – этнос». Перед исследователем ставится задача «изучить воплощённую в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную

культуру, в которой формируется языковая личность» [Калоухов 2019: 454]. Схожую точку зрения см. в [Иванцова 2010: 30].

В настоящей работе под языковой личностью мы понимаем личность, реализуемую совокупностью произведённых её (в нашем случае – Ф.М. Достоевским) текстов [см. [Ружицкий 2015]]. При этом наше внимание естественным образом было сосредоточено на работах, посвящённых изучению языковой личности конкретных авторов литературных произведений, например, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, В.В. Набокова, А.П. Чехова, В.М. Шукшина, Б. Акунина, С.И. Липкина и др. (см. [Архангельская 2015; Джаубаева, Штайн 2009; Леденёва 2000; Лелис 2006; Руденко 2018; Соловьёва 2009; Тютрина 2010; Фатеев 2006; Шаталова 2017]).

Прокомментируем содержание следующего понятия, которым мы будем оперировать в настоящем исследовании и которое непосредственным образом связано с концепцией языковой личности, – «идиоглосса», лежащее в основе концепции «Словаря языка Достоевского. Идиоглоссарий» [СЯД 2008, 2010, 2012, 2017, 2021]. Идиоглоссы – это «тезаурусообразующие понятия, элементы субъективного авторского образа мира». По отношению к тексту они «выполняют роль ключевых слов, набор которых позволяет воспроизводить в свёрнутом виде содержание конкретного текста; в силу повторяемости, сквозного характера они являются единицами индивидуального авторского лексикона, однозначным и неповторимым образом характеризуют его идиолект. Способ их существования и поведения в тексте определяется тем, что идиоглоссы образуют в пространстве текста *точки концентрации смысла, своеобразные центры, вокруг которых формируются специфические текстовые ассоциативные поля*. Каждая идиоглосса в тексте существует, будучи погруженной в определённым образом ориентированное ассоциативное пространство» [Караулов, Гинзбург 2001: XXXVI].

На первых этапах создания «Словаря языка Достоевского» основными возможностями выявления идиоглосс в текстах писателя были следующие: к

первой сфере поиска ключевых слов принадлежат высказывания, которые являются названиями произведений и композиционных частей таких текстов; ко второй – высказывания, строение которых – при некоторых дополнительных социолингвистических условиях – позволило бы квалифицировать их как афоризмы (см. [Гинзбург 2001: 333–334]).

Процедура выявления идиоглосс в текстах Ф.М. Достоевского предполагает осуществление следующих шагов: «1) коллективное <...> прочтение текстов Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль <...>; 2) использование данных уже существующих исследований <...> посвящённых языку и творчеству Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; 3) учёт вхождения слова в название произведения Достоевского или в название какой-либо части произведения; 4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, то есть его автонимное употребление, использование слова в составе игры, особенности гипотаксиса и паратаксиса и др.; 5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; б) верификация полученного списка идиоглосс <...>» [Ружицкий 2018: 38–39].

Важная для нас мысль заключается в том, что «к идиоглоссам Достоевского относится не только одно слово, а целый ряд близких по смыслу слов» [там же: 329]. Так, «репрезентанты концепта ‘страх’ – *страх, страшный, страшно, страшить, страшиться, бояться, боязнь, испугаться, испуг, пугать, беспокойство, дрожать, дрожь, дрожать, опасение, робость, робкий, сконфузиться, смущение, смутиться, струсить, тревога, трусость, ужас, ужасный, ужасно* и некоторые другие в лексиконе Ф.М. Достоевского приобретают статус идиоглосс» [Ружицкий, Ма Цзинян 2021: 50].

С понятием «идиоглосса» связаны такие термины, как «идеоглосса», «сквозное слово», «ключевое слово» и др. (см. [Гинзбург 2001: 325]).

Идиоглоссы – «это концептуальные образования, из которых складывается картина мира, и одновременно – единицы, вбирающие в себя специфику авторского стиля» [Караулов, Ружицкий 2015: 16]. Что касается идеоглоссы, то это «единица когнитивного уровня в структуре языковой личности» [Караулов, Гинзбург, 2001: XXXIV–XXXV]. Содержание понятия «идеоглосса» сближается, таким образом, с тем, что в современной лингвистике обычно понимают под словом, обладающим концептуальным содержанием (подробнее см. § 3 Главы I).

Мы полагаем, что «слова *страх*, *страшный* и *страшно* в тезаурусе Достоевского приобретают статус идеоглоссы, именно на описании этих лексем мы и сосредоточим основное внимание в данной работе, хотя, безусловно, другие идиоглоссы, входящие в ЛСП ‘страх’ в тексте романа «Преступление и наказание», также занимают важное место, причём не только в силу относительно высокой частоты их употребления (например: *бояться* – 90 раз, *ужас* – 44 раза, *ужасный* – 42 раза, *ужасно* – 73 раза, *тревога* – 21 раз, *беспокойство* – 20 раз, *дрожать* вместе с приставочными дериватами – 76 раз, *дрожь* – 10 раз, *тревожиться* – 23 раза, *тревога* – 21 раз, *испуг* – 32 раза, *испугаться* – 29 раз, *испуганно* – 7 раз, *пугать* – 11 раз, *пугаться* – 2 раза, *опасность* – 9 раз, *опасаться* – 5 раз, *робкий* – 16 раз, *робко* – 21 раз, *робость* – 2 раза, *смущение* – 15 раз, *смутиться* – 11 раз, *смущать* и *смущаться* – 11 раз, *опасный* – 4 раза, *опасение* – 3 раза, *боязнь* – 3 раза, *трусость* – 1 раз)³, но и ввиду своей функциональной значимости» [Ружицкий, Ма Цзинян 2021: 51].

³ Приводится общая частота употребления данных лексем в романе «Преступление и наказание», без учёта дифференциации по значениям, которые, как, например, в случае с *ужасный* и *ужасно* или *страшный* и *страшно*, часто совмещаются, т. е. *ужасный* и *ужасно* в значениях ‘очень страшный’ и ‘очень сильный’ и, соответственно, ‘очень страшно’ и ‘очень сильно’: «Это [Катерина Ивановна] была *ужасно* [здесь и далее курсив в цитатах из произведений Ф.М. Достоевского и научных источников, за исключением специально оговоренных случаев, наш. – М. Ц.] похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, ещё с прекрасными темно-русскими волосами и действительно с раскрасневшимися до пятен щеками» [Достоевский 1973: 22].

Другое понятие из упомянутой выше терминологической парадигмы – «сквозные слова», под ними подразумеваются «общие признаки, существующие у разных персонажей <...> фрагменты семантических полей <...> точки соприкосновения между разными персонажами, между разными планами изображения, между речью повествователя и речью персонажей» [Кожевникова 2001: 170]. Схожий термин – «ключевые слова», т. е. «лексико-семантические элементы ХТ [художественного текста. – М. Ц.], неоднократно повторяющиеся в его пределах, обеспечивающие его семантическую связность и целостность, обладающие особой смысловой и концептуальной значимостью <...>» [Батурина 2005: 9]. Ключевое слово, таким образом, представляет собой своеобразный «мостик», позволяющий понять текст и интерпретировать его содержание.

Как уже было отмечено, говоря о лексическом строе идиолекта Ф.М. Достоевского, нельзя не упомянуть о «Словаре языка Достоевского. Идиоглоссарий», основные концептуальные положения которого были обозначены Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом. «Идиоглосса» для данного словаря является ключевым лексикографическим параметром. По мнению Ю.Н. Караулова, идиоглоссарий – «словарь, соединяющий в себе черты тезауруса и черты стандартного, пословно описанного и традиционно семантизированного словаря языка писателя» [Караулов 2006: 40].

В «Словаре языка Достоевского» используются следующие базовые лексикографические параметры: употребление описываемого слова в составе высказывания афористического типа (АФРЗ); автонимное употребление (АВТН); неразличение значений в одном узком контексте (НРЗН); употребление в составе игры (ИГРВ); использование в одном узком контексте двух или более слов с разными значениями (КОМБ1); использование в узком контексте слов того же словообразовательного гнезда (КОМБ2); символическое употребление (СМВЛ); ассоциативное окружение (АССЦ); подчинительные связи (СЧТ1); сочинительные связи (СЧТ2); нестандартная сочетаемость (НСТ); морфологические особенности (МРФ);

употребления в ироническом контексте (ИРОН); тропеическое употребление (ТП); использование в чужой речи – в отсылке к прецедентному тексту или в цитате (ЧЖР); словообразовательные связи (СЛБР) (см. [СЯД 2008, 2021]).

Кроме того, в примечаниях словарной статьи «Идиоглоссарий Достоевского» могут актуализироваться следующие лексикографические параметры, важные для репрезентации авторского идиостиля: «в амплификации», «в параллелизме», «в тавтологии», «в уточнении», «в зевгме», «в повторе», «в противопоставлении» и др.

Для выявления состава текстового семантического поля (далее – ТСП) наиболее релевантной является фиксация сочинительных и подчинительных связей описываемого слова, т. е. паратаксис и гипотаксис, его ассоциативное окружение (текстовые ассоциативные связи) и словообразовательная парадигма – используемые Достоевским слова словообразовательного гнезда, в которое входит описываемая идиоглосса. Именно эти показатели позволяют сделать первый шаг к реконструкции ТСП, а также высказать предположения о пересечении одного поля с другими полями и одновременно – конкретизировать содержательные характеристики языковой репрезентации концепта, в том числе идиостилевые.

§ 3. Языковая репрезентация в текстах Ф.М. Достоевского базовых концептов авторского тезауруса

В параграфе решаются следующие задачи: даются различные трактовки термина «концепт»; приводится определение этого понятия, релевантное для проводимого исследования; анализируются возможные способы языковой репрезентации концепта в тексте литературного произведения.

Термин «концепт» трактуется по-разному – в зависимости от того, с точки зрения какого научного направления он рассматривается. Следует отметить, что данное понятие стало настолько популярным в современной лингвистике, что его вполне можно квалифицировать как «зонтиковое», т. е. используемое в различных областях знания. Тем не менее общим в определении концепта является то, что он представляет собой одну из основных форм категоризации знания, средство концептуализации действительности.

Впервые определение концепта предложил в 1928 году С.А. Аскольдов, полагавший, что концепт – это идея об определённом предмете или явлении в голове человека, в какой-то степени означающая плоды его интеллектуальной деятельности: «...концепты – это эмбрионы мысленных операций, которые в своём раскрытии могли бы занять часы, дни, иногда месяцы, например, концепт “падение римской империи” в понимании историка-специалиста» [Аскольдов 1997: 273].

Для нас важно то, что существует возможность изучения концептов в их связи с семантическим пространством художественного текста. В литературном произведении вербализуется, т. е. материализуется, овеществляется, один или несколько концептов. В отличие от художественного слова, художественный концепт «чаще всего есть комплекс того или другого, т. е. сочетание понятий, представлений, чувств, эмоций, иногда даже волевых проявлений» [там же: 274].

Д.С. Лихачёв в своей работе «Концептосфера русского языка» развил идеи С.А. Аскольдова и ввёл понятие «концептосфера». По мнению

Д.С. Лихачёва, «концепт тем богаче, чем богаче национальный, сословный, классовый, профессиональный, семейный и личный опыт человека, пользующегося концептом. В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами» [Лихачёв 1997: 282]. Концепты существуют не сами по себе, не изолированно друг от друга, но в определённой человеческой «идеосфере», и, таким образом, здесь мы видим их несомненную связь с упомянутой выше категорией «идеоглосса».

Ю.С. Степанов наряду с термином «концепт» предложил понятие «константа русской культуры», означающее «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время <...>» [Степанов 2004: 84]. Обращая особое внимание на культурные концепты, учёный изначально предполагал их тесную связь с национальной культурой: «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [там же: 43]. Кроме того, концепт, как указывал и С.А. Аскольдов, может быть связан с определёнными эмоциями – радостью, грустью, гневом, раздражением и т. п., а также с оценкой, пейоративной или мелиоративной. «Концепты не только мыслятся, они переживаются <...>» [там же: 43].

Существует возможность отсутствия вербализации концепта, или, иначе, если концепт не материализован – словом, картинкой и т. п., он при этом не перестаёт быть концептом. Такая точка зрения представляется весьма спорной, по крайней мере в русле решения поставленных нами в диссертации задач реконструкции ТСП (см., например, [Ляпин 2012: 81]).

Анализ наиболее распространённых определений понятия «концепт», приводимых в словарях когнитивных терминов, в энциклопедических словарях и в словарях лингвистических терминов⁴, позволяет заключить, что

⁴ См., например: «**КОНЦЕПТ** (*англ.* concept; *нем.* Konzept) – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица

концепт в аспекте лингвистического анализа художественного текста можно рассматривать как вербализованное понятие, включающее в себя смысловые компоненты, связанные с определёнными идиоглоссами и, соответственно, идеоглоссами.

Вербализация концепта – это его языковое выражение, т. е. языковые средства объективации, или материализации. Для выявления способов вербализации концепта существуют различные методы исследования, один из которых – анализ концепта посредством изучения функционирования ключевых слов в каком-либо конкретном тексте, прежде всего в литературном.

Покажем в качестве примера один из возможных подходов к изучению вербализации концепта ‘испуг’ (использованные нами теоретические положения взяты из [Рылов 2013; Исина 2021; Шнякина 2015; Ушакова 2017; Осыка 2009; Петрова, Рубцова 2019; Лаврова 2010, 2013; Брагина, Шмульская 2019; Патиева 2015; Константинова 2009]):

1) раскрытие смыслового содержания слова-концепта посредством анализа словарных дефиниций. При этом мы опирались на данные, представленные в [СД, СУ, МАС, СО, СЕ, СДД].

Анализ словарных дефиниций показывает, что инвариантом значения для слова *испуг* выступает сема ‘внезапное чувство страха, состояние испугавшегося; сильное душевное волнение’.

2) анализ синтагматических связей слова, включающий в себя в том числе выявление коллокаций, в состав которых входят слово *испуг* и однокоренные с ним слова; например, в тексте романа «Преступление и наказание»:

памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. Понятие К. [концепта. – М. Ц.] отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [СКТ 1996: 90]; «**КОНЦЕПТ** [*лат.* *conceptus* – ‘мысль’, ‘понятие’] 1) Смысловое содержание понятия, объём которого есть предмет (денотат) этого понятия <...> 2) В когнитивной лингвистике: оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [СЛТ 2010: 165].

вскрикнуть от испуга; испуганное личико; с испугом спросить; в страшном испуге; с испугом посмотреть; вздрогнуть от испуга; детский испуг; вдруг испугаться; ужасно испугаться; испуганный взгляд; в испуге вскрикнуть; какой-то испуг и др.; гипотаксис слова испуг составляют также следующие сочетания, в том числе предикативные: испуг (какой?) – некоторый, страшный, совершенный, первый, детский, возраставший, новый; в испуге – привстать, отшатнуться, вскрикнуть, подумать, отскочить, броситься; с испугом – спросить, смотреть, осведомиться, встречать; от испуга – вскрикнуть; прилив испуга; испуг прошёл; показался и др.

Для Достоевского характерно использование слова *испуг* со словами, обозначающими различную степень интенсивности проявления этой рефлекторной реакции человека на возможную угрозу и её неопределённость, в текстах писателя мы встречаем *чуть не в испуге, почти испуг, почти с испугом, почти в испуге, почти от испуга; в последней степени испуга; даже испуг; чувство, похожее даже на испуг; с каким-то даже испугом; даже с каким-то испугом; в каком-то даже испуге; несколько в испуге; уж совсем в испуге; немного в испуге; в таком испуге, что судорога прошла по лицу* и т. п.

3) фиксация парадигматических отношений слова (синонимических, антонимических, гипонимо-гиперонимических, паронимических и др.). Например, паратаксис идиоглоссы *испуг* в тексте романа «Преступление и наказание» включает следующие сочетания: *не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его; прошёл первый испуг и первый столбняк; мне слез её надобно было, мне испуг её видеть надобно было; в испуге и в каком-то неясном и тяжёлом подозрении; испуг и самое участие; в страшном испуге, почти в припадке; с изумлением и почти даже с испугом; в изумлении, в испуге и в каком-то неясном и тяжёлом подозрении.*

Паратаксис интересен тем, что позволяет обнаружить не только сочетаемостный потенциал слова, но и его парадигматические связи, часто являющиеся индивидуально-авторскими, например, связь концепта 'испуг' с такими лексемами, как *стыд, подозрение, удивление, негодование* и др. При

этом несомненный интерес вызывает описание смены состояния персонажа, от испуга – к удивлению, негодованию и т. п., что, надо сказать, мы встречаем не только у Достоевского, но и у других писателей, его современников; ср.:

[Закладчик] Испуг и удивление сменились в ней [в Кроткой] вдруг какою-то озабоченною мыслью, чрезвычайным вопросом, и она странно смотрела на меня, дико даже, она хотела что-то поскорее понять и улыбнулась (Достоевский, Кроткая); Он [Раскольников] вышел, оставив Соню в изумлении, в испуге и в каком-то неясном и тяжёлом подозрении (Достоевский, Преступление и наказание); – Как! – вскричал он [князь], вдруг останавливаясь в чрезвычайном недоумении, даже почти в испуге (Достоевский, Подросток); Сначала она [Джемма] изумилась, испугалась и побледнела страшно... потом испуг в ней сменился негодованием, она вдруг покраснела вся, до самых волос – и её глаза, прямо устремлённые на оскорбителя, в одно и то же время потемнели и вспыхнули, наполнились мраком, загорелись огнём неудержимого гнева (Тургенев, Вешние воды); Неведомов с удивлением и почти с испугом взглянул на Вихрова (Писемский, Люди сороковых годов); Глуповцы в смятении и испуге повскакали с своих мест (Салтыков-Щедрин, История одного города).

В диссертации для выявления синонимических связей слова использовались в основном следующие лексикографические источники: [ССА, ССРЯ, НОСС, БТСС, ССРЯА, ССАГ]. Например, к синонимам слова *испуг*, согласно данным указанных словарей, можно отнести следующие лексические единицы: *беспокойство, боязливость, боязнь, дрожь, жуть, малодушие, мнительность, опасение, опаска, оторопь, паника, перепуг, робость, страсть, страх, трепет, трусость, ужас*. Антонимами являются *спокойствие, равнодушие, бесстрашие, покой*. Естественно, что в рамках какого-то конкретного текста данные лексические единицы могут обладать различной значимостью.

4) анализ словообразовательных, эпидигматических связей (отдельный тип парадигматических отношений); например, словообразовательное гнездо слова *испуг* в [СТ] представлено следующими дериватами:

пугать, пугаться, запугаться, пугивать, пугануть, пугнуть, вспугнуть, вспугивать, вспугиваться, вспугивание, выпугнуть, выпугнуться, выпугиваться, выпугивать, выпугивание, отпугнуть, отпугивать, отпугиваться, отпугивание, подпугнуть, подпугивать, припугнуть, припугиваться, припугивание, распугнуть, распугивать, распугиваться, распугивание, спугнуть, спугивать, спугиваться, пугание, пугало, пугалище, пугач, пугающий, пугающе, пугливый, пугливо, пугливость, непугливый, пуганный, непуганный, выпугать, выпугивать, выпугиваться, выпугивание, запугать, запугивать, запугиваться, запугивание, запуганный, запуганность, испугать,

испугаться, испуг, испуганный, испуганно, испуганность, напугать, напугаться, напуганный, напуганно, понапугать, отпугать, отпугивать, отпугиваться, отпугивание, перепугать, перепугаться, перепугиваться, перепугивать, перепуг, перепуганный, попугать, попугивать, распугать, распугивать, распугиваться, распугивание, пужать, пужаться, пужануть, пужание, пужливый, пужливо, пужливость, перепужать, перепужаться, попужать.

Для текста романа «Преступление и наказание» актуальны *пугать, пугающий, пугливый, пугаться, испугать, испугаться, испуганный, испуганно, напугать, напуганный, перепугать, перепугаться, перепуганный, запугать, запуганный.*

5) выявление текстовых ассоциаций (за исключением гипотаксиса, паратаксиса и эпидигматических связей); в «Словаре языка Достоевского. Идиоглоссарий» ассоциации такого рода частично фиксируются в специальной зоне комментария словарной статьи – АССЦ⁵. Например, к текстовым ассоциациям идиоглоссы *испуг* в романе «Преступление и наказание» относятся *броситься, волнение, глаза, дверь захлопнулась со стуком, дети, дрожать как лист, задрожать, закричать, лицо, неподвижный взгляд, припадок, с замиранием сердца сбежать, смущение, страх, сходить с ума, сюрпризик, тревога, убежать, удивление, ужас; Дуня, Катерина Ивановна, Порфирий Петрович, Пульхерия Александровна, Разумихин, Раскольников, Свидригайлов, Соня.*

Подробнее о процедуре выявления текстовых ассоциаций идиоглоссы будет сказано в Главе II.

⁵ Определённый интерес представляет сопоставление паратаксиса, гипотаксиса, эпидигматических связей и текстовых ассоциаций анализируемого слова с данными «Русского ассоциативного словаря» (см. [РАС]) и другими ассоциативными словарями; ср. словареакции на слово-стимул *испуг*: страх (3), сильный (6), неожиданность (3), ужас (3), адреналин (2), дикий (2), испытать (2), лицо (2), страшный (2), ужасный (2), большие глаза (1), большой (1), брат на (1), в глазах (1), вдруг (1), взять (1), возбуждающее средство (1), волк (1), глаза (1), девчонки (1), до заикания (1), её (1), женский (1), жуткий (1), за друга (1), захват (1), змея (1), измена (1), искренний (1), испуганный человек (1), крик (1), крысы (1), лёгкий (1), маленький (1), маньяк (1), мимолётный (1), навечно (1), недуг (1), неожиданно (1), неожиданный (1), огромный (1), отрицательные эмоции (1), петух (1), преодолеть (1), пропасть (1), прошёл (1), резкий (1), резко (1), собака (1), состояние очень напряж. (1), стресс (1), у него на лице (1), удивление (1) шок (1).

б) рассмотрение слова с точки зрения его происхождения и возможного изменения значения, т. е. с использованием прежде всего материалов этимологических словарей. Отметим, что глагол *пугать* происходит от *пужать*. Существует мнение, что существительное *испуг* первоначально означало звук – ‘кричать, как филин’. Не случайно, по всей видимости, довольно частотное употребление слов *испуг* и *испуганно* с глаголами речи, например, в романе «Преступление и наказание» – *вскрикнуть, вскрикивая от испуга; испуганно повторять, вскрикнуть, спросить*.

Существует также точка зрения о древнеиндийском происхождении корня *-пуг-* (похожий корень в санскрите может означать ‘почитание’; ср. в хинди – पूज), относительно которой, однако, имеются определённые сомнения⁶.

7) фиксация высказываний афористического типа, пословиц, поговорок, фразеологических и устойчивых сочетаний, в состав которых входит слово *испуг* и однокоренные с ним слова: *брать на испуг, взять на испуг, отделаться лёгким испугом* (см. [ФСРЛЯ: URL; СО 2006: 254]); *революционный испуг, застылый испуг, детский испуг, лёгкий испуг, животный испуг* [НКРЯ] и др. В текстах Достоевского такого рода сочетаний нами обнаружено не было, в отличие, например, от слова *страх*: *держат в страхе (божием); животный*

⁶ Ср. следующую этимологическую информацию: «**Пугать** <...> обычно рассматривается как новообразование от *пужать*, которое производят от *пудить* <...> По мнению Ильинского, *пугать* первонач. значило “кричать, как филин” и было звукоподражательного происхождения, ср. укр. *пугу!* – крик филина. Сомнительно. Другие сравнивают с лит. *búgti, búgstu* «пугаться», *bauginti* “пугать”, *baugùs* “боязливый” и объясняют *n-* влиянием слова *пудить*. Следует отвергнуть предположение о родстве с др.-инд. *rījā* “почитание”, *rījāyati* “проявляет благоговение”» [СФ 1987: 399–400]; «**Пугать** <...> представляет собой обратное образование к *пужать*, итератива к общеслав. *пудити* – “гнать, пугать”. Корень тот же, но с перегласовкой, что и в *путо, пинать*» [СШ 1971: 373]; «**Пугать**, кь пудить; *пудја-тъ: пужа-тъ; ср. студить: -стужать и т. п. <...>» [ЭСП 1910–1914: 148]; «**Пугать**. В рус. языке XI–XVII вв. изв. *поужати, перепоужати, припоужати, попоужати, испоужати*. В XVI–XVII вв. изв. сущ. **пугач**. Глаг. пугать отм. в словарях только с 1762 г. согласно одному толкованию, из праслав. глаг. *пѣд’ати, соотносительного в видовом отношении с *пѣдити “гнать” с последующим ложным восстановлением -г- по образцу **вѣжати** и **вѣгати**. Согласно другому толкованию, из праслав. (вост.-слав) *пугати, глаг. на -ати от основы *пуг-, восходящей к и.-е. *реу-г-: *роу-г-: *ру-г- “бить, ударять”. В таком случае имеется примечательное соответствие: др.-инд. *rījāyati* “проявляет благоговение”, *rījā* “почитание”» [СЛШ 2010: 242].

страх; задать страху; на свой страх; смертный страх; страх божий; страха ради иудейского; страхов натерпеться. В высказываниях афористического типа, прежде всего в романе «Бесы»:

[Кириллов] Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен. Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. <...> Жизнь даётся теперь за боль и страх, и тут весь обман. <...> Кто победит боль и страх, тот сам бог будет; [Кириллов] В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог; [Кириллов] Кто убьёт себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет; [Хроникёр] <...> страх к врагу уничтожает и злобу к нему <...>; [Из исповеди Ставрогина] <...> сильный страх совершенно прогоняет ненависть и чувство мщения.

8) выявление тропеических сочетаний, прежде всего с метафорическим и метонимическим переносом, включающих слово *испуг*; отметим, что метафора представляет собой очень важный способ вербализации концепта, одним из «ключевых способов репрезентации языковой картины мира и её отдельных составляющих – оязыковлённых концептов» [Балашова 2017: 131].

Например, слово *испуг* употребляется в следующих сравнительных оборотах:

– Только уж не сегодня, пожалуйста, не сегодня! – бормотала она [Соня] с замиранием сердца, точно кого-то упрасывая, как ребёнок в испуге (стр. 187⁷).
Пуще всего боялся он, [Лужин] вот уже несколько лет, *обличения*, и это было главным основанием его постоянного, преувеличенного беспокойства, особенно при мечтах о перенесении деятельности своей в Петербург. В этом отношении он был, как говорится, *испуган*, как бывают иногда *испуганы* маленькие дети (стр. 278–279).

В последнем примере весьма примечательно также выделение Достоевским определённых слов курсивом (подчёркиванием): выделяется не только слово *испуг*, но и весьма характерная причина страха Лужина – *обличение*, т. е. потеря репутации. О функции курсива в текстах Достоевского см., например, [Захаров 1979; Кошелева 2019; Михеев 2010]. В «Идиоглоссарии Достоевского» назначение различных графических способов выделения слова

⁷ Здесь и далее нумерация страниц романа «Преступление и наказание» даётся по: Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Т. 6 // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.

может фиксироваться в специальных примечаниях, например, в словарной статье «почти»: «Отмечаются довольно частые случаи авторского выделения слова *почти* курсивом в функции логического ударения, или психологического предиката (в той же функции – выделение скобками)» [СЯД 2021].

9) изучение экстралингвистических факторов, влияющих на особенности употребления слова, в частности, пресуппозиции, или, по М.М. Бахтину, «физического контекста», например, выявление субъекта страха, его объекта, причины, качественных характеристик, средства, результата и других возможных составляющих семантического гештальта (подробнее см. § 3 Главы II).

Подводя итоги сказанного выше, отметим, что аккумулирующий способ изучения языковой репрезентации концепта в литературном произведении – это анализ единиц, входящих в соответствующее ТСП, в нашем случае – романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Концепт при этом может рассматриваться как смысловое ядро соответствующего ТСП. Реконструкция ТСП позволяет обнаружить структурную взаимосвязь между концептом и полем, а также между входящими в него единицами (см. Схему 1).

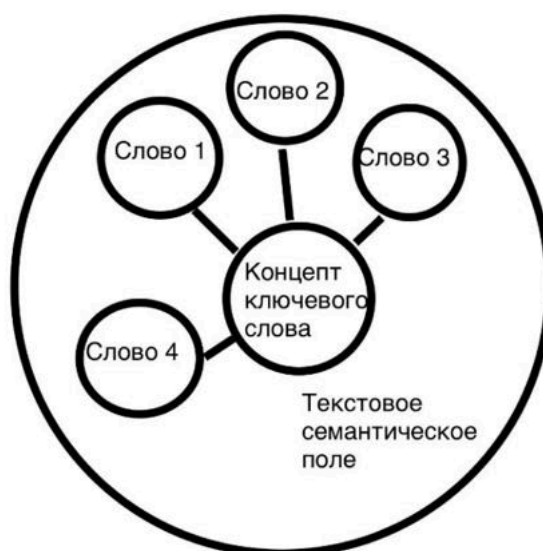

Схема 1. Взаимосвязь между концептом и текстовым семантическим полем

Данная схема отражает тот факт, что ключевое слово находится во взаимосвязи с другими словами (точнее – их ЛСВ), отношениями между ними могут стать синтагматические, парадигматические, ассоциативные и др. связи. Эти единицы и формируют ТСП.

В заключение отметим, что, анализируя способы вербализации концепта в романе «Преступление и наказание», необходимо учитывать разноплановый материал. Прежде всего это само слово, обозначающее ядерный концепт, т. е. слово-концепт, которым в нашем случае является *страх*; во-вторых, паратакис и гипотакис лексических единиц, входящих в ядро и центр ТСП; в-третьих, ближние и дальние текстовые ассоциации слова *страх*. При этом важно то, что текстовые рамки снимают потенциальную безграничность ассоциативных рядов, а вероятность совпадения ТСП в произведениях разных авторов, по мнению Л.О. Чернейко, крайне мала (см. [Чернейко 2017: 16]). Тем не менее такая вероятность, на наш взгляд, всё-таки существует.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

Проведённый в первой главе обзор теоретических работ в области изучения языковой личности и авторского идиостиля позволяет сделать следующие выводы, релевантные для изучения языка Ф.М. Достоевского, в частности, лексического строя идиолекта писателя.

1. Наблюдение над особенностями языка Ф.М. Достоевского началось уже при его жизни. Критические отзывы относительно тех или иных особенностей языка писателя дополняли критику идеологическую, несогласие с высказываемыми Достоевским идеями, его «оторванностью от реализма». Достоевского осуждали, например, за многословие, растянутость фраз, излишнее увлечение повтором модальных частиц, пристрастие к словам с суффиксами субъективной оценки, в основном к словообразовательной категории уменьшительности, «герои говорят одним языком» и т. п.

Научные публикации последних лет, посвящённые изучению идиостиля писателя, можно подразделить на несколько направлений, среди которых для решения поставленных в диссертации задач наиболее актуальными являются работы, связанные с исследованием авторской языковой личности – её лексико-грамматического, когнитивного (тезаурусного) и мотивационного (прагматического, интенционального) уровней. Особое внимание для решения поставленных в диссертации целей и задач уделяется тем научным трудам, где говорится об особенностях авторского тезауруса, о способах языковой репрезентации тех или иных концептов в текстах Ф.М. Достоевского, в первую очередь в произведениях художественной прозы. Несмотря на то, что многие материализованные в текстах писателя концепты уже можно считать в достаточной степени изученными, за пределами внимания учёных по необъяснимым причинам остались отдельные ключевые для русской языковой картины мира понятия, к которым относится ‘страх’ – эмоциональный концепт, несомненно являющийся одним из ключевых в тезаурусе Ф.М. Достоевского.

2. Концепт в настоящем диссертационном исследовании рассматривается как смысловое ядро соответствующего семантического поля, какой-либо

«лингвокультурологический» смысл в это понятие не вкладывается. Существует прямая связь между концептом и идиоглоссами – лексическими единицами, характеризующими авторский идиостиль, вследствие чего в работе прослеживается история появления терминов «идиостиль» и «идиоглосса» и их соотношение с такими категориями, как «идеоглосса», «сквозное слово», «ключевое слово» и некоторыми другими. Наиболее релевантными для решения задач проводимого исследования являются понятия «идиоглосса» и «идеоглосса» – базовые параметры «Идиоглоссария Достоевского», выступающего для нас одним из основных источников лексикографических данных.

3. Для определения состава текстового семантического поля наиболее значима фиксация сочинительных и подчинительных связей входящих в него лексических единиц, т. е. паратаксис и гипотаксис, их ассоциативное окружение (текстовые ассоциативные связи) и словообразовательная парадигма – используемые Ф.М. Достоевским дериваты словообразовательного гнезда, в которое входит идиоглосса. Именно эти показатели позволяют сделать первый шаг к реконструкции текстового семантического поля, а также высказать предположения относительно его пересечения с другими полями и одновременно – конкретизировать содержательные стороны концепта, как общеязыковые, так и идиостилевые. В главе показана одна из возможных процедур изучения способов языковой репрезентации концепта в текстовом семантическом поле, в соответствии с которой учитывается разноплановый языковой материал – само слово, обозначающее ядерный концепт; текстовые ассоциативные связи данного слова; вхождение ядерного слова-концепта в различного типа лингвистические когнитивные структуры (метафоры, фразеологизмы, высказывания афористического типа и т. д.) и др.

ГЛАВА II. РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Глава посвящена изучению вопросов, связанных с различными направлениями теории семантического поля. Исследуется место понятия ТСП в соответствующей терминологической парадигме, описывается соотношение категорий «семантическое поле», «ассоциативное поле» и «текстовое семантическое поле». Обозначается структура ТСП, семантическим ядром которого является концепт. Дается определение семантического гештальта и показывается его место в структуре ТСП, анализируются способы установления состава семантического гештальта.

§ 1. Соотношение понятий «семантическое поле» и «текстовое семантическое поле»

В параграфе даются определения понятий «семантическое поле» и «текстовое семантическое поле»; выявляется взаимосвязь между этими и смежными с ними категориями.

Термин «поле» был перенесён в лингвистику из физической теории электромагнитных волн. Как и электромагнитное, семантическое поле (далее – СП) имеет ядро, центр и периферию и, что важно, способно взаимодействовать с другими полями, составляющими структуру языковой картины мира (далее – ЯКМ), образуя своеобразный «семантический коллектив», в котором слова существуют не изолированно друг от друга, но в тесном взаимодействии. По мнению Г. Ипсена, впервые использовавшего данный термин в лингвистике, поле – это «совокупность слов, обладающих общим значением» [Ipsen 1924: 225]. Т. е., самое общее определение СП состоит в том, что это группа слов разных частей речи, объединённых общим инвариантом значения.

Идею построения парадигматического поля, отражающего возможность группировки слов на основании общности значения, выдвинул Й. Трир. Учёный уделял большое внимание целостной структуре поля и «системе значимостей» входящих в него единиц, полагая, что в поле каждое слово получает своё определённое место (см. [Трир 1931: 20]). «Включение слова в структуру <...> поля влечёт за собой ограничение роли и семантического объёма других элементов поля. В свою очередь само это слово испытывает влияние других элементов» [Щур 1974: 39]. «Поле Трира», или «парадигматическое семантическое поле», таким образом, отражает взаимосвязь слов по значению, например, ‘эмоциональное состояние’ – *страх, тоска, гнев, грусть, печаль, радость, волнение, раздражение, гнев, восторг, страсть, нежность* и т. д. и, соответственно, слова тех же словообразовательных гнезд.

Теория СП получила своё развитие в работах В. Порцига [Porzig 1967], обосновавшего взаимосвязь парадигматических отношений между лексическими единицами с закономерностями сочетаемости слов, т. е. с линейными отношениями. Понятие синтагматического поля предполагает, что слова, находящиеся в одном СП, имеют общие повторяющиеся семы. Синтагматическое поле, или «элементарное семантическое поле», обусловлено моделью синтаксических отношений, т. е. в этом случае имеет смысл говорить об ассоциативно-синтаксических связях. Данный подход в теории семантического поля впоследствии получил довольно широкое распространение. Так, Г. Мюллер считает, что «слово является составной частью определённого семантического и языкового целого» (цит. по: [Каспрук 2018: 18]), т. е. «синтагматические поля В. Порцига и Г. Мюллера отражают реальные группировки слов по их валентным свойствам» [Васильев 1971: 112]. Исследуются также системные связи в сочетаемости прилагательных с существительными и прилагательных с прилагательными. По мнению В.А. Московича, «семантическая связь двух прилагательных может быть установлена путём анализа их сочетаемости с существительными <...>»

[Москович 1969: 51]. В целом можно заключить, что системность лексики проявляется в наличии между лексическими единицами не только парадигматических, но и синтагматических отношений.

На эпидигматических, словообразовательных, отношениях между единицами, входящими в СП, сосредоточился в своей работе Д.Н. Шмелёв (см. [Шмелёв 1973: 191]). По мнению учёного, эпидигматические отношения в СП делятся на две группы: во-первых, «связи, объединяющие целые тематические группы слов <...>» [там же: 198], во-вторых, это словообразовательные отношения между единицами СП. «Каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих <...> его лексическое значение, находится в деривационных отношениях с другими словами – как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире – вообще фонетических) сближений» [там же].

В результате развития теории СП было предложено множество определений СП (подробнее см. [Караулов 2016: 23–26]), которые, однако, объединяет одна общая принципиальная идея о том, что слова в языке существуют не изолированно друг от друга, но в тесной взаимосвязи, и, соответственно, возможна их группировка по общему семантическому признаку. Ср.:

Семантическое поле «<...> представляет собой в структурном плане лексическую парадигму, которая возникает при сегментации лексико-семантического континуума на различные отрезки, соответствующие отдельным словам языка. Эти отрезки – слова непосредственно противопоставлены друг другу на основе простых смысловых различительных признаков <...> единица, соответствующая всему содержанию словесного поля, является архилексемой» [Косериу 1969: 95]; «<...> совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определённую область человеческого опыта <...> частичка (“кусочек” действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке соответствие в виде более или менее автономной микросистемы)» [СА 1966: 334]; «<...> совокупность семантических единиц, имеющих фиксированное сходство в каком-нибудь семантическом слое и связанных специфическими семантическими отношениями <...> в каждом семантическом слое имеются семантические поля» [Городецкий 1969: 173].

Можно заключить, что основными свойствами СП являются следующие:

«1) наличие а) имени, или доминанты, обладающей наименее контекстно обусловленным значением, входящим как архисема во все единицы поля; б) структуры, включающей в себя ядро, образуемое ближайшим окружением доминанты⁸; центр поля – лексемы, имеющие более сложные и часто контекстно обусловленные значения» [Ма Цзинян 2021: 390]⁹; «периферию поля – лексические единицы, в значении которых архисема поля выражена имплицитно, т. е. они всегда обусловлены контекстом» [там же].

«Следует иметь в виду, что границы между ядром поля, его центром и периферией часто очень нечёткие» [там же], на что, в частности, указывал Л.А. Новиков: «Сложная функционально-семантическая организация таких полей основана на постоянном взаимодействии “центра” и “периферии”, основных элементов поля и элементов “периферии” этого поля, а также единиц смежных полей, выступающих в своих вторичных семантических функциях» [Новиков 1982: 259]. Подобного мнения придерживается также И.А. Бобрышева (см. [Бобрышева 2013: 20]);

2) «взаимосвязь, пересечение, взаимодействие различных полей как в ЯКМ, так и в семантическом пространстве текста» [Ма Цзинян 2021: 390], приводящее к образованию общих «зон семантического перехода». Единицы поля «могут входить в ядро одного поля и одновременно в периферию другого и наоборот» [Тюрин 2017: 51]. «Наличие таких зон пересечения может быть прямым образом связано с тематическим содержанием и идеей литературного произведения» [Ма Цзинян 2021: 390].

⁸ Ядро «консолидируется вокруг компонента-доминанты <...> Ядерные конститuentы наиболее специфицированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для данного поля» [Стернин 1985: 30–31]; «Ядро обычно образуется вокруг одной главной лексики, которая является семантическим центром, вбирающим в сжатом виде все смысловые фрагменты поля. Данную лексику называют гиперонимом. Это слово должно иметь широкую семантику, высокую степень употребления и способность объединять вокруг себя лексические единицы» [Тюрин 2017: 54].

⁹ Центр поля составляют «единицы с меньшим количеством дифференциальных семантических признаков» [Митина 2010: 292].

Кроме того, поле обладает такими признаками, как «динамичность, открытость и гибкость» [там же: 52]¹⁰.

В связи с вышесказанным приведём пример, касающийся проблематики настоящего исследования. Наша гипотеза состоит в том, что слово *страх* в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского выполняет одну из ключевых функций, являясь именем соответствующего СП (подробнее о списке имён полей (см. [Караулов 2016: 327–329]). Концепт ‘страх’ представляет собой смысловое ядро СП, включающего в себя определённый набор лексико-семантических и тематических групп, единицы которых, слова и устойчивые сочетания, связаны различными типами парадигматических отношений – родо-видовыми, эпидигматическими, конверсионными, антонимическими, синонимическими и др. Именно эти типы связей между единицами поля представляют наибольший интерес, поскольку при их изучении анализируются не отдельные слова, а группы слов (см., например, [Абрамов 2003: 14]). Таким образом, «основными типами связей между единицами СП являются парадигматические отношения – смыслового сближения, противопоставления, родо-видовые, эпидигматические и синтагматические, т. е. гипотаксис и паратаксис, или сочетаемостный потенциал слова» [Ма Цзинян 2021: 389].

Например, в поле ‘страх’ входят такие лексемы, как *беспокойство, боязливо, боязливый, боязно, боязнь, бояка, бояться, волнение, вопль, грозно, грозный, дикий, дрожать, душераздирающий, жуткий, жутко, жуть, заботиться, запуганный, запугивать, запугать, заробеть, злоеущий, изумление, испуг, испуганно, испуганный, испугаться, кошмарный, малодушничать,*

¹⁰ Смена исторических эпох, развитие цивилизации, изменение человеческого мировосприятия, – всё это влияет на лексико-семантическую систему. Отдельные лексемы и семы уходят из употребления, появляются новые слова, новые значения, – за счёт этого семантические поля в языке обогащаются и трансформируются. Поле в языке свободно наполняется новыми элементами, которые либо называют новые понятия, признаки, явления, либо обнаруживают новые свойства в известных понятиях, признаках и явлениях действительности. Таким образом, структуру поля характеризует подвижность» [Тюрин 2017: 52].

малодушный, мучительно, мучительный, напуганный, напугать, напугаться, опасение, опаска, опасливо, опасливый, паника, панический, перепуганный, перепугать, пуганый, пугать, пугаться, пугающий, пугливость, пугливый, робкий, робко, робость, смятение, содрогание, содрогаться, содрогнуться, страсть, страх, страховидный, страшить, страшливый, страшно, страшный, стращать, тревога, тревожить, тревожный, трепет, трепетный, трусость, ужас, ужасно, ужасный, холод и др. Кроме того, к данному полю относятся также единицы, связанные с ядерным словом эпидигматическими отношениями, т. е. того же словообразовательного гнезда: *страховидный, страховитый, страхолюдный, страшенный, страшиться, страшливый, страшно, страшный, стращать, устрашать, устрашение, устрашить* и др. Помимо этого, каждое из входящих в поле слов имеет свои особенности сочетаемости с другими словами, т. е. определённые базовые синтагматические характеристики, например: *панический – страх, дикий – страх, жуткий – страх, непреодолимый – страх, тайный – страх, мучительный – страх, отчаянный – страх, смертный – страх, дрожать – от страха, замирать – от страха, вздрогнуть – от страха, бежать – в страхе, смертельный – ужас, леденящий – ужас, холодный – ужас, смертный – ужас, безумный – ужас, жуткий – ужас, закричать – от ужаса, вопить – от ужаса, испытывать – ужас, побледнеть – с испугу, впасть – в панику, душевная – тревога, дикий – испуг, страшный – испуг, вскочить – в испуге, умереть – от испуга, дёрнуться – от испуга, побледнеть – от испуга, безумная – паника, животная – паника, метаться – в панике, забиться – в панике и т. д.* В НКРЯ по запросу словоформ *страх, ужас, испуг* и др. в художественных текстах XIX века обнаруживаются следующие сочетания: *божий страх, великий страх, страх обнял, страх обуял, суеверный страх, жуткий страх, благоговейный страх, невольный страх, неведомый страх, тайный страх, напрасный страх, народный страх, страх смерти, необычайный страх, невольный страх, приятный ужас, продолжительный ужас, сладостный ужас, внезапный*

ужас, прелестный ужас, детский испуг, страшный испуг, необычайный испуг, давешний испуг, решительный испуг и т. д.

Итак, ЛСП – это совокупность лексических единиц, объединённых смысловыми связями различного типа на основе единого общего понятия или сходства признаков лексических значений, именно такому определению мы и будем следовать в настоящей работе. При этом надо иметь в виду тот факт, что ЛСП пересекаются, взаимодействуют друг с другом, формируя ЯКМ. Надо отметить, что понятие «языковая картина мира» стало популярным в лингвистике ещё до появления термина «семантическое поле», оно восходит к идеям В. фон Гумбольдта о лингвистическом компаративизме. «“Картиной мира” можно было бы назвать как сумму всего языкового содержания, сумму значений, так и репрезентацию этих значений посредством внутренних форм, т. е. совокупность используемых в языке сравнений и образов» [Караулов 2016: 244]. ЯКМ рассматривается нами как иерархия связанных между собой СП (см. [там же: 260]). Понятия «языковая картина мира» и «картина мира», а также категории «образ мира» и «модель мира», носящие скорее психологический или психолингвистический характер, следует чётко разделять (аргументацию такого разделения см., например, в [Постовалова 1988: 21]).

В последние десятилетия объектом теории СП стало не только семантическое, но и ассоциативное поле (далее – АП). Проводятся масштабные, в том числе и сравнительные, региональные и т. п. ассоциативные эксперименты, суть которых в общем виде состоит в том, что определённой группе респондентов предъявляют слово-стимул, на которое предлагается дать несколько реакций, т. е. спонтанно записать или озвучить первые пришедшие при восприятии слова-стимула слова. Следует отметить, что ассоциациями могут являться не только слова, но и картинки, например, смайлики и т. п., так реализуется наглядно-чувственный компонент значения слова. Надо сказать,

что сам термин «лексическая ассоциация» известен ещё со времён Аристотеля, а понятие АП ввёл в лингвистику Ш. Балли¹¹.

При построении АП особый интерес вызывают реакции индивидуума на определённые ключевые слова, т. е. внимание исследователей сосредоточено на отражении слова или связанного с ним объекта действительности в сознании человека. В сравнении с СП, которое соотносится с тем или иным значением слова, АП является важным аспектом «психологического строения слова». По словам Г.С. Щура, «отличие семантических полей такого рода [ассоциативных полей. – М. Ц.] от семантических полей Г. Ипсена и его последователей состоит прежде всего в том, что при их установлении сознательно используются слово-стимул и его ассоциаты, а установление объёма поля происходит в результате эксперимента с испытуемыми, следовательно, опирается на анализ не текста, а психики испытуемых» [Щур 1974: 83]. Одновременно с этим ассоциативный эксперимент также позволяет включить в состав ЛСП новые лексические единицы, «дать существенные результаты для характеристики ассоциативных смысловых связей» [Лурия 1979: 93].

Определения АП, в сущности мало чем отличаются друг от друга. В них подчёркивается то, что АП – «совокупность ассоциативных представлений» [СА 1966: 322], связанных со словом-стимулом. Примерно так же АП трактуется в [СЛТ 2010: 44]: «совокупность ассоциатов, т. е. реакций на слово-стимул». Здесь же говорится о строении АП, в целом идентичном строению СП: наличие ядра, наиболее частотных реакций, и периферийной зоны. Несколько шире АП понимается в [ЭСЛТиП 2014: 27] – как возникающие в сознании человека представления, связанные не только со словом-стимулом, но и с каким-либо понятием или «классом языковых единиц».

¹¹ «...сущность полностью мотивированного знака состоит в том, что он опирается на одну обязательную внутреннюю ассоциацию, а сущность полностью произвольного знака – в том, что он мысленно связывается со всеми другими знаками с помощью факультативных внешних ассоциаций» [Балли 1955: 154].

Так или иначе, но можно заключить, что АП представляет собой совокупность реакций на слово-стимул, причём ассоциации такого рода 1) могут быть коллективными, отражающими особенности национальной языковой личности, 2) связаны между собой отношениями различного типа, в первую очередь парадигматическими и синтагматическими. АП как структура, однако, интересно тем, что мы находим в нём весь спектр возможных связей, существующих между лексическими единицами, – фонетические (например, в силу действия паронимической аттракции), парадигматические, синтагматические, фоновые, прагматические и др. (подробнее см. [Акованцева 2022: 9]). Например, если принять в качестве слова-стимула *страх*, это: *страх – страшно, страшный, страховитый, страхота, страшить, устрашить; страх – боязнь, тревога, беспокойство, трус, страдание, ужас*. На слово-стимул *ужас* – *страх, ночь, беда, гнев, мрак, темнота*. Для слова-стимула *испуг* – *страх, неожиданность, ужас, лицо, глаза, змея, стресс*. На глагол *бояться* – *трусить, дрожать, гнаться*, на прилагательное *жуткий* – *страшный, кошмарный, неприятный*. Не менее показательны синтагматические отношения: *страх – пройдёт, овладел, охватывал; адский страх, божий страх, большой страх; ужас – страшный, божий, великий, долгий, зелёный, кошмарный, леденящий, неожиданный, непередаваемый, неподдельный, неясный, ночной, полный, смертельный; испуг – сильный, дикий, страшный, ужасный, большой, жуткий, искренний, лёгкий; бояться – темноты, страха, смерти, неприятностей, всех, встречи, жутко; жуткий – сон, день, страх, ужас*.

С одной стороны, АП отражает чисто языковые явления, например, лексическую и грамматическую сочетаемость слова, его полисемию, омонимию и т. д., с другой, – оно очевидным образом связано также с культурным, социальным, историческим и др. контекстом: «ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских» [Караулов 2002: 6].

По аналогии с понятиями «ассоциативное поле» и «лексико-семантическое поле» в лингвистику была введена категория «текстовое ассоциативное поле» – «группа лексических единиц, объединяемых вокруг значимого для какого-либо конкретного текста слова» [Ма Цзинян 2021: 90]. «Оно (текстовое ассоциативное поле) обладает вполне определённой структурой и неизменным ядром, которое в противоположность неустойчивой периферии поля всегда сохраняется и повторяется независимо от условий эксперимента» [Караулов 2014: 63].

В качестве единицы структуры АП целесообразно выделять ассоциативную цепочку, или ассоциативный ряд, представляющий собой национально (или индивидуально) формируемый «тип ассоциативных структур, фиксирующих целостность восприятия» [Ружицкий 2010: 22]. По отношению к ТАП ассоциативную цепочку, вслед за Ю.Н. Карауловым, будем квалифицировать как семантический гештальт (подробнее см. § 3 Главы II). Следует подчеркнуть, что Ю.Н. Караулов первоначально использовал термин «семантический гештальт» для определения структуры АП, выявляемой на материале РАС, отсюда в его определении семантического гештальта появилось слово «национально».

Отражение фрагмента ТАП является одной из задач лексикографического представления идиоглоссы в [СЯД 2008, 2012, 2018, 2021], в словарных статьях которого текстовые ассоциации, большей частью контактные связи, распределяются в основном по зонам комментария СЧТ1, СЧТ2, СЛБР и КОМБ2 (о зонах комментария словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» см. выше стр. 32). В зону ассоциативного окружения слова комментария словарной статьи (АССЦ) входит своего рода «остаток» – то, что не зафиксировано в других зонах комментария словарной статьи.

Так, ТАП на материале всего корпуса текстов полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского для идиоглоссы *бояться* складывается из

СЧТ1: **бояться** арестантов, женщины, девицы, дедушку, змеек, кредиторов, матушки, мертвецов, мужа, большой собаки, недоброго человека, чужого человека... **бояться** беды, болезни, боли в груди, будущности, пристального взгляда, насмешливого взгляда, грустного вида, воды, возражений, своего воображения, вопроса, своих впечатлений, врагов, встречи, выходки, глаз, благодетельной гласности, скандала, случайного, случайности, смерти, смешного... **бояться** за свои бумаги, за свою горячность, за свою жизнь, за своё счастье... **бояться** стать больным, высказать, говорить, обнаружить себя, помирать, проснуться ночью, простудиться, быть смешным, сойти с ума, умирать, умереть... **бояться** больше всего, нуще всего, слишком, смерть, страшно, ужасно, чрезвычайно; до кошмара... **бояться** день и ночь, накануне, по ночам, постоянно, теперь...

СЧТ2: есть что-то на душе, о чем он не может, не смеет, даже **боится** выразиться; **боялся** протягивать руку к другому ломтю, совестился брать кусочки получше и поминутно уверял, что он вовсе не голоден; опустил глаза и **боялся** смотреть; не смела и **боялась** идти; меньше **боялась** его и даже меньше уважала его; **боитесь** и меня подозреваете; предчувствует что-нибудь ужасное в судьбе сына и **боится** спрашивать; предчувствовал объяснение капитальное и **боялся** его; не смел и **боялся**; и стыдно-то было, и **боялась-то** она; **боюсь** и не верю вам; горя от стыда и **боюсь** осмотреться вокруг; там все храбрилась, а здесь смерти **боюсь**; все меня **боялись** ужасно и почитали; **боюсь** и трепеща; не **боюсь** и не стыжусь; **боятся** они и страшатся; не **боюсь** улик и сам говорю на себя; не то что уважал, а даже **боялся** <...> его суждений; во всем уверен и не **боялся**; **боюсь** только и беспокоюсь; **боится** всех, ходит стороночкой; **боялись** меня огорчить, меня испугать; сидела потупив глаза, **боюсь** шевельнуться, дрожа всеми членами; **боялась** умереть от восторга, задыхалась от счастья; отчего же он конфузится, отчего ёжится, чего **боится**; ободришь, не **бойся**; не желал, **боялся** опомниться...

СЛБР: боязнь, боязливый, боязливость, безбоязненный, безбоязненно, забояться...

АССЦ: безопасность, виноватый, враг, гнаться, драться, заискивающий, не желать, злой, не любить, лгать, малодушный, ненавидеть, ночь, опасаться, осторожность, предчувствовать, презирать, прятаться, пугать, робкий, смелый, не сметь, смех, смеяться, смущаться, страх, страшиться, страшно, трусить, стыдиться, стыдно, темнота, тревожно, трепетать, трус, трусиха, трусость, уважать, угождать, хитрить, храбриться, чужой (см. [СЯД 2008]).

В психолингвистике существует точка зрения о том, АП рассматривается как некий вспомогательный объект, дающий интересные, но никак не концептуальные сведения, например, о языковой личности – коллективной или индивидуальной, и этот объект создаётся в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента. Очевидно, однако, и другое: мы вправе строить АП, отталкиваясь от корпуса текстов (или от какого-либо одного текста), в нашем случае – от корпуса текстов полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского. В конце концов, одно из определений

языковой личности и заключается в том, что это личность, реконструированная на основе созданных ею текстов. В случае, когда мы занимаемся реконструкцией ТАП, условным словом-стимулом является описываемая идиоглосса. Что касается ассоциатов идиоглоссы, то существует несколько формальных правил их выделения. В первую очередь – непосредственная синтаксическая зависимость идиоглоссы, её контактные связи. Далее в расчёт принимаются синонимические, антонимические, гипонимо-гиперонимические, эпидигматические и др. отношения между идиоглоссой и её контекстным ассоциатом. Вслед за этим анализируются ситуативно-тематические отношения, иногда основанные на интуиции исследователя, автора словарной статьи. Таким образом, как писал Ю.Н. Караулов в самом начале формирования концепции «Словаря языка Достоевского», «...методика построения ассоциативного поля из текста принципиально мало отличается от методики построения поля в ходе массового ассоциативного эксперимента: и в том и в другом случае исследователь задаёт вопросы, адресуя их либо носителю языка, либо произведённому таким носителем тексту» [Караулов, Гинзбург 1996: 179].

При реконструкции ТАП, как, собственно, и поля, полученного в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента, следует, конечно, иметь в виду некоторую ограниченность полученного в результате такого исследования объекта и его большую подвижность, изменчивость. Естественным образом существует соблазн сравнить ТАП, полученное на материале анализа употребления идиоглоссы в текстах Достоевского, с аналогичным в «Русском ассоциативном словаре», такое сравнение даст не очень много, но всё-таки даст – в первую очередь в нахождении общего, а не различий; можно и без всякого сравнения предположить, что различаться поля будут в основном фоновыми ассоциациями. Важно другое: (1) структура и АП, и ТАП, типы отношений между составляющими их единицами будут идентичны; (2) и в первом, и во втором случае АП является отражением языковой способности.

Рассмотрим подробнее ключевое для решения задач нашей работы понятие – «текстовое семантическое поле», введённое в лингвистику Л.А. Новиковым (см. [Новиков 2011]). ТСП – это СП, реконструируемое на материале определённого текста, при этом следует отметить, что ТСП имеет аналогичную с СП структуру, т. е. ТСП – это «иерархически организованная система семантических микрополей, образующих единое СП текста» [Абрамов 2003: 223] (см. также [Сороченко 2014: 124]). Ядром поля в данном случае может выступать любое ключевое слово текста либо, если, например, мы имеем дело с литературным произведением, – слово, характеризующее авторский идиостиль. Отношения между единицами ТСП аналогичны связям, существующим между единицами АП, таким образом, если для СП более важны общие (языковые, словарные) значения лексем, то для ТСП релевантно то значение, которое определено конкретным контекстом, или индивидуальное, заданное авторским замыслом. Соответственно, ТСП невозможно реконструировать вне учёта условий конкретного контекста.

ТСП связано с конкретным литературным произведением (или другим текстом), оно в этом отношении более «живое», чем СП. «Л.А. Новиков придерживался мнения, что СП соотносится с ТСП так же, как язык соотносится с речью» [Ма Цзинян 2021: 389]: СП «как система группировок и оппозиций языковых средств используется в изучении художественных текстов как в неявно выраженной форме, так и в виде инструментария исследования <...> оппозиция “семантическое поле” как языковая структура – “текстовое семантическое поле” <...> отражает дихотомию язык (langue) – речь (parole) <...> Семантика и структура ТСП как контекстуально обусловленные оказываются более подвижными и менее определёнными» [Новиков 2011: 9].

Кроме того, учитывая «зависимость» ТСП от личностных характеристик автора текста, обладающего пусть даже очень большим, но всё же значительно меньшим лексиконом, чем весь словарный состав языка, ТСП характеризуется подвижностью, «определяется не жёсткой языковой системой, а закономерностями строения и развёртывания текста <...>»

[Новикова 2006: 274]. Эта ограниченность, безусловно, проявляется и в силу замкнутости самого текста, который может быть и достаточно объёмным, такой, как, например, «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского. Среди существенного количества «развилок» СП ТСП занимает лишь небольшую его часть, а слово, входящее в него, представляет собой обусловленный контекстом и авторским замыслом лексико-семантический вариант.

Необходимо отметить, что одна лексема может входить в различные СП и, соответственно, в различные ТСП. Например, слово *страшно* в значениях «1. Внушающий сильную боязнь, тревогу, ужас; пугающий. 2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство; повествующий о трагических или высшей степени неприятных событиях; производящий тяжёлое, удручающее впечатление своей худобой, измождённостью; слишком обременительный, невыносимый. 3. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный» [СЯД 2021: 1122–1126], с одной стороны, входит в поле ‘страх’ в первых двух значениях, например: *Вот и третий этаж; идти ли дальше? И какая там тишина, даже страшно...* (Преступление и наказание, 213). С другой стороны, в поле ‘степень’ в своём третьем значении, например: *Лицо Сони вдруг страшно изменилось: по нём пробежали судороги* (Преступление и наказание, 246). И, наоборот, слова, входящие в одно поле, употребляются только в определённых значениях: «в семантическое поле в определённые отношения, связи друг с другом вступают не слова в целом, во всей совокупности их значений, а слова в своих отдельных значениях» [Караулов 2016: 106]. Подробнее вопрос о снятии многозначности слова, а также о возможности неразличения его значений в одном узком контексте рассматривается в § 2 Главы III.

Сделаем существенный для нас вывод: «семантическое поле», «лексико-семантическое поле», «текстовое семантическое поле», «ассоциативное поле» и «текстовое ассоциативное поле» являются смежными категориями одной

терминологической парадигмы, которые содержательно различаются в зависимости от решаемых целей и задач. Что касается настоящего исследования, то специфика его предмета и объекта вполне логично обусловили выбор в качестве базового понятия «текстовое семантическое поле», которым мы преимущественно и будем оперировать в дальнейшем, не делая принципиальных различий между ТСП и ТАП, в том числе и касательно возможностей реконструкции полей данных типов.

§ 2. Структура семантического и текстового семантического поля

В параграфе решаются следующие задачи: выявляется структура ТСП, обозначается процедура выявления его состава; анализируются критерии выбора имени и ядра поля; раскрываются возможности структурирования состава поля; предлагается процедура реконструкции ТСП.

Как уже было сказано в предыдущем параграфе, ТСП имеет аналогическую с СП структуру. СП как объект лингвистического исследования представляет собой довольно сложную субстанцию, что обусловлено различными факторами – неоднородностью состава, размытостью границ, неоднозначностью в определении типов отношений между входящими в него единицами и др. СП отражает тесную связь, существующую между лексическими единицами, определение значения слова возможно только через его сопоставление с другими словами языка. Слова «живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются <...> независимо от нашего сознания в различные группы» [Покровский 1959: 82]. Семантические связи существуют у любого полнозначного слова, в языке (и в словаре) нет слов, которые функционировали бы изолированно друг от друга: «Каждое слово десятками и сотнями нитей связано со значениями многих других. <...>» [Караулов 1976: 75]. И далее: «В словаре нельзя найти такую пару слов, между которыми не существует семантической связи» [там же: 76].

Представим сказанное выше относительно особенностей структуры СП в виде схемы (см. Схему 2):

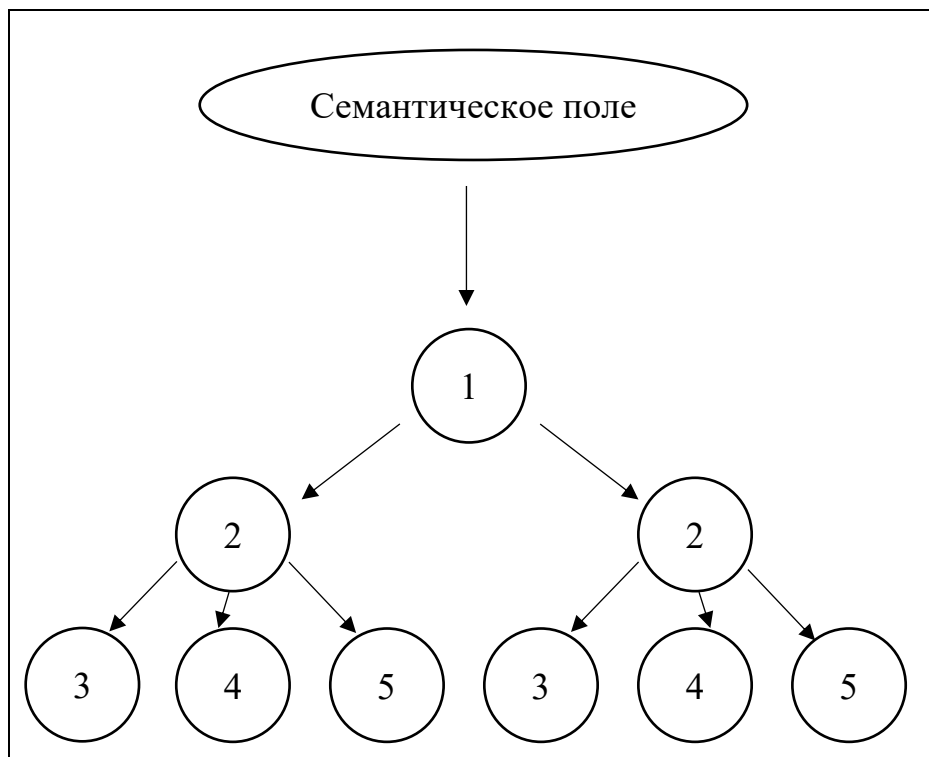

Схема 2. Структура семантического поля

Данная схема иллюстрирует тот факт, что СП имеет свою логику построения, обладая следующими свойствами:

1) внутренней связью между входящими в него единицами:

Например, СП 'цвет' включает в себя довольно большое число лексических единиц: *цвет* – *красный* (прилагательное), *краснет* (глагол), *красно* (наречие) и т. д.; СП 'страх' включает в себя: *страх* – *боязнь* (существительное), *испугать* (глагол), *испуганно* (наречие) и т. д. Хотя эти слова являются разными частями речи, они связываются друг с другом по общему значению, т. е. 'цвет' и 'страх'. Такого же рода связь, заключающаяся в наличии общей семы, обнаруживается и между словами, не являющимися однокоренными, т. е. не связанными между собой эпидигматическими отношениями, например: *упрекать*, *обвинять*, *критиковать* имеют общий компонент значения – 'отношение к человеку'; *воспитать*, *учить*, *преподавать* – 'отношение старшего поколения к молодому'. Эти слова входят в одно СП, они в некоторой степени взаимосвязаны друг с другом и в то же время отличаются, имеют в своём составе дифференциальные семы. Возможна также согипонимическая связь слов, входящих в одно СП, например, слова со значением цвета: *чёрный*, *белый*, *красный*, *зелёный* и т. д.

2) иерархической структуры:

СП не просто структурировано, но включает в себя классы лексических единиц, ЛСГ. Кроме того, одно и то же слово в разных значениях может входить и в различные СП, например, у глагола *рисковать* три значения. «1. Действовать, зная об имеющемся риске, опасности. 2. Подвергать кого-что-н. риску. 3. Подвергаться риску, ставить себя перед возможной неприятностью» [СО 2006: 679]. Этот глагол во всех значениях входит в поле 'риск', однако в

первом значении он также соотносится с полем ‘намеренность действия’, во втором – ‘отношение к другому’, а в третьем – ‘направленность действия на себя’ + ‘возможность’. Аналогичная ситуация – со словом *страх*, входящего в центр изучаемого нами поля.

Классификации объектов и явлений реальной действительности могут отличаться друг от друга как по их составу, так и по объёму, таким образом, и СП бывают большей или меньшей величины, хотя, конечно, такой признак поля, как его «размер», является весьма относительным.

Множества в СП, по мнению Ю.Н. Караулова, находятся в четырёх типах оппозиций – нулевой, привативной, эквиполентной и дизъюнктивной. Нулевая оппозиция представляет собой «синонимы и синонимические выражения, у которых тождественны основные компоненты и которые различаются “оттенками значения”» [Караулов 2016: 106]; привативная – родо-видовые (гипонимо-гиперонимические) отношения; эквиполентная – пересечение множеств; дизъюнктивная – «у множеств нет общих элементов» [там же: 108]. На основе данных типов оппозиций Ю.Н. Караулов предложил следующую логическую структуру поля:

Логическая структура поля

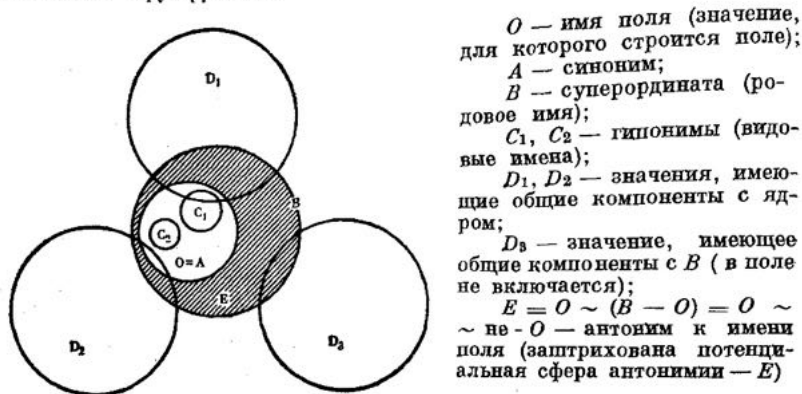

Схема 3. Логическая структура поля Ю.Н. Караулова (подробнее см. [Караулов 2016: 112])

Имя поля «должно отражать самую сущность, квинтэссенцию данного поля» [Ван 2021: 36]. Ядро поля – «группа слов, наиболее тесно связанных с дескриптором¹² <...>» [Караулов 1981: 270]. На предложенной выше схеме

¹² «Дескриптором называют нормализованное слово или словосочетание, выбранное из группы синонимичных или близких по значению слов, т. е. класса эквивалентности, и

видно, что в ядро СП входят синонимы и гипонимы имени поля. При выборе имени и ядра поля следует учитывать определённые правила¹³.

Единицы, входящие в центр и периферию ТСП, могут отличаться от тех, которые входят в СП: «единицы центральной и периферийных зон ТСП связаны с именем поля по своим первичным или вторичным семантическим функциям, т. е. могут соотноситься с разными его значениями, реализовать его многозначность <...> В текстовом семантическом поле такими единицами могут стать весьма отдалённые слова, не входящие в обычное семантическое поле» [Новиков 2011: 9–10].

Проиллюстрируем структуру ТСП в виде схемы (см. Схему 4).

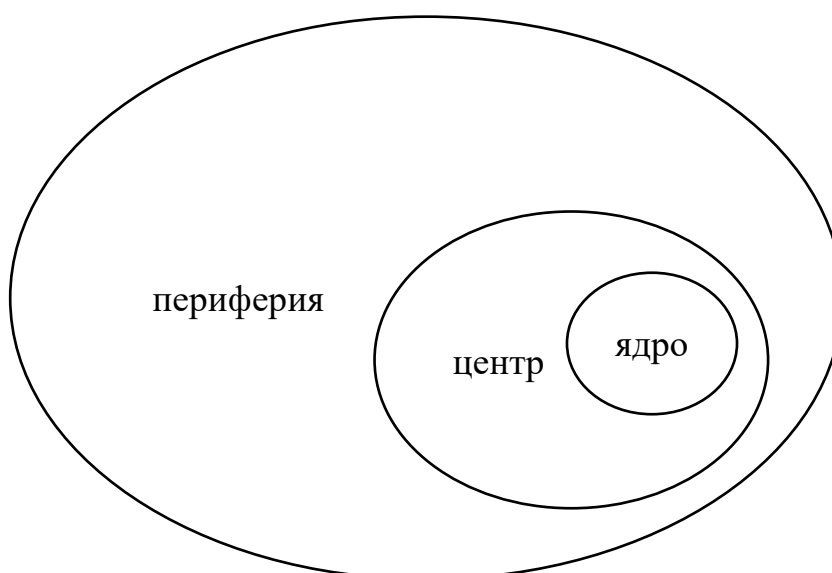

Схема 4. Структура текстового семантического поля

предназначенное для контролируемого индексирования информационного поиска» [Караулов 2016: 121].

¹³ Такие правила предельно чётко формулирует Ю.Н. Караулов: это слово «1) не должно быть многозначным, т. е. должно обладать свойством лёгкой выделимости “общего значения”; 2) не должно быть эмоционально окрашенным, экспрессивным, метафорическим, т. е. должно характеризоваться немаркированностью по стилистическим признакам; 3) не должно быть термином; 4) должно “иметь в виду” какой-то денотат, т. е. допускать пространственную или временную локализацию; 5) должно обладать прегнантностью, т. е. ассоциативной (или семантической) “прозрачностью”, давать возможность видеть за ним состав его поля; 6) при прочих равных условиях должно обладать наибольшей частотностью из некоторой группы близких слов» [Караулов 2016: 139].

В Схеме 4 отражён тот факт, что в структуре ТСП ядро составляет наименьшее количество лексических единиц, периферия – самое большое; лексемы ядра имеют наиболее близкую коррелятивную зависимость от имени поля, периферии – самую слабую.

При структурировании состава СП следует соблюдать следующие принципы: «структура должна по возможности компенсировать свойство необратимости, стремиться к однозначному определению имени. Кроме того, она должна быть компактной и легко обозримой, а также универсальной, т. е. единообразно повторяющейся в полях различного наполнения и разных типов. Наконец, она должна подчиняться не только законам логики, но и учитывать “законы мира”, быть связанной с внеязыковой реальностью, а значит – иметь выход к внешней структуре, к взаимоотношениям ядер друг с другом» [Караулов 2016: 229–230]¹⁴. В работе мы в основном ориентируемся на структурировании состава поля по частотности элементов, такой подход «базируется на внутреннем родстве поля с текстом» [там же: 232], что позволяет выявить насыщенность употребления лексем, входящих в ТСП ‘страх’, в тексте романа «Преступление и наказание».

Ниже предлагается пошаговая процедура реконструкции ТСП.

Шаг I. Определение слова-ядра поля. В нашем случае это слова *страх*, *страшный*, *страшно*. Такое строение ядра поля определённым образом коррелирует с «четырьмя формами подобия» М. Фуко – пригнанностью, соперничеством, аналогией и симпатией, на основании трёх из них Л.О. Чернейко предлагает выстраивать лексико-семантические парадигмы языка (см. [Чернейко 2017: 20–21]).

¹⁴ Существуют следующие возможности структурирования состава поля: 1) по алфавиту; 2) по частям речи; 3) в соответствии с абстрактно-логической схемой; 4) по частотности элементов; 5) по компонентам минимального набора; 6) по нулевым компонентам; 7) по именам полей из ассоциативной группы; 8) по типам семантических связей; 9) естественная парцелляция поля (см. [Караулов 2016: 229–241]).

Шаг II. Выявление центра поля и контекстных ассоциатов, связанных с ядром поля и словами, входящими в его центр, различного типа отношениями:

– ближние, или контактные, лексико-грамматические связи, к которым относятся гипотаксис (подчинительные связи) и паратаксис (сочинительные связи, включающие в себя сопоставительные, разделительные, противительные отношения);

– ассоциаты, связанные со словом, являющимся ядром поля, в пределах одного предложения, т. е. ближние дистантные связи; поиск в пределах достаточно узкого контекста слов, вступающих в ядре поля в отношения смыслового сближения; эпидигматические отношения; отношения противопоставления; отношения сближения по формальным, например, буквенно-звуковым признакам (паронимическая аттракция); фоновые и прагматические связи, например, связь слова-ядра с какой-либо отсылкой к прецедентному тексту, с фразеологическим сочетанием, устойчивой метафорой и т. д.; оценочная характеристика слова-ядра и др.

Шаг III. Систематизация и классификация полученного материала.

Отметим, что схожая процедура предлагается в [Инютина 2012: 23–24]¹⁵.

А.В. Некрасова предлагает реконструировать СП на материале текстов Н.В. Гоголя посредством графического представления¹⁶.

¹⁵ По мнению Л.А. Инютиной, семантический центр поля, понятие, обычно является именем поля; ядро и периферия поля определяются следующими этапами: «а) семемы лексических репрезентантов такой парадигмы по набору семантических признаков наиболее близки либо значению имени поля (для ядерной семантической парадигмы), либо значению ключевого слова (слов) определённой периферийной сферы (для периферийной СП); б) в ходе анализа учитывается количество фиксаций ЛЕ [лексических единиц. – М. Ц.] в исследуемом тексте или группе текстов, поскольку это свидетельствует о степени семантического тяготения ЛЕ к ядру поля или о значительном семантическом расстоянии от него» [Инютина 2012: 23].

¹⁶ «Процедура реконструкции поля предлагает следующие этапы: 1) подбор и выписка из <...> репрезентативных фрагментов, содержащих лексические единицы с соответствующими дескрипторными компонентами; 2) интерпретация содержания лексем, представляющих собой прямые наименования концептов (промежуточных звеньев между явлениями и словами) с учётом контекста; 3) количественный и качественный анализ лексических единиц и составление таблиц по полученным данным; 4) обобщение прямых наименований и интерпретация полученных результатов; 5) моделирование ядерной структуры ЛСП в соответствии с логикой явления посредством дескрипторных лексем рассматриваемых

С использованием ресурсов СЯД (см. [СЯД 2021: 1111–1120]) и на основе заложенной в нём концепции многопараметрового описания идиоглосс представим процедуру реконструкции фрагмента ТСП ‘страх’ в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Для реконструкции ТСП ‘страх’ используются следующие параметры словарной статьи СЯД:

– подчинительные связи слова, или гипотаксис (СЧТ1): «в каждом разделе зоны СЧТ1 слова, сочетающиеся с описываемым словом, проводятся в алфавитном порядке <...>» [Ружицкий 2021: XIII];

– сочинительные связи слова, паратаксис (СЧТ2): «<...> фиксируются сочинительные связи описываемого слова. Примеры представлены по жанрам, в рамках каждого жанра – в хронологической последовательности» [там же: XIII];

– зона ассоциативного окружения слова (АССЦ): «описываемое слово в рамках контекста его употребления может находиться с другими лексическими единицами в синтагматических, парадигматических, тематических и др. отношениях, что фиксируется в зоне АССЦ комментария словарной статьи» [там же: XII];

– зона словообразовательного гнезда (СЛБР): «в зоне СЛБР даётся фрагмент словообразовательного гнезда, содержащий словообразовательную парадигму, вершиной которой является описываемая единица. <...> состав парадигмы устанавливается с опорой на “Словообразовательный словарь русского языка” А.Н. Тихонова» [там же: XVII].

концептов в текстах Н.В. Гоголя; 6) построение обобщённой модели ЛСП <...> и её графическое представление» [Некрасова 2021: 16].

«СЧТ1 **страх** *давешний, какой-то особенный, панический* (2 употребления), [как бы] *панический*, [свой] *панический, прежний, свой, тупой, тупой бессмысленный, ужасный, невыносимый, неопределённый, чрезмерный*; **страхи** *напущенные, напускные*; **страх** *встречи; за себя*; **страх** *вселился [в сердце], выводил [из себя], обложил [душу], овладевал, охватил, охватывал, поразил, пройдёт*; **страха** *приливы, тягость*; **страху** *полчаса; не было; до страха беспокоить; от страх* (в искажённой русской речи) *пронзиль [сердце]*; **от страха** *дрожать, креститься, мучиться*; **от страху** *убежать, чуть не дрожать*; **страх** *забыть, навести, почувствовать, заметить, производить*; **в страх** *впадать, перерождаться*; **страхом** *пронзиль [сердце], пугать*; **под страхом** *быть*; **со страхом** *ждать, оглядываться, следить, смотреть, дрожать, забиться, смотреть, спросить*; **в страхе** *смотреть*» [Ружицкий, Ма 2021: 54];

«**страшный(-ая,-ое,-ые)** *беда, беспорядок, бессилие, боец, бремя, вещи, вещь, вопли, голос, духота, идея, испуг* (4 употребления), *катастрофа, клоак, кровопроливцы, минута, муки, мучение, нетерпение, нотка, присутствие, пропасть, пустяки, рожки, слово, сон, тоска* (2 употребления), *тучи, фамильярность, холод, что-то, язва; разрешение крови <...>* **страшнее**, *чем бы официальное разрешение крови проливать*; **страшен** *ход в игре; очень страшен*» [там же];

«**страшно** *опасно; страшно почти; страшно беспокоить, поразить, тревожить*» [там же].

«СЧТ2 *не от страху* *даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения; смущение и страх; предрассудки, одни только страхи; неприятнейшее впечатление и даже страх; прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения; в бешенство или в ужасный, невыносимый страх; с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным страхом; ни полоумного бреда, как давеча, ни панического страху; дрожь от сырости, от темноты и от страха, что её теперь больно за всё это прибьют; до страха и трепета; под вечным подозрением и страхом; обессиление и страх; плач и страх; не то что в страхе, а в каком-то диком недоумении*» [там же];

«*пьяные и страшные рожки; страшные, отчаянные вопли с улиц; глубокий, страшный кашель; готовясь к страшной и неведомой катастрофе; страшным, хриплым, надрывающимся голосом; чьё-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досаждающее; та страшная, та непроходимая пропасть; осуждён в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язвы*» [там же];

«**страшно**, *до ужаса поразило*» [там же].

Представленный выше материал позволяет выявить соответствующие лексические парадигмы, например:

страх: бешенство, бред, миражи, недоумение, неприятнейшее впечатление, обессиление, отвращение, плач, подозрение, предрассудок, привидение, смущение, сырость, темнота, трепет, удивление, ужас.

«АССЦ апатия, беспамятство, бессилие, бледный, бояться, броситься, вдруг, вздрагивать, всё знать, всего ужаснее, встретиться, глаза, давить, дверь, движение, догадаться, дрожать, дрожь, Дуня, жест, жизнь, жить, задрожать, закричать, запор, испуганное личико, испугать (испужать), кабак, как лёд, колокольчик, колокольчик, Коля и Лёня, кричать, кровь, кружки, крюк, крючок, лихорадка, лицо искривилось, Лужин, мнительность, молчать, мучиться, мысль, мысль о Дуне и матери, не являться, невольно отступить назад, негодование, ненавистный, ненависть, нервы раздражаются, нет никаких преград, ноги дрожали, нож к горлу, обморок, обыск, овладевать, озноб, опустить руки и голову, отвращение, ощущать, подивиться, подлец человек, подозревать, покончить самоубийством, Полечка, поразить, Порфирий Петрович, приговор, припадок, припоминать, припоминаться, прислушиваться, происшествие, пугать, разбойник, раздражение, Раскольников, решение без перемены, решиться, робко взглянуть, руки дрожат, Свидригайлов, сердце билось, скорей, следовать, слово, смех, смотреть, сойти с ума, сон, Соня, спокоен, спокойствие, спрятаться, старуха, стеснительно, стонать, сторожить, стоять перед судьёй и решителем участи своей, страдание, суд, судороги, теряться, тишина, убежать, убийство, ужас, ужасное, улица, умереть, хохот, чувство, чувствовать, шляпа» [там же].

СЛБР страшнее, страшнее-с, страшно, страшен, страшна, страшная, страшное, страшной, страшном, страшною, страшные, страшный, страшным, страшных.

Следует отметить тот факт, что идиоглоссы *запор*, *кабак*, *колокольчик*, *крюк*, *крючок* и *шляпа*, входящие в ТАП, выполняют функцию слов-символов. «Выявляются эти символы вполне традиционным образом: регулярность появления одних и тех же элементов в типологически сходных ситуациях служит достаточно надёжным ориентиром» [Карасёв 1994: 92].

Например, слово *запор*:

«СМВЛ В романе “Преступление и наказание” слово *запор*, как и слова *крюк* (*крючок*), выполняет ключевую функцию, символизируя страх Раскольникова. Например: «Незнакомец звякнул ещё раз, ещё подождал и вдруг, в нетерпении, изо всей силы стал дёргать ручку у дверей. В ужасе смотрел Раскольников на прыгавший в петле крюк **запора** и с тупым страхом ждал, что вот-вот и **запор** сейчас выскочит. Действительно, это казалось возможным: так сильно дёргали. Он было вздумал придержать **запор** рукой, но *тот* мог догадаться. Голова его как будто опять начинала кружиться (стр. 67¹⁷) <...>» [СЯД 2010: 961–962].

Идиоглосса *шляпа*:

СМВЛ <...> В сочетании со словами *накрыться, застегнуться, закутаться*, а также со словами *страх, смех, проклятый, мерзкий, приметный* в значении идиоглоссы *шляпа* актуализируется компонент ‘предмет, с помощью которого можно спрятать что или кого-л.’ или ‘предмет, который может выдать, раскрыть кого-л.’: «<...> [Раскольников] Я так и знал! – бормотал он в смущении, – я так и думал! Это уж всего сквернее! Вот эдакая какая-нибудь глупость, какая-нибудь пошлейшая мелочь, весь замысел может испортить! Да, слишком приметная **шляпа**... Смешная, потому и приметная... К моим лохмотьям непременно нужна фуражка, хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод. Никто таких не носит, за версту заметят, запомнят... главное, потом запомнят, ан и улика. Тут нужно быть как можно неприметнее... Мелочи, мелочи главное!.. Вот эти-то мелочи и губят всегда и всё... (стр. 7) [СЯД. Т. 6 (в рукописи)].

Идиоглосса *кабак*:

[Из сна Раскольникова] Городок стоит открыто, как на ладони, кругом ни ветлы; где-то очень далеко, на самом краю неба, чернеется лесок. В нескольких шагах от последнего городского огорода стоит **кабак**, большой **кабак**, всегда производивший на него неприятнейшее впечатление и даже страх, когда он проходил мимо его, гуляя с отцом. Там всегда была такая толпа, так орали, хохотали, ругались, так безобразно и сипло пели и так часто дрались; кругом **кабака** шлялись всегда такие пьяные и страшные рожи... Встречаясь с ними, он тесно прижимался к отцу и весь дрожал. <...> Подле бабушкиной могилы, на которой была плита, была и маленькая могилка его меньшого брата, умершего шести месяцев и которого он тоже совсем не знал и не мог помнить; но ему сказали, что у него был маленький брат, и он каждый раз, как посещал кладбище, религиозно и почтительно крестился над могилкой, кланялся ей и целовал её. И вот снится ему: они идут с отцом по дороге к кладбищу и проходят мимо **кабака**; он держит отца за руку и со страхом оглядывается на **кабак**. Особенное обстоятельство привлекает его внимание: на это раз тут как будто гулянье, толпа разодетых мещанок, баб, их мужей и всякого сброду (стр. 46).

¹⁷ Здесь и далее в ссылках к контекстам из романа «Преступление и наказание» указывается только номер страницы по [Достоевский 1973].

Слова-символы, несомненно, играют важную, если не ключевую роль в художественной прозе Ф.М. Достоевского. Символы «могут занимать особое – центральное – место в картине мира автора художественного текста, и слова, употребляемые в символическом значении, следовательно, целесообразно рассматривать в качестве своеобразных ядерных элементов, организующих авторский тезаурус, совокупность иерархически организованных семантических полей» [Караулов, Ружицкий 2015: 20].

Подводя итог сказанному в параграфе, отметим, что ТСП имеет иерархическую структуру – ядро, центр и периферию, между единицами которой существует внутренние отношения. Такая структура, однако, на наш взгляд, не отражает в полной мере особенности строения поля, в связи с чем для характеристики ТСП мы предлагаем использовать понятие «семантический гештальт», которому посвящён следующий параграф.

§ 3. Семантический гештальт в структуре текстового семантического поля

В параграфе решаются следующие задачи: даётся определение понятия «семантический гештальт»; выявляется структура семантического гештальта в АП на материале «Русского ассоциативного словаря» (РАС); разрабатывается процедура выявления семантического гештальта и его составляющих в ТСП; проводится анализ полученных данных.

Гештальт – целостная структура, стоящая из различных, обладающих изолированным характером частей, при этом каждая конкретная часть имеет значение только при существовании связи с другими частями в структуре. Термин «гештальт» (от *нем.* Gestalt – ‘образ, форма, фигура’) начал использоваться в психологии в начале XX века., где под ним понимается некая «функциональная структура, которая по присущим ей законам упорядочивает многообразие отдельных явлений» [КПС 1985: 62].

В 1912 г. немецкий психолог М. Вертгеймер провёл эксперимент по восприятию «фи-феномена» и изложил результаты своего эксперимента в работе «Экспериментальные исследования восприятия движения», после чего сложилось самостоятельное научное направление – гештальтпсихология, изучающая психику «с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам <...>», наука, которая «внесла крупный вклад в решение проблем восприятия, мышления, личности» [Мазилев 2011: 80]. Гештальтпсихология придерживалась мнения о том, что изучение психологии личности должно начинаться с целостной формы и структуры: «...для того чтобы понять поведение или ситуацию, важно не столько их анализировать, сколько <...> воспринимать их в целом, в глобальном контексте <...>» [Гингер 2010: 9]. Затем в гештальтпсихологии

появилось понятие «гештальт-терапия», ставшее впоследствии одной из основных школ современной психологии в Европе¹⁸.

Постепенно термин «гештальт» стали использовать в других областях знания, например, в философии, социологии и в лингвистике. Гештальт-философия – это «философия реализма» (см. [Хломов 1994: URL]). Изучение гештальта помогает человеку решить проблемы и изменить взгляд на свою жизнь: «...сегодня гештальт <...> представляют как настоящую экзистенциальную философию, “искусство жить” <...>» [Гингер 2010: 13]. В социологии под гештальтом понимается общение гештальтконсультанта (социолога) с респондентом¹⁹. Понятие гештальта можно также встретить также в физике и физиологии²⁰.

Перейдём к рассмотрению одного из ключевых для нашей работы понятий – «семантический гештальт». Логика появления этого термина была обусловлена следующим: «...исходя из того, что в семиотике отношение знака к реальности принято именовать “семантикой”, представляется целесообразным определить характер ассоциативной структуры, учитывающей отношение языка к реальности, как “семантический”. А опираясь на тот факт, что схематические контуры этой ассоциативной структуры, её структурообразующие точки, будучи достаточно чёткими, задают вполне определённый, целостный “образ” фрагмента, “кусочка” реальности, стоящей за тем или другим ассоциативным полем, этот “образ”, эти контуры предлагается назвать “гештальтом”. Таким образом, есть все основания, чтобы новую ассоциативную структуру именовать “семантическим гештальтом”» [Караулов 2014: 67]. Т. е., семантический гештальт

¹⁸ Гештальт-терапия «...исходит из того, что восприятие человека организовано всегда как целостное образование (гештальт), включающее фигуру и фон» [Захарова 2009: 9].

¹⁹ «...гештальтпсихология как модель социальной работы представляет собой особое взаимодействие между психотерапевтом и клиентом, смысл которого состоит в разрешении тех проблем клиента, которые мешают ему в жизни» [Мусаева 2014: 51].

²⁰ В физических системах под гештальтом понимается «форма, вид», воспроизводящий «отношения между элементами внешнего физического поля, пространства, с которым взаимодействует организм» [Методы... URL].

предполагает группировку слов-реакций на какое-то определённое слово-стимул по семантическим свойствам этих слов-реакций.

Семантический гештальт (далее – СГ) – модель, или, что точнее, структура, образованная в соответствующем АП в ходе проведения ассоциативного эксперимента, отражающая семантическую организацию между словами-реакциями к определённому слову-стимулу. Такая структура показывает связь поля со знаниями о мире, с реальностью (см. [Сергиева 2007: 74]). Соответственно, семантический гештальт – «одна из структур, с помощью которых можно упорядочить состав ассоциативного поля» [Караулов 2000: 107–108]. Таким образом, при наполнении структуры СГ лексическими единицами мы можем анализировать АП и интерпретировать ЯКМ носителей языка определённой культуры, выявлять и группировать слова-реакции на определённое слово-стимул²¹.

В структуре СГ представляется несколько семантических зон, связанных друг с другом. «Он [семантический гештальт. – М. Ц.] базируется на основе семантических классификаций входящих в поле реакций и состоит из нескольких семантических зон, которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля слову-стимулу» [Кысылбаикова, Максимова 2017: 108]. Анализируя данные семантические зоны, мы можем выделить некоторые концепты, являющиеся ядрами разных АП. Следовательно, в ходе построения СГ выявляется также структура поля и области взаимодействия между разными АП. Кроме того, СГ мы получаем посредством распределения реакций по семантической близости²².

²¹ По мнению М.И. Кысылбаиковой и Н.Е. Максимовой, наполнение семантического гештальта является «одним из способов представления знаний о мире в языковом сознании носителей того или иного языка» [Кысылбаикова, Максимова 2017: 108].

²² Ю.Н. Караулов отмечает, что «семантический гештальт <...> начинает вырисовываться, когда при последовательном и сплошном чтении статьи ассоциативного словаря мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к

Например, структуру СГ в АП ‘испуг’ (на материале [РАС]) можно представить следующим образом: 1) причина, вызывающая испуг: *волк, змея, собака, крысы, петух, измена, пропасть, маньяк*; 2) непосредственные реакции на испуг: *адреналин, удивление, стресс, крик*; 3) отражение испуга (например, в лице): *лицо, в глазах, глаза, большие глаза*; 4) характер испуга: *сильный, дикий, страшный, ужасный, большой, огромный, мимолётный, жуткий, искренний, лёгкий, маленький, резкий*; 5) спонтанность испуга: *вдруг, неожиданность, неожиданно*; 6) субъект – тот, кто боится: *она, девчонка, испуганный человек, женский*; 7) схожие чувства и эмоции: *страх, ужас, отрицательные эмоции, шок*.

Приведём ещё один пример – структуры СГ в АП ‘бояться’ (на материале [РАС]):

бояться 1) кого? чего? (объект страха) *темноты, смерти, волка, врага, огня, всего, грозы, собаки, волк, врагов, высоты, себя, воды, войны, змей, одиночества, жизни, зла, людей, ночи, холода, экзаменов, война, дождя, зверя, змеи, лжи, меня, мести, милиции, неприятностей, огласки, потеря, света, собак, тени, укола, человека, шума, Бабы-яги, бандитов, Бога, боли, бомба, возмездия, воина, волки, всех, встречи, выговора, высота, вьюги, горя, двойки, домового, дорога, драка, дракона, друга, друзей, духа, дьявола, завтрашнего дня, зайцев, зачёта, зверей, зимы, зубы, измена, коммунизма, конца, критики, лени, лесного зверя, льва, любви, медведя, монстра, мужа, мышей, насмешек, неудачи, человека, опасности, ответственности, отца, ошибок, палки, пауков, поражения, последствий, преподавателя, преследования, преступника, привидений, простуды, разлуки, разрыва, ракета, ругани, скорости, смерти, близких, собственной тени, собственной трусости, СПИДа, стука, судьбы, темна, тесноты, трудностей, удара, уколов, улица, упрёков, чужого, шизофрения*; что делать? что сделать? *заболеть, ошибиться, прыгать, умереть, бороться, войти, вылететь, гулять, дарить, жить, злеть, издеваться, погибнуть, подойти, сомневаться*; 2) как? (характер действия) *вечно, как огня, насмерть, сильно*; 3) что делать? что? (реакция на страх) *дрожать, дрожь, прятаться, убежать, сжаться*; 4) что? что делать? что сделать? (схожие чувства или эмоции) *боязнь, волноваться, жутко, испугаться, неприятное ощущение, опасаться, пугаться, страх, страшиться, страшно, трусить, трусить, трястись, ужас*; 5) кто? (субъект страха, тот, кто боится) *трус*; что? какой? (противоположные чувства или эмоции) *смелость, смелый*.

Положение о сущности и свойствах СГ впоследствии было перенесено Ю.Н. Карауловым на анализ художественного текста при исследовании ТСП,

определённым характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов <...>» [Караулов 2014: 67].

что позволило выявить некоторые характерные черты языковой личности стоящего за этим текстом автора.

Для того чтобы определить состав СГ в ТСП, необходимо первоначально решить две задачи: 1) выявить состав ТСП; 2) обозначить зоны, которые наполняют СГ в структуре ТСП. Приведём пример СГ в ТСП ‘смех’ (одно из основных полей, с которым взаимодействует ТСП ‘страх’) на материале текста романа «Преступление и наказание» (подробнее см. [Ма Цзинян 2021: 90]).

«Для выявления состава ТСП ‘смех’ в романе “Преступление и наказание” предпринимаются следующие шаги» (см. [там же]):

«1. Определяется состав СП ‘смех’ в русской ЯКМ. На данном этапе реконструируется только ядро и центр СП ‘смех’. Материалом явились данные РАС, словообразовательных словарей, толковых словарей русского языка, а также другие лексикографические источники» (см. [там же]).

1.1. «Имя поля – *смех*, представленное его двумя лексико-семантическими вариантами» [там же: 91]: «1. Характерные звуки, издаваемые человеком при виде чего-л. забавного, несуразного или находящегося в состоянии веселья, радости. 2. Ироничное, пренебрежительное отношение, издёвка над кем-, чем-л., выражаемые какими-л. обидными действиями (в том числе характерными звуками и/или словами)» [СЯД 2021: 866–867].

1.2. «В ядро и центр поля ‘смех’ входит сама лексема *смех* в обоих значениях, а также однокоренные слова и их ближайшие синонимы и антонимы: *смешок, смешинка, смешливый, смешной, смешноватый, смешно, пресмешной, смешить, насмешить, посмешить, посмешище, рассмешить, высмеять, высмеивать, высмеиваться, высмеивание, осмеять, осмеивать, осмеяние, смеяться, засмеяться, надсмеяться, посмеяться, рассмеяться, насмехаться, насмешка, насмешечка, насмешливый, насмешливо, насмешливость, надсмехаться, надсмешка, усмехаться, усмехнуться, усмешка, усмешечка; улыбаться, улыбнуться, улыбка, улыбочка, улыбчивый, заулыбаться; хохот, хохоток, хохотание, хохотунья, хохотушка, захохотать,*

нахохотаться, обхохотаться, похохотать, похохатывать, прохохотать, расхохотаться, плач, плакать, нахмуриться и др.» [Ма Цзинян 2021: 91].

«Учитываются также некоторые лексические единицы, не относящиеся к ядру и центру СП ‘смех’, но находящиеся на границе его центральной и периферийной областей: *приятно, приятный, милый, хороший*, и др. Следует отметить, что во внимание принимается не начальная форма данных слов, но их словоформы: *смеха, смехе, смехом; смешной, смешная, смешнее, смешные* и т. д.» [там же].

2. «Среди выявленных на предыдущем этапе словоформ отмечаются те, которые встречаются в тексте романа «Преступление и наказание»: *смех, смех-то, смеха, смехе, смехом, смеху, смешная, смешнее, смешно, смешного, смешное, смешной, смешны, смешны-с, смешным, смешон, смеюсь, смеются, смеющейся, смеялась, смеялись, смеялся, смеясь, смеяться, насмехается, насмехаюсь, насмешек, насмешите, насмешка, насмешками* и др. Самые частотные словоформы, одновременно входящие в ядро и в центр ТСП ‘смех’ и встречающиеся в тексте романа, следующие: *серьёзно* – 37, *смех* – 24, *улыбкой* – 21, *усмехнулся* – 20, *улыбка* – 20, *слезы* – 19, *засмеялся* – 18, *улыбнулся* – 14, *слёз* – 13, *усмешкой* – 11, *смешно* – 11, *захохотал* – 11, *весело* – 11, *улыбку* – 10, *смеяться* – 10 и др.» [Ма Цзинян 2021: 91]).

3. «В общей сложности в тексте романа “Преступление и наказание” было выделено 267 словоформ, входящих в ТСП ‘смех’» [Ма Цзинян 2021: 91].

Погрешность при подсчёте составляет 7–9 процентов, т. е. представленные статистические данные достаточно объективны. «С помощью компьютерной программы *Distributio*²³ построен график распределения данных словоформ (в общей сложности – 970 вхождений) в тексте романа» [там же] (подробнее о возможностях визуализации состава ТСП будет сказано в § 2 Главы 3).

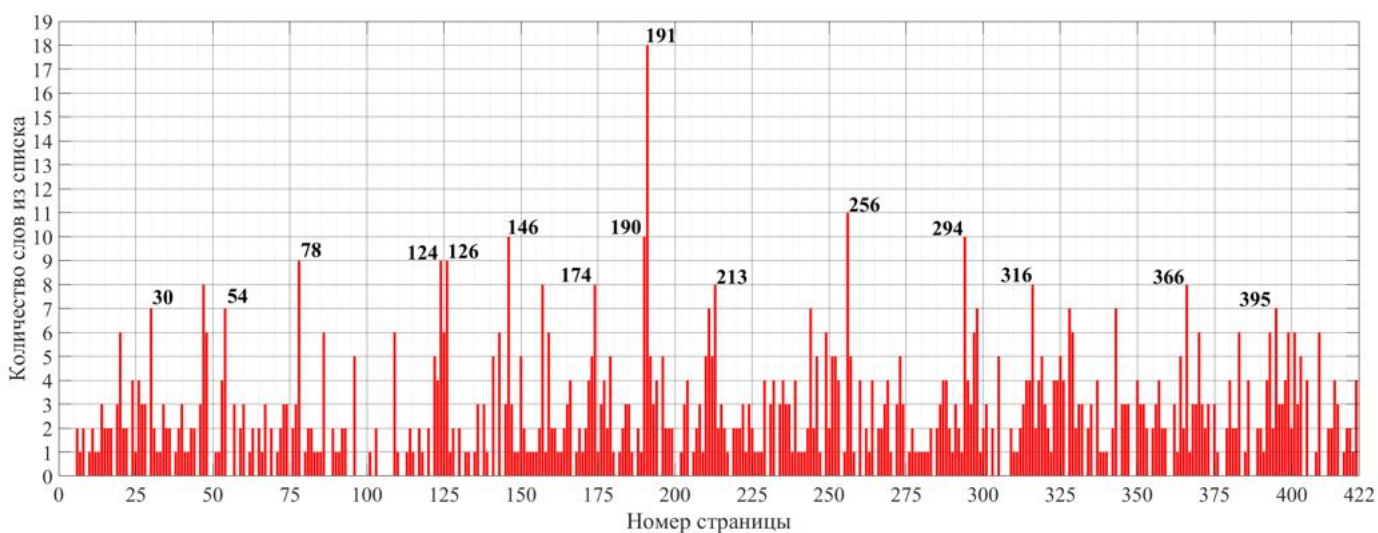

Рис. 1. Распределение словоформ семантического поля ‘смех’ в тексте романа «Преступление и наказание»

Текстовые ассоциации к слову *смех* подразделяются на три основные группы: субъект (тот, кто смеётся), каузатор (причина – то, что вызывает смех), качественная характеристика (*смех* какой?). Таким образом, структура СГ в ТСП ‘страх’ предполагает наличие следующих зон: субъект, каузатор и качественная характеристика.

Приведём примеры ситуаций романа «Преступление и наказание» с наибольшей насыщенностью единицами поля ‘смех’ – стр. 78, 124, 126, 146, 174, 190, 191, 256 (данные номера страниц показаны на графике непосредственно около вершин; подробнее см. Приложение 1).

²³ Разработчик программы – Вс.И. Ружицкий.

1) Разговор Ильи Петровича с Луизой Ивановной («пышной дамой») в конторе (стр. 78)

– субъект: Раскольников, Луиза Ивановна («пышная дама»)

– каузатор: слова Ильи Петровича, его ругательства, вся сцена, происходившая в конторе

– качественная характеристика: [Раскольников] *животная радость*; [Луиза Ивановна] *преглупейшая улыбка, нервы так и прыгали*

2) Начало разговора Замётова с Раскольниковым (стр. 124)

– субъект: Замётов, Раскольников

– каузатор: [Раскольников] Замётов

– качественная характеристика: [Замётов] *добродушно улыбаться*

3) Разговор Замётова с Раскольниковым (стр. 126)

– субъект: Раскольников

– каузатор: вопрос Замётова

– качественная характеристика: *нервный хохот; внезапный, припадочный взрыв смеха*

4) Разговор Раскольникова с Поленькой после смерти Мармеладова (стр. 146)

– субъект: Поленька

– каузатор: поручение Сони догнать Раскольникова, которое понравилось Поленьке

– качественная характеристика: *улыбаться весело, по-детски; ещё веселее улыбаясь*

5) Вторая встреча Раскольникова с матерью и сестрой и их разговор в комнате Раскольникова (стр. 174)

– субъект: Раскольников

– каузатор: слова Зосимова, ответ Дуни на вопрос Раскольникова о помощи бедным

– качественная характеристика: *странная улыбка на бледных губах, насмешливо улыбнуться*

6) Разговор Раскольникова с Разумихиным перед приходом в квартиру Порфирия Петровича (стр. 190)

– субъект: Раскольников

– каузатор: приход к Порфирию Петровичу

– качественная характеристика: *плутоватая улыбка*

Весьма показательно то, что кульминация смеха, и это отчётливо видно на графике, приходится именно на данный эпизод: Раскольников специально смеётся громко для того, чтобы его услышали в квартире Порфирия Петровича, цель – показать, что он не боится. Здесь можно говорить о маскировочной, для сокрытия страха, функции смеха.

7) Первая встреча Раскольникова с Порфирием Петровичем (стр. 191)

– субъект: Раскольников

– каузатор: знакомство с Порфирием Петровичем, хотя формально – лицо и вся фигура Разумихина (*красный как пион, долговязо и неловко*)

– качественная характеристика: *подавленный смех; задушевный смех; искренняя весёлость*

8) Вторая встреча Раскольникова с Порфирием Петровичем (стр. 256)

- субъект: Раскольников, Порфирий Петрович
- каузатор: разговор про казённую квартиру, т. е. *начать издалика, усыпить осторожность*
- качественная характеристика: *нервный, продолжительный смех; непрекращающийся смех.*

Смех – и Раскольникова, и Порфирия Петровича – в последнем эпизоде возникает потому, что оба отлично понимают слова и действия друг друга, «маска» уже практически не нужна.

Посредством построения СГ в ТСП ‘смех’ можно обнаружить, что каузатор смеха часто связан с персонажем произведения: это либо сам персонаж, либо его поступок; качественные характеристики смеха показывают, например, что смех у Достоевского может быть сопряжён с беспокойством, грустью, болезненным состоянием и др.: *нервный смех, подавленный смех, нервный хохот, странная улыбка, животная радость*, т. е. персонаж смеётся далеко не всегда потому, что испытывает радость. Данный факт в некоторой степени отражает пересечение полей ‘страх’ и ‘смех’, о чём подробнее будет сказано в § 3 Главы III.

Отметим также, что реконструкция СГ даёт возможность проанализировать семантическую организацию текста романа, а в ходе группировки текстовых ассоциаций на определённое слово-стимул (идиоглоссу) – выявить особенности авторского тезауруса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

Проведённый в главе анализ теоретических источников и текстового материала позволяет сделать выводы, из которых наиболее существенными представляются следующие:

1. Основным объектом исследования теории семантического поля является лексико-семантическое поле – совокупность лексических единиц разных типов, объединённых между собой на основе общего, инвариантного, значения парадигматическими и синтагматическими отношениями. Развитие концепции семантического поля привело к появлению таких объектов её исследования, как «семантическое поле», «лексико-семантическое поле», «текстовое семантическое поле», «ассоциативное поле» и «текстовое ассоциативное поле». Данные понятия являются смежными категориями одной терминологической парадигмы, содержательно различающимися в зависимости от решаемых целей и задач. Специфика предмета и объекта настоящего исследования вполне логично обусловила выбор в качестве базового понятия «текстовое семантическое поле». Принципиальных различий между ТСП и текстовым ассоциативным полем в работе не делается, в том числе и касательно возможностей реконструкции полей данных типов.

Если языковую картину мира можно рассматривать как иерархию лексико-семантических полей, то, соответственно, построение писательского тезауруса предполагает прежде всего реконструкцию семантических полей, проведённую на материале известных текстов, созданных их автором, т. е. текстовых семантических полей.

2. Текстовое семантическое поле имеет структуру, аналогичную структуре семантического поля, оно характеризуется наличием ядра, центра и периферии. В ядро поля могут входить синонимы и гипонимы к имени поля, кроме того, при выборе имени и ядра поля следует соблюдать определённые правила. В главе предложена многошаговая процедура реконструкции текстового семантического поля, включающая в себя выявление его ядра и

центра, а также контекстных ассоциатов, связанных с ядром поля и словами, входящими в его центр.

3. С целью структурирования текстового семантического поля предложено использовать категорию семантического гештальта, под которым понимается структура, образованная в соответствующем ассоциативном поле в ходе проведения ассоциативного эксперимента, отражающая семантическую организацию между словами-реакциями к определённому слову-стимулу. Данная структура характеризует поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отражённой в нём структурой реальности. Структура такого рода показывает семантическую организацию между словами-реакциями на слово-стимул. В семантическом гештальте обнаруживаются понятийные зоны, позволяющие соотнести его с конкретными концептами и таким образом проследить возможности пересечения различных текстовых семантических полей, т. е., в конечном итоге, подойти к конструированию авторской концептосферы. Показана также возможность определения состава текстового семантического поля путём группировки текстовых ассоциатов по их семантической близости. В результате разработана процедура заполнения структуры семантического гештальта в текстовом семантическом поле 'страх' в романе «Преступление и наказание».

4. В главе на примере текстового семантического поля 'смех' в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» показана одна из возможностей визуализации данного поля посредством специально разработанной для решения этой задачи компьютерной программы.

ГЛАВА III. СУБСТАНЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ‘СТРАХ’ В ТЕКСТЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В главе на материале текста романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского анализируется специфика концепта ‘страх’ как смыслового ядра соответствующего ТСП, выявляются способы языковой репрезентации данного концепта; определяются контекстные ассоциаты слова *страх* в романе «Преступление и наказание»; рассматривается взаимодействие ТСП ‘страх’ с другими ТСП и таким образом показывается место данного поля в смысловом пространстве текста романа.

§ 1. Текстовое семантическое поле концепта ‘страх’: общие характеристики

В параграфе решаются следующие задачи: проанализировать концепт ‘страх’, функционирующий в качестве смыслового ядра соответствующего ТСП; изучить функционирование леммы *страх* в тексте романа «Преступление и наказание».

Страх, по мнению А. Вежбицкой (см. [Вежбицкая 1996]), наряду с другими тремя эмоциями, такими как печаль, гнев и счастье, – одна из базовых эмоций, «эмоция эмоций», присущая всем людям, независимо от их принадлежности к какой-либо национальной культуре и оказывающая влияние на психологию личности, поведение и поступки человека.

Страх может вызвать панику, усилить сердцебиение, повысить кровяное давление, вызвать всплеск адреналина и т. д., наконец, привести к совершению какого-либо спонтанного действия, чаще всего к бегству, или, наоборот, послужить препятствием для совершения необходимого действия. Отсюда и частое использование существительного *страх* в одном контексте с глаголами

бежать и *оцепенеть*. И то и другое – признаки саморазрушения любой системы, будь то государство или человек. Не случайна, по всей видимости, насыщенность единицами ТСП ‘страх’ текстов романов «Преступление и наказание» и «Бесы».

В философии и психологии изучение страха также занимает важнейшее место, прежде всего в аксиологическом аспекте ²⁴. ‘Страх’ является фундаментальным понятием современной философии, ядром многих философских направлений. Его изучение берёт своё начало с представлений Эпикура, считавшего страх искажённым взглядом человека на взаимоотношение с богами. Большой вклад в изучении проблемы страха внёс Платон, предложивший понимание данной эмоции в её зависимости от множества социальных факторов. Аристотель также придерживался мнения о том, что страх – «результат нарушения целостности определённого социального качества» [Метафизическая природа феномена страха... URL]. В этом случае страх предупреждает человека о нарушении этой целостности, т. е. в определённой степени играет положительную роль.

Значительный вклад в вопрос о понимании онтологии страха внёс С. Кьеркегор, считающийся одним из предтеч философии экзистенциализма. Кьеркегор рассматривал страх в теологическом контексте и придерживался мнения о том, что «страх – это определение грезящего духа, и в качестве такового оно принадлежит сфере психологии <...> симпатическая антипатия и антипатическая симпатия» [Кьеркегор 1993: 133]. При этом, что важно для решения поставленных нами в настоящем исследовании задач, философ различал страх в зависимости от степени его проявления и других качественных характеристик, например, разделяя *страх* и *боязнь*, *страх* и *ужас* и противопоставляя их объективному страху, т. е. говорил о модусах

²⁴ «Для реализации человеческого развития от биологических основ до социального уровня важен антропологический аспект феноменов страха и ужаса. Непосредственно с этим связано проявление страха и ужаса в аксиологическом аспекте, то есть определении ценностных отношений между человеком и миром» [Аксёнова 2015: URL].

страха. Кьеркегор пытается объяснить феномен страха с точки зрения христианского богословия и выделяет страх объективный и страх субъективный: «объективный страх – это страх, присутствующий в роде, а субъективный страх, это страх, присутствующий в каждом субъекте» [Метафизическая природа феномена страха... URL]. М. Хайдеггер предлагает изучать страх в феноменологическом контексте в трёх аспектах: «“перед-чем” страх, “устрашённость” и “о-чём” страх» [там же]²⁵.

Нельзя не отметить тот факт, что на возникновение философии экзистенциализма сильнейшим образом повлияли идеи Ф.М. Достоевского, которые он излагал устами своих персонажей, что касается отношения к страху, то в первую очередь речениями Кириллова в романе «Бесы».

В филологии появляется целое направление литературоведческих исследований – хоррология (от *англ.* horror – ‘ужас’), наука о саморазрушительных механизмах цивилизации. Необходимость изучения концепта ‘страх’ на материале литературного произведения состоит в том, что «анализ художественного текста позволяет выявить такие признаки, которые приобрели в составе концепта символический смысл» [Евсеева 2020: URL].

Анализируя гипотаксис слова *страх*, его подчинительные связи, И.А. Вотякова пришла к следующим заключениям: «*страх* чаще всего воспринимается как причина, порождающая дискомфортное, мучительное состояние, которая может парализовать волю человека <...> является защитной реакцией организма, для того чтобы быстро и эффективно

²⁵ По мнению Хайдеггера, «основной характеристикой ужаса является трансцендирование – выталкивание человека от сущего к Ничто, направляющее его на постижение бытия. Без выдвинутости и без героического заглядывания в Ничто в состоянии тревоги нет возможности вопрошать сверх сущего, за его пределы, нет возможности повернуться лицом к бытию. Ужасение ужаса есть бытие в мире – изначальный модус экзистирования, и обнажённость бытия в присутствии к самости существования, в свою очередь, дающая свободу выбора и даже свободу свободы» [Цалко: URL]. Таким образом, есть два фундаментальных модуса существования: «первый – состояние забвения бытия, а второй – состояние сознания бытия» [там же]. Именно второй модус позволяет сосредоточиться на бытии и признать, что ‘страх’ – объективное явление (в отличие от Кьеркегора, у Хайдеггера нет Бога, только мир и человеческое существование).

реагировать на какие-то опасные ситуации <...> Его главной особенностью является чувство стресса, беспокойства и неуверенность в собственной безопасности и угроза здоровью» [Вотякова 2014: 179–180].

А.С. Старчева при изучении концепта ‘страх’ на материале произведений Ф. Кафки выделила следующие структурно-смысловые элементы, коррелирующие с обозначенными нами выше составляющими структуры СГ: «опорные (ключевые) компоненты (аффективы и коннотативы) и маркеры страха (причина страха; поведенческие, интеллектуальные, физиологические, когнитивные, психологические индикаторы; способы преодоления страха)» [Старчева 2014: 29].

Для выявления состава концептуального поля ‘страх’ И.В. Захаренко и Н.Б. Нестерова провели ряд ассоциативных экспериментов, классифицировали слова-реакции к слову-стимулу *страх* и определили возможности визуализации страха посредством геометрических представлений, рисунков и др. В результате были сделаны выводы о связи концепта ‘страх’ с ужасом, кошмаром, испугом, а также «с явлениями, сопровождающими страх (волнение, беспокойство), с физическим проявлением страха (паника, дрожь)» [Захаренко, Нестерова 2012: 61]. Интересны и заключения авторов этой статьи о связи страха с «одинокостью и безысходностью, с темнотой (что следует также из ассоциаций с ночью и чёрным цветом), с давлением, оказываемым на человека (как давлением замкнутого пространства, так и гнёта власти) <...>» [там же].

Рассмотрение репрезентации концепта ‘страх’ в русской ЯКМ мы традиционно начинаем с анализа словарных дефиниций слова *страх*: «толкование есть предположение о значении слова. Мы получаем его, рассматривая различные употребления слова, а затем удостоверяемся в его верности, проверяя, удовлетворяет ли такое толкование этим употреблением» [Вежбицкая 1996: 340]. Сложность истолкования эмоциональных слов-концептов состоит в том, что их затруднительно разъяснить с использованием

традиционных способов, например, посредством строгой дефиниции, средств наглядности, связав с каким-либо устойчивым стереотипным образом и т. п.²⁶

Так, мы не можем употреблять слово, обозначающее эмоции, для истолкования эмоциональных концептов, поскольку нет ни одной эмоции, которая воспринималась бы абсолютно одинаково в разных культурах²⁷. В результате для истолкования эмоциональных концептов используются такие семантические компоненты (семантические примитивы), как ‘хороший’, ‘плохой’, ‘делать’, ‘происходить’, ‘знать’, ‘хотеть’ и т. п. Процесс интерпретации эмоциональных концептов, таким образом, состоит в том, что они «задаются ситуациями, типичными для известных переживаний, и эти ситуации могут быть описаны посредством ментальных сценариев» [там же: 337].

Проанализируем определения значения слова *страх*, представленные в толковых словарях русского языка.

– значения слова *страх*

²⁶ Принцип истолкования эмоциональных концептов, предлагаемый А. Вежбицкой, следующий: «...если мы хотим истолковать эмоциональные концепты так, чтобы они были действительно объяснены, то мы должны определить их с помощью слов, которые были бы интуитивно понятны (нетехнических терминов) и не являлись бы сами именами эмоций или эмоциональных состояний» [Вежбицкая 1996: 329]. Для реализации данного принципа, с точки зрения А. Вежбицкой, необходимо использовать семантические примитивы. «Существует два независимых эмпирических пути поиска универсальных семантических примитивов: 1) роль, которую играет данное понятие в толковании других понятий; 2) множество языков, в которых данное понятие лексикализовано» [там же].

²⁷ «Каждый язык накладывает свою собственную классификацию на эмоциональный опыт человека, поэтому английские слова типа *anger* или *sadness* ‘печаль’ – это культурные артефакты английского языка, а не культурно-независимые инструменты анализа» [там же: 334]. Истолкование эмоциональных концептов даёт возможность выявить особенности ЯКМ в разных культурах. В самом широком смысле необходимость изучения толкования эмоциональных концептов состоит в том, что «1. Эмоции играют огромную роль в жизни человека. 2. Эмоции исключительно трудно исследовать. 3. Глубокое проникновение в структуру эмоций и природы эмоциональной жизни обнаруживают народные представления об эмоциях. 4. Учёные, желающие изучать эмоции, в значительной мере полагаются на эмоциональные концепты, выражаемые в их родном языке <...>» [там же: 348].

Таблица 1

Лексикографическое представление слова СТРАХ I

Словари	Страх	ЛСВ в ед. ч.	Иллюстрации употребления слова <i>страх</i> в ед. ч.	ЛСВ во мн. ч.	Иллюстрации употребления слова <i>страх</i> во мн. ч.
СД		«1) страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия; 2) предмет, рождающий страх; 3) гроза, угроза или острастка; покорство утращённого, послушание; сознание ответственности» [СД 1866: 307]	1) Страх обуяет, и растеряешься. Со страху, со страстей поджилки дрожать, ноги подкосились; 2) Страху в глаза гляди, не смигни; 3) Иная вера со страхом, иная с любовью	-	-
СУ		«Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас» [СУ 1940: 549]	Чувство страха; Панический страх; Дрожать от страха; Натерпеться страху	«Представления, события или предметы, пугающие чем-н., вызывающие чувство боязни, ужаса, опасения» [СУ 1940: 549]	Всекие страхи лезут в голову. Ночные страхи прошли.
МАС		«Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и	Страх наказания. Страх смерти. Дрожать от страха. наводить страх на кого-л. Натерпеться страху	«То, что вызывает боязнь, пугает» [МАС 1988: 283]	[Волгина] не любила унывать, она не любила заранее мучить себя страхами.

	г. п.; боязнь» [МАС 1988: 283]			
СО	«Очень сильный испуг, сильная боязнь» [СО 2006: 772]	Задрожать от страха; навести страх на кого-н. Нагнать страху	«События, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса» [СО 2006: 772]	Рассказать о всяких страхах. Насмотреться страхов.
СЕ	«1. Состояние сильной тревоги, боязни, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности. 2. То, что вызывает сильную боязнь, тревогу, беспокойство» [СЕ 2000: URL]	-	-	-

Таблица 2

Лексикографическое представление слова СТРАХ II

Словари	Страх	Значения	Иллюстрации значений
СД		«Ужасно, страшно, весьма, очень» [СД 1866: 307]	Страх, что народу было!
СУ		«Очень, чрезвычайно, сильно» [СУ 1940: 549]	Я страх люблю таких молодых людей; а дело-то на свадьбу страх похоже.
МАС		«Очень, чрезвычайно» [МАС 1988: 283]	Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю
СО		«Очень, в высшей степени, очень много, ужас» [СО 2006: 772]	Грибов в лесу страх! Устали страх!
СЕ		«1. Крайне, чрезвычайно. 2. Очень много, очень сильно» [СЕ 2000: URL]	-

Общими семантическими признаками СТРАХ I, судя по данным приведённых в таблице 1 словарей, являются ‘состояние сильной тревоги, боязнь’ и ‘то, что вызывает боязнь’; специфические признаки – ‘страсть’, ‘покорность’. Для СТРАХ II – ‘очень, чрезвычайно’ и – ‘много, сильно’. В разговорной речи слово *страх* в этом значении может сочетаться со словами *как, какой, сколько*²⁸.

В диссертации мы ориентируемся на следующие определения значения слова *страх* (см. [СЯД 2021: 1111–1120]):

- СТРАХ I.** 1. ‘Состояние сильной боязни, тревоги, беспокойства, душевного смутения перед какой-л. ожидаемой или воображаемой опасностью, бедой и т. п.’;
2. ‘События, предметы, вызывающие чувство сильной боязни, ужаса’.
СТРАХ II. ‘Очень, чрезвычайно, в высшей степени’.

Анализ СП ‘страх’ предполагает выявление семантических компонентов значений слова *страх*, которые формируют ядро соответствующего СП. Процедура выявления состава СП ‘страх’ включает в себя проведение следующих операций: 1) изучение происхождения слова *страх* и его внутренней формы, этимона; 2) обозначение состава словообразовательного гнезда, вершиной которого является *страх*; 3) изучение гипотаксиса и

²⁸ Интересные замечания относительно генезиса значения ‘очень, чрезвычайно, в высшей степени’ слов *страх* и *смерть* мы находим у В.В. Виноградова: «Среди [...] типов беспредложно-отымённых наречий, соотносительных с формами существительного, [выделяется...] непроемительная группа разговорных наречий, соотносительных с именительно-винительным падежом имени существительного и имеющих яркую эмоционально-качественную окраску: *смерть, ужас, страсть, страх* (нередко в сочетании с *как*) в значении: ‘очень сильно’ (ср. в том же значении: *страшно, ужасно, адски, чертовски, дьявольски, бешено* и некоторые другие). Например: “Я *ужас* как ревнив” (Пушкин), “Иван Иванович ... уходился *страх* и прилёг отдохнуть” (Гоголь), “Когда же им случилось оставаться, Маше становилось *страх* неловко” (Тургенев, “Бретёр”), “И весело мне *страх* выслушивать о фунтах и рядах” (Грибоедов, “Горе от ума”). “Я *смерть* пить хочу”, “Ему самому было *смерть* смешно” (Лесков, “Соборяне”). “Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она *чудо как* умна и нравственна” (Л. Толстой, “Крейцера соната”) (о распространении эмоциональных наречий, вроде *страсть какой ловкий* и т. п. в женском языке см. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur u. s. w., 1925, S. 233–234). А.В. Попов в соответствии с своими общими взглядами на генезис двучленных и трёхчленных предложений – выводил происхождение этих наречий из слияния двух предложений в одно: *Он смерть бьётся* (он бьётся смерть) первоначально значит: ‘Он бьётся так, что может произойти смерть’. *Он страх (страсть, ужас) любит* значит: ‘Он так любит, что делается страшно (страх, ужас)’ (Синтаксические исследования, с. 89)» [Виноградов 1999: URL].

паратаксиста, типичных подчинительных связей и сочинительных связей слова *страх*; 4) выявление текстовых ассоциаций к слову *страх*; 5) проведение статистического анализа употребления слова *страх* в текстах Ф.М. Достоевского.

– ЭТИМОЛОГИЯ СЛОВА *страх*

Этимологический анализ слова позволяет изучить так называемое первичное значение слова²⁹. Однако, что касается происхождения слова *страх*, а также других основных модусов страха, к которым относятся *испуг*, *боязнь*, *ужас* и *трепет*, то какой-либо однозначной версии об этимоне этих слов нет. Не вызывает сомнений только древнее происхождение слова *страх*, что вполне естественно, если принять во внимание архетипичность данной эмоции.

Этимологические словари дают нам следующую информацию:

1) русское слово *страх* идентично аналогичным лексемам во всех славянских языках, а также морфонологически соотносится со словами некоторых других языков, ср.: укр. *страх*, др.-русск. *страхъ*, ст.-слав. *страхъ*, болг. *страх*, сербохорв. *страхъ*, словен. *strâh*, чеш. *strach*, словц. *strach*, польск. *strach*, в.-луж. *trach*, н.-луж. *tšach*, полаб. *Stroch* [СФ 1987: 772]. Ср.: «Страх – общеслав., имеющее соответствия в герм. и балт. яз. (ср. лит. *strėgti* – ‘оченеть, застывать’, нем. *strecken* ‘вытягивать’). Первоначально – ‘оцепенение, остолбенение’» [СШ 1971: 428]. Это слово с первонач. знач. ‘оцепенение’ сближается с лит. *stregti*, *stregiu* ‘оцепенеть, превратиться в лёд’, лтш. *strēgele* ‘сосулька’, ср.-в.-н. *strac* ‘тугой’, нов.-в.-н. *strecken* ‘растягивать’, д.-в.-н. *stracken* ‘быть растянутым’ <...> Брюкнер <...> видит в **страхъ* слав. новообразование по отношению к **strastъ*» [СФ 1987: 772]. Схожую, однако в отдельных случаях далеко не бесспорную информацию мы находим в «Этимологическом словаре русского языка» А. Преображенского:

²⁹ «...именно этимологический анализ даст нам более глубокое представление о том, как возникло слово, какой путь прошло в своём развитии, какое значение слова наиболее верно, вполне вероятно приблизит нас к сущности страха» [Титова 2014: URL], кроме того, «этимологическое исследование слова способствует целостному философскому анализу феномена “страх”» [Пустовойт 2007: 65].

«Сравнивают лат. *strāgēs*, *-is* *повержение, поражение*; *strāgulus* *служащий для покрывания или подстилки: покрывало, ковер* и т. п. <...> Brückner видитъ въ *-хъ* такое же сокращение изъ *страсть* <...> Основательнее сопоставить съ лтш. *struōstīt* или *struostēt* *предостерегать* (ср. *стращать*) <...> Горяевъ и Jokl сближаютъ съ лат. *terreo* *устрашаю* <...> Zupitza сопоставляетъ съ драгг. *onprácian* *страшить, пугать*. Persson относитъ къ обширной группѣ **sterkоченеть, цепенеть*: страхъ изъ **strōkso-*, **strōgso-* <...> [ЭСП 1910–1914: 393–394]; «Страх – общеславянское слово, имеющее родственные в ряде других языков (в литовском находим *stregti* – ‘коченеть’, в английском *strike* – ‘поражать’)» [СК 2005: 378].

В Словаре А. Преображенского этимологическое и словообразовательное поля ‘страх’ существенно расширяются, в них включаются следующие лексические единицы: *timor, horror; очень, много, сильно; очень много; некрасивый, безобразный; бесстрашный, смелый, бесстрашие; страхово́й, страхова́ть, застрахо́вать, страхо́вка, страхо́вание; страши́ть, устраши́ть, страши́ться, устраши́ться, устраша́ть, страшилище, устрашение, неустрашимый, страшливый, боязливый, робкий; страсти, острастка, угроза; стращать, угрожать, пугать; настращать, постращать; страхаты, страхатыхся; страшный; страшило (пугало), страшилище; бояться, опасаться; страхота (страсть, ужас); пугливый* см. [ЭСП 1910–1914: 393–394]).

О различных версиях происхождения слова *страх* и его концептуальной значимости пишет Н.А. Красавский, посвятивший свою монографию изучению эмоциональных концептов, где, в частности, указывает на корреляции данного понятия 1) с природными явлениями, 2) свойствами предмета, 3) результатом человеческих действий, 4) вербальным актом угрозы, 5) физическими действиями человека (см. [Красавский 2001: 131]). Для нас, однако, в заключениях Н.А. Красавского важны прежде всего выводы касательно соотнесённости страха с другими его модусами (*ужас, боязнь, опасение, трепет* и *опасение*), а не суммарное представление этимологической информации (см. [там же: 138]). По мнению

Н.А. Красавского, страх – это «эмоция эмоций», относящаяся к древнейшим эмоциональным архетипам, поэтому не случайна связь этой эмоции с семантическими группами ‘смерть’, ‘каузатор действия’, ‘переживание’, ‘непонимание причины’ и др. Страх часто олицетворяется, выступает в качестве субъекта действия (*нападает, забирает* и т. п.), выражается соматически и связан с температурными характеристиками (отсюда и главные ассоциаты – *смерть, холод, дрожь*). Возможна градация страха, что отражается в его основных модусах, а также различные способы интенсификации. Архетипичность страха проявляется в инстинктивности переживания, а также суеверности этой эмоции (см. [там же: 205]). Несомненна причинная зависимость страха от чувства вины, что абсолютно справедливо замечает Н.А. Красавский: «...одним из краеугольных камней религии, особенно в средние века, была идея греховности человека, его вины перед всевышним. Чувство же вины, как установлено психологической наукой, непосредственно корректировало с эмоцией страха» [там же: 344].

Определённый интерес для реконструкции семантического поля ‘страх’ представляет употребление его основного номинанта в древнерусских текстах (см. [СДРЯ 1912: 545]), например:

И отъ страха възъпиша. Похотѣныа страсти, отъ цѣломѣдраго страха възтѣлапаемы. Донѣдеже повѣтримѣ пловещи, оубоисѣ потоплениа; и хоудѣ оутоплещи, страхъ помощникъ имъ. Аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крѣщающа. Тѣгда же страхъ и трепетъ овнѣатъ ма. Оу насъ силоу, а недооумѣние и грозѣ и страхъ и трепетъ вложи в на. Повергша оружіа и ўстремившасѣ на вѣгъ, страхомъ грозѣ храворства домонтова и мѣжь его Псковичъ. Кѣто оуцѣва на Гѣ и невѣженъ вѣистъ, или кѣто превѣи въ страстѣ его и прѣзьрѣ и. Въ церкви предстоите со страхомъ Божнемъ. Се же вѣи конецъ всемѣ: страхъ Бжии имѣите вѣше всего. Он же вѣсегда цвѣтетъ въ сѣтрасѣ Гни. Какъ измолвити дѣлконъ: съ страхомъ Божимъ и съ вѣрою пристѣпите, тогда въ приходни къ царскимъ дверемъ. И въ мори воудотъ страсти и знамени насъ нѣвсе велика воудотъ.

Подчинительные связи слова *страх* в данном тексте следующие: *возопить от страха; целомудренный страх; страх помощников; креститься страхом; страх гроза; пребыл в страхе; божий страх*. Сочинительные связи: *страх и трепет*.

В древнерусских текстах XI–XVI веков слово *страх* уже широко используется, оно употребляется как в ед. ч., так и во мн. ч. и связано с религиозными, православными, представлениями, например, сочетания *божий страх*, *страх и трепет* и др., которые мы находим и в текстах Ф.М. Достоевского³⁰:

Что, если весь народ вдруг скажет себе, дойдя до краёв своего безобразия и разглядев свою нищету: «Не хочу безобразия, не хочу пить вина, а хочу правды и **страха божьего**, а главное правды, правды прежде всего» (Дневник писателя. Т. 21, стр. 59)

Сочетание *страх и трепет*, близкое к клишированному, также встречается в текстах Ф.М. Достоевского, в том числе и в романе «Преступление и наказание»:

[Пульхерия Александровна] принялась опять расспрашивать о вчерашней сцене между Родей и Лужиным. Это происшествие, как видно, беспокоило её более всего, **до страха и трепета** (стр. 167).

Ср. в Послании к Филиппийцам святого апостола Павла:

Итак, возлюбленные мои, как вы всегда были послушны, не только в присутствии моем, но гораздо более ныне во время отсутствия моего, **со страхом и трепетом** совершайте своё спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению. Всё делайте без ропота и сомнения, чтобы вам быть неукоризненными и чистыми, чадами Божиими непорочными среди строптивого и развращённого рода, в котором вы сияете, как светила в мире, содержа слово жизни, к похвале моей в день Христов, что я не тщетно подвизался и не тщетно трудился (Фил. 2:12–16); <...> И не просто сказал: «**Со страхом**», но присовокупил: «и **трепетом**», – что составляет высшую степень **страха**, – желая сделать (филиппийцев) более внимательными. Такой страх имел Павел. <...> (Кор. 9:27).

³⁰ Изучая древнерусские тексты, Н.А. Красавский делает следующие выводы: «...во-первых, в данном случае обращает на себя внимание высокочастотное использование слова *страх* с синонимичным ему словом (*трепет*); во-вторых, очевидна ассоциация эмоции страха с архетипом “огонь-вода”; в-третьих, налицо человекоподобная активность анализируемой эмоции; в-четвертых, укажем на корреспонденцию страха с таким фрагментом физического мира; наконец, нельзя не отметить представления древнерусского человека о связи между этой эмоцией и её продуцентом – Господом Богом» [Красавский 2001: 352].

Идиостилевым представляется также сочетание *трепет страха*:

Неужели вам хочется, чтобы и русские, **в трепете** животного **страха** за свои интересы и деньги, склонялись точно так же перед каким-нибудь жёлтым чеботом? (Дневник писателя. Т. 26, стр. 61); [Ипполит Кириллович передаёт слова Смердякова] «Подозревали меня всякую минуту-с, сам **в страхе и трепете**, чтобы только их гнев утолить, спешил сообщить им всякую тайну-с, чтобы тем самым невинность мою перед ними видеть могли-с и живого на покаяние отпустили-с» (Братья Карамазовы. Кн. 12, стр. 136).

Кроме того, редупликация *страх-трепет*, используемая в древнерусских текстах, встречается и в романе «Братья Карамазовы»: «— Никого нет, Аграфена Александровна, сейчас кругом оглянула, я и в щёлку подхожу гляжу поминутно, сама в страхе-трепете» (Братья Карамазовы. Кн. 7, стр. 313).

Можно сделать заключение о том, что версии о происхождении слова *страх* в разных этимологических словарях не сильно отличаются друг от друга: это общеславянское слово, связанное прежде всего с *оцепенением* или *остолбенением* (*превратиться в лёд, застывать, коченеть*). Кроме того, *страх* соотносится с *страстью*, т. е. сильным душевным волнением.

Несмотря на неоднозначность описанных выше этимологических трактовок слова *страх*, мы тем не менее склонны предположить, что его этимон связан со звуком-чувством, из которого и возникает внутренняя форма. В звуке [т(д)р], звуке-символе, «осколке целого» (см. [Бибихин 2008: 182]) уже как бы «слышится» дрожание (в ТСП 'страх' частота ассоциата *дрожать* существенно превышает остальные). Кроме того, из 96 лемм, входящих в центр ТСП 'страх', этот звук встречается 30 раз. Интересные предположения можно сделать и относительно звука [у] в *ужас, ужасный* и т. п.: «<...> у – стремление человека удалить от себя предмет, чувство противодействия, страха» [там же: 92].

Высказанное выше заключение, однако, следует рассматривать только как гипотезу, для доказательства которой следует провести отдельное, в том числе и сравнительно-историческое исследование.

– состав словообразовательного гнезда слова *страх*

В словарях в состав словообразовательного гнезда слова *страх* (см. [СТ 1990: 177–178; СЛ 2016]) включаются следующие дериваты:

страх, страшок, страшный, страшное, страшненький, страшненько, страшноватый, страшновато, страшенный, престрашенный, страшно, престрашный, страховитый, страховито, страхота, бесстрашный, бесстрашно, бесстрашие, страшить, страшиться, страшливый, страшение, страшила, страшилище, страшилищный, утрашить, утрашиться, утрашаться, утрашать, утрашающий, утрашающе, утрашение, утрашительный, неутрашимый, неутрашимо, неутрашимость, стращать, стращение, застращать, застрачивать, застрачиваться, застрачивание, настращать, настрачиваться, перестрачивать, постращать, пристращать, пристрачивать, пристрачиваться, пристрастный, пристрачивание, страховидный, страхолудный.

В тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» из приведённого выше словообразовательного гнезда встречаются только слова *страшный* и *страшно*: *страшный* употребляется 43 раза, *страшно* – 16 раз.

– гипотаксис и паратаксис слова *страх*

В толковых словарях русского языка мы находим следующие примеры – контексты употребления слова *страх*:

«<...> страх обуяет, и растеряешься <...> слепой страх напал на всех, панический <...> страх смерти, всякий страх <...> рождающий страх <...> страх божий <...> свой страх, чей страх» [СД 1866: 307]; «<...> чувство страха, панический страх, в смертельном страхе <...> страх смерти <...> натерпеться страху» [СУ 1940: 549]; «<...> страх наказания, страх смерти, наводит страх, натерпеться страху» [МАС 1988: 283]; «<...> нагнать страху <...> навязчивый страх» [СО 2006: 772]; «<...> набраться страху, наводит страх, нагонять страх» [СЕ 2000: URL]; «<...> боязливый, грозный, душераздирающий, жуткий, звероватый (разг.), зверовидный (устар.), зловещий, испуганный, кошмарный, малодушный, неопасный, напуганный, несмелый, опасливый, оробелый, панический (разг.), пуганный (разг.), пугающий, пугливый, раздирательный (устар.), раздирающий, смутный, страховидный (разг.), страховитый (разг. – сниж.) страхолудный (разг. – сниж.), страшливый (разг. – сниж.), страшномордый (разг. – сниж.), страшный, тревожный, трепетный (перен. разг.), угрожающий, угрожительный (устар.), ужасающий, ужасный, утрашающий, утрашительный (разг.), чудовищный» [СБ 2012: 94–95]; «<...> быть в страхе, застыть от страха, набраться страху, наводит страх, нагонять страх, обмереть от страха, онеметь от страха, привести в страх, принять на риск и страх, принять на свой страх» [ССА 1994: URL].

Гипотаксис слова *страх* в художественных текстах XIX века представляют собой следующие наиболее типичные сочетания (приводятся данные НКРЯ и ресурса КроссЛексика):

1) атрибутивные связи слова *страх*:

Страх (какой?) – безотчётный, беспричинный, бессознательный, благоговейный, богатый, божий, болезный, великий, вечный, внезапный, возбуждавший, врождённый, всеобщий, всякий, вчерашний, глупый, головокружный, двойной, детский, дикий, долгий, женский, жуткий, замирающий, занимателен, затаённый и мучительный, заячий, здоровый, злоеущий и безотчётный, инстинктивный, испытываемый, какой, крепостной, лёгкий, малейший, малодушный, мгновенный, мелочный, мертвящий, мирской, младенческий, мой, надлежащий, напрасный, нарвский, народный, настоящий, наш, неведомый, невообразимый, невыразимый, недоумело-запуганный, внезапный, неизъяснимый, некоторый, необыкновенный, необычайный, неосновательный, неотразимый, непобедимый, непонятный, непреодолимый, нервический, несказанный, несуверенный, новый, обворожительный, обеспамятевший, обоюдный, общий, овечий, панический, первый, подлый, подобострастный, последний, прежний, пустой, разъедающий и подтачивающий, ребяческий, ребячий, свинцово-давящий, свой, священный, сильный, скрываемый, смертный, собственный, спасительный, старый сказочный, суеверно-мистический, суеверный, тайный, такой, тупой, тяжёлый, ужасный, унылый, хозяйский, чёрный, чужой, этакий и т. д.

Страх (чего?): – близорукости, болезни, голода, действительной опасности, жителей, закона, измены, имуществ, казни, мучения, наказания, намёки, неизвестности и ожидания, неминуемого и скорого наказания, общего мнения, общественного мнения, опасности, позора, потеряния, преследования, слабости, смерти, убытка, уважения и др.

2) предикативные связи слова *страх*:

Страх – бежит, берёт, брал, будит, возьмёт, довершил, изобразился, исчез, обнял, обуял, овладевал, одолевает, оковал, пробирает, пройдёт, пропал, прошёл, распространился, страх теснил, увеличивался, удвоил, утроил, уходился, возбуждался, возникал, вызвал, вынудил, давил, демобилизовал, заставил, исчез, лишил, мучал, нагнетался, напал, обхватил, объял, обоймёт, оковал, оттолкнул, парализовал, появился, приковал, пробирал, пронзил, прохватил, усилился, умножался и др.

Синтагматические отношения слова *страх* показывают, что оно в основном сочетается с прилагательными, связанными с негативной оценкой (*страх смертельный, панический, боязливый, мертвящий, свинцово-давящий* и др.); с существительными в родительном падеже с той же коннотацией (*страх смерти, страх наказания, страх болезни* и др.); с глаголами, часто персонифицирующими страх: *страх бежит, исчез, овладевал, одолевает, пройдёт, заставил, прихватил* и др.

В толковых словарях русского языка мы находим следующие примеры паратаксиста слова *страх*, позволяющие сделать некоторые заключения о составе соответствующей парадигмы:

«Боязнь, очень» [ССА 1994: URL]; «1) страх, ужас, боязнь, трепет, жуть, страсть, ужас. 2) страх, боязнь, опасение, опаска» [ССРЯ 2004: 561]; «Боязнь, испуг,

ужас, паника» [НОСС 2003: 1109–1115]; «Страсть, боязнь, робость <...> Страх, нареч. ужасно, страшно, весьма, очень; страх сколько, много, без числа, несметно, тьма, пропасть; страх как, сильно, крепко, больно или упорно <...> страх, ужас» [СД 1866: 307]; «Боязнь, жуть, испуг, малодушие, опасение, оторопь, паника, робость, страсть, трепет, трус, трусиха, трусишка, трусость, ужас, ужасть, опасливость, перепуг» [РИС 2011: 502–514].

По данным ресурса КроссЛексика паратаксис слова *страх* также составляют

агрессия, адреналин, безысходность, беспокойство, бесстрашие, боязливость, депрессия, жадность, зависть, злоба, злорадство, истерика, любопытство, неприязнь, нерешительность, неуверенность, отвага, отвращение, паника, скука, совесть, сомнения, вера, возжеление, жадность, любовь, ненависть, нищета, отвращение, паника, трепет, уважение, ужас, террор, тревога, трусость, уважение, ужас и др. (см. [URL]).

По данным НКРЯ:

беспокойство, непрерывные усилия, бешенство, богатство, боль, брань, буйство, власть, воеводство, война, волнение, гадливость, гибель, гнев, голод, гордость, горе, горесть, грех, гроза, грусть, досада, дума, жалость, желание, закона, замешательство, злоба, злость, знатность, изнеможение, изумление, испуг, любовь, любопытство, лютая досада, малодушие, мучение, надежда, наслаждение, неведение, недоумение, неизвестность, неизъяснимое отвращение, ненависть, нервы, нерешимость, нетерпеливое ожидание, нужды, обещание, обида, огорчение, опасение, опасность, ослепление, отвращение, отчаяние, память, переменчивость, печаль, повиновение, подлость, покровительство, последствие, послушание, почтение, предрассудки, предчувствие, презрение, преследование, радость, раздумье, раскаяние, риск, робость, рок, самолюбие, свет, свычка, скотство, скука, слабость, слезы, смерть, смех, смущение, смятение, совесть, сожаление, сомнение, сострадание, страдание, странность, страсть, стук, стыд, стыдливость, стыдливость, судьба, томлень, тоска, тревога, трепет, трусость, удивление, удовольствие, ужас, уныние, упрёки совести, усталость, холод и т. д.

Паратаксис слова *страх* чаще всего отражает пейоративную характеристику этой эмоции (*боязнь, испугаться* и др.) и степень её проявления (*очень, сильно* и т. п.); в современном русском литературном языке самое высокочастотное слово, находящееся в сочинительных связях со словом *страх*, – *боязнь*.

– ассоциации к слову *страх*

В «Русском ассоциативном словаре» представлено 100 реакций на слово-стимул *страх*. Материалы РАС позволяют выделить все типы отношений между лексическими единицами. Следует отметить, что между словом-

стимулом *страх* и некоторыми словами-реакциями может существовать одновременно несколько типов связей.

Таблица 3

Группировка слов-реакций к слову-стимулу *страх* (на материале РАС)

Типы отношений	Слова-реакции к слову-стимулу <i>страх</i>
Синтагматические отношения	божий, смерти, животный, большой, испытывать, сильный, ужасный, безотчётный, великий, врождённый, давит, жуткий, исчез, красный, липкий, маленький, мертвящий, неосознанный, обуял, отпустил, побороть, велик
Парадигматические отношения	ужас, испуг, темнота, трусость, бегство, боль, депрессия, жуть, робость, истерия, бояться, истерия, ненависть, опасность, стыд, трус, мрак, неизвестность, ночки, ночь
Прагматические отношения³¹	ненависть, стыд, трус, ужас, испуг, трусость, ужасный, жуткий, жуть
Индивидуальные ассоциации	машина, будущее, расплаты, поражение, стоматолог, высота, непреодолимое, перед жизнью, перед милицией, перед ужасом, перед смертью, перед экзаменом, перед миром, перед огнём, перед собой, за людей, за него, за родным, за свою жизнь, за себя, за тебя, к сессии, много гаишников

В других ассоциативных словарях приводятся следующие ассоциации к слову *страх* (нами выбраны наиболее очевидные):

Таблица 4

Группировка слов-реакций к слову-стимулу *страх* на материале других словарей³²

Типы отношений	Слова-реакции к слову-стимулу <i>страх</i>
Синтагматические отношения	высоты, темноты, смерти
Парадигматические отношения	ужас, боязнь, фобия, смерть, темнота, ненависть, испуг, паника, боль, дрожь, чувство, эмоция, неизвестность, одиночество, ночь, оцепенение, опасность, тревога, смелость, гнев, отчаяние, слабость, борьба, трепет, трусость, стресс, иллюзия, опасение, незнание, пустота, трус, бояться, болезнь, призрак, молчание, глупость, тремор, скованность, переживание, угроза, крик, мурашки, смех, бесстрашие, жуть, волнение, печаль, горе, наказание,

³¹ Под «прагматическими отношениями» понимаются эмоциональные или оценочные отношения к слову-стимулу.

³² См. <https://kartaslov.ru/ассоциации-к-слову/страх>; <https://sinonim.org/as/страх>; <http://www.xl.gelbukh.com>.

собой, за людей, за него, за родным, за свою жизнь, за себя, за тебя, к сессии, машина, много гашишников, мрак, не сдать, неизвестность, непреодолимое, опасность, поражение, расплаты, стоматолог, темнота, высота, ночки, ночь, темно, будущее, смерть, высота, привидение, угроза, наказание, неведение, любовь, унижение, убийство, падение, животное, война, болезнь и др.

– воздействие страха на человека: *обуял, давит, исчез, отпустил* и др.

– непосредственная реакция на страх и проявление страха: *молчание, тремор, крик, избегание, холод, истерия, крик, адреналин, бегство, глаза, побороть* и др.

– характер страха: *божий, животный, большой, сильный, ужасный, безотчётный, великий, врождённый, жуткий, красный, липкий, маленький, мертвящий, неосознанный* и др.

– схожие или противоположные чувства и эмоции: *ужас, боязнь, фобия, испуг, паника, оцепенение, тревога, трепет, смех, переживание, мурашки, бесстрашие, ужастик, жуть, волнение* и др.

– смежные и часто одновременно возникающие со страхом эмоции: *ненависть, гнев, отчаяние, трусость, трус, печаль, горе, депрессия, робость, стыд* и др.

– **концептуальная значимость слова *страх***

Концептуальная значимость слова *страх* в русской ЯКМ заключается в его следующих особенностях (использовались материалы [РИС; Бабенко 2021; Зайкина 2005; Степанов 2004; Андреева, Андреева, Безуглова 2015; Ларионова 2014]):

Концептуальная значимость слова *страх* в русской ЯКМ

Концептуальная значимость слова <i>страх</i>		Примеры
Дефиниция		«Состояние сильного волнения, вызванного чем-н. опасным, необъяснимо беспокоящим, пугающим, ужасным; также (обычно мн.) события, предметы, вызывающие такое состояние; также (в просторечии, в знач. сказ.) о высшей степени проявления чего-н.» [РИС 2011: 502]; «чувство сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. бедой, перед кем-, чем-л. угрожающим, страшным; предчувствие опасности, исходящей от кого-, чего-л., дополняемое невозможностью преодолеть его» [Бабенко 2021: 147].
Афоризм		Страх есть самый обильный источник пороков (К.Д. Ушинский); Страх – это болезненное ощущение своей исключительности (К. Чуковский); Тоска и ужас – реакция на вечность. Печаль и страх обращены вниз. Тоска и ужас – к небу (С. Довлатов).
Типы тропов	Слова с метафорически-производным значением, входящие в идеографическое поле ‘страх’	Дрожать, дикий, жутко, кошмар, трепет, трепетать, трепетный, трястись, холод, рутина, сторониться, окаменевать/окаменеть, оледенеть, холодеть/похолодеть, кошмарный, леденить, леденящий, холодеть, костенеть, кошмарный, леденеть/заледенеть, оледенеть, забитый, заячий, кошмарный, мятежный, дикарство, дикарка, дикарь, дичок, заяц, пугало.
	Метафора (метафорическая модель)	Страх – болезнь: «он заболел – в него вошёл микроб страха . Он ещё жил, дружил, а микроб в нём рос, он клубился от нетерпения его сожрать <...> И однажды он стал больше его самого – это был огромный страх » (Вайнеры); страх – яд: едкая атмосфера испуга; страх – холод: испуг окатил меня ледяным душем его притушить (Маринина); страх – жар / огонь: страх прожигает насквозь, запёкся на лице нервными красными пятнами страх ; страх – нечистая сила: «...чтобы сбросить с себя, присосавшегося как вампир, злого демона страха » (Вайнеры); страх – растение: «Но детские страхи жили в ней, пустив ветвистые корни и прорастая с годами всё глубже и глубже» (Маринина); страх – животное: «Липкий животный страх сковывал его движения, но причину этого страха он определить не мог» (А. Варго)
	Персонификация	Страх родился, пришёл, уходит; ушли, пропали, развеялись, разлетелись все былые страхи ; страх слеп, он лишает разума; страх сжимает сердце, не даёт здраво мыслить; внезапный страх парализует волну; в душе поселился страх ; слепой страх напал на всех; «Он < страх > управляет им всегда, он подчинил его, как раба» (Вайнеры).
Фразеологизм/ пословица/ поговорка	Страх обуюет, и растеряешься; Страх на тараканьих ножках бродит; под страхом ноги хрупки; у страха глаза велики (да ничего не видят); Страх ужаснее смерти; Не за страх , а за совесть; В ком стыд, в том и страх ; Где страх , там и принуждение; На всякую беду страха не напасёшься; держать кого-л. в страхе ; принять что-л. на свой страх , на свой ответ, на свою голову; отдать что-л. на страх , на чью-л. ответственность или ручательство.	

Как видно из таблицы, слово *страх* довольно часто используется в составе различного рода когнем – афоризмах, тропеических и фразеологических сочетаниях и др. Применительно к текстам Ф.М. Достоевского, как зафиксировано в «Идиоглоссарии», это, например:

Употребление слова *страх* в составе афоризма: «[Версиров Аркадию] “Люди по природе своей низки и любят любить из **страху**; не поддавайся на такую любовь и не переставай презирать” (Подросток, 175) [Старец Зосима] “**Страха** тоже убегайте, хотя **страх** есть лишь последствие всякой лжи” (Братья Карамазовы. Кн. 1, стр. 54)» [СЯД 2021: 1115]. См. также афоризмы из романа «Бесы» в § 3 Главы I.

Употребление слова *страх* в составе тропа. «*В сравнении* “Он [Раскольников] хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась... да и бесполезно! **Страх**, как лёд, обложил его [Раскольников] душу, замучил его, околенил его...” (стр. 91); [Великий инквизитор] “Они [люди] станут робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в **страхе**, как птенцы к наседке” (Братья Карамазовы. Кн. 5, стр. 236). *В метонимии* “Он внимательнее вглядывался в людей, мимо него проходивших; но люди были чужие, озабоченные и задумчивые... И мало-помалу беспечность Ордынова стала невольно упадать; действительность уже подавляла его, вселяла в него какой-то невольный **страх** уважения” (Хозяйка, стр. 266). *В метафоре* [Маленький герой] “Вся кровь мне хлынула в голову, оглушила меня и залила, задавила мой **страх**” (Маленький герой, стр. 286)» ([СЯД 2021: 1118–1119]).

Как было показано выше, слово *страх* широко используется в текстах литературных произведений. Что касается романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, то можно предположить, что слово *страх* выполняет одну из ключевых функций в семантическом пространстве текста этого произведения.

– функционирование слова *страх* в художественном тексте

Слово *страх* вообще довольно часто встречается в текстах литературных произведений разных жанров. В НКРЯ в подкорпусе художественных текстов по запросу всех типов словоформ *страх* как последняя фиксация, которая относится к 2015 году, даётся: «В чёрном шатре не было места воспоминаниям и страхам, его плотные шкуры надёжно защищали Зулейху от прошлого и будущего» (Гузель Яхина. Зулейха открывает глаза, 2015). Естественно, такие данные вряд ли можно считать исчерпывающими.

В таблице 6 и в диаграмме Рис. 3 на материале НКРЯ показано сравнение частоты употребления слова *страх* с другими эмоциональными концептами:

Таблица 6

Сравнение частоты употребления слова *страх* с другими эмоциональными концептами на материале НКРЯ³⁴

Слова		Страх	Гнев	Любовь	Надежда	Счастье
Словоформы						
Им. п. Вин. п.	Ед. ч.	2988, 10671	1335, 2955	3969, 27185	2303, 10125 1499, 3115	3659, 15073
	Мн. ч.	616, 981	3, 3	172, 419	2560, 7519	2937, 9546
Род. п.	Ед. ч.	3045, 9541 ³⁵	1386, 3027	См. вин. п. мн. ч.	См. вин. п. мн. ч.	См. вин. п. мн. ч.
	Мн. ч.	283, 1070	1, 2	36, 42	983, 1565	6, 6
Дат. п.	Ед. ч.	979, 1627	138, 154	См. вин. п. мн. ч.	1337, 2687	2020, 4684
	Мн. ч.	57, 58	Отсутствует	2, 2	128, 138	1, 1
Тв. п.	Ед. ч.	1835, 4051	782, 1267	2236, 5981	1465, 2747 252, 434	1122, 1901
	Мн. ч.	172, 201	2, 2	8, 8	385, 492	2, 2
Предл. п.	Ед. ч.	1047, 1757	521, 730	См. вин. п. мн. ч.	См. дат. п. ед. ч.	См. им. п. и вин. п. ед. ч.
	Мн. ч.	49, 51	Отсутствует	14, 14	175, 202	-
Общая сумма		11071, 30008	4168, 8140	6437, 33651	9336, 25475	9747, 31213

³⁴ В таблице число слева – количество документов; справа – количество вхождений.

³⁵ Форма род. п. ед. ч. *страху* в данном случае не учитывается, её частота дана в общей статистике употребления словоформы дат. п. ед. ч.

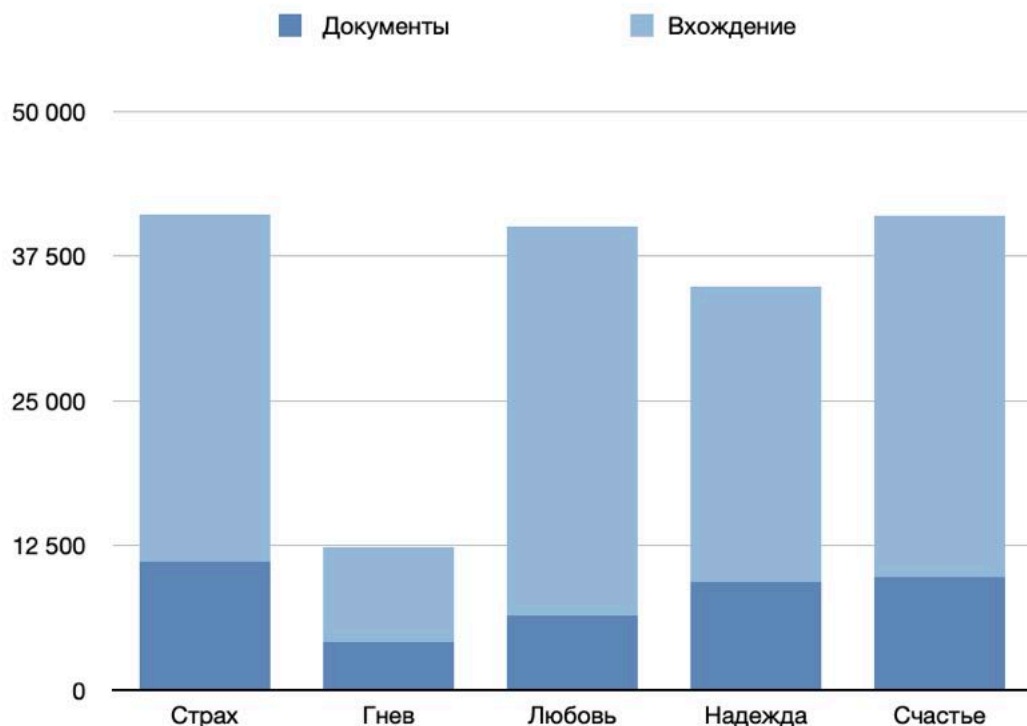

Рис. 3. Сравнение частоты употребления слова *страх* с другими эмоциональными концептами на материале НКРЯ

Из таблицы и диаграммы видно, что частота употребления словоформ *страх* намного выше, чем частота употребления словоформ *гнев*. В сравнении с положительными эмоциями, частота употребления словоформ *страх* немного выше, чем употребление словоформ *надежда* и почти равна частоте употребления словоформ *любовь* и *счастье*. Сказанное даёт нам дополнительные аргументы для утверждения того, что *страх* занимает важное место в русской ЯКМ среди слов, обозначающих эмоции.

– статистический анализ употребления слова *страх* в текстах Ф.М. Достоевского

«Слово *страх* довольно часто употребляется в текстах полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского. В общей сложности оно встречается 534 раза (в произведениях художественной прозы – 431 раз, в публицистике – 67 раз и в письмах – 36 раз). Кроме того, мы находим 18 употреблений слова *страх* в значении ‘очень, чрезвычайно, в высшей степени’ (11 раз в произведениях

художественной прозы, 3 раза в публицистике, 4 раза в письмах)» [Ружицкий, Ма Цзинян 2021: 52–53].

«Слова *страшно* и *страшный* также характеризуются повышенной частотой употребления: *страшно* в общей сложности употребляется 442 раза (261 раз в произведениях художественной прозы, 82 раза в публицистике и 99 раз в письмах), *страшный* – 626 раз (в произведениях художественной прозы 460 раз, в публицистике 78 раз, в письмах – 88 раз)» [СЯД 2021: 1122, 1126].

«Относительная частота употребления слов *страх*, *страшно* и *страшный* в произведениях Достоевского обозначенного периода превышает среднюю, если среднюю величину вычислять по текстам Толстого, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Островского и Писемского; средний показатель употребления слова *страх* – 177 употреблений, в текстах Гончарова – 237 раз, в текстах Тургенева – 140 раз, Достоевского – 221 раз, Писемского – 108 раз, Островского – 111 раз, Салтыкова-Щедрина – 149 раз, Толстого – 247 раз, Лескова – 176 раз; средний показатель для слова *страшно* – 134 употребления, у Гончарова – 123 раза, у Тургенева – 115 раз, у Достоевского – 137 раз, у Писемского – 134 раза, у Островского – 216 раз, у Салтыкова-Щедрина – 32 раза, у Толстого – 152 раза, у Лескова – 164 раза; средний показатель для слова *страшный* – 190 употреблений, у Гончарова – 160 раз, у Тургенева – 149 раз, у Достоевского – 233 раза, у Писемского – 156 раз, у Островского – 130 раз, у Салтыкова-Щедрина – 84 раза, у Толстого – 264 раза, у Лескова – 235 раз (см. [ДАЯРП 2016: 597–598])» [Ружицкий, Ма Цзинян 2021: 53].

«Наиболее частотной, если принимать во внимание относительную частоту употребления, является лексема *ужасно* (см. [ДАЯРП 2016: 608]): Средний показатель для слова *ужасно* – 265 употреблений, у Достоевского – 641 раз³⁶; с другой стороны, частота употребления слова *ужас* сильно уступает

³⁶ Средний показатель для слова *ужасно* у Гончарова – 27 раз, у Тургенева – 84 раза, у Писемского – 282 раза, у Островского – 158 раз, у Салтыкова-Щедрина – 80 раз, у Толстого – 207 раз, у Лескова – 143 раза.

Гончарову, а слова *бояться* – Островскому³⁷ (см. [ДАЯРП 2016: 449, 608])» [там же]. «Представленный редуцированный анализ статистических данных косвенным образом отражает повышенную значимость репрезентантов единиц семантического поля ‘страх’ как в тексте романа “Преступление и наказание”, так и в целом в тезаурусе Достоевского» [там же].

В следующем параграфе будет показано распределение словоформ поля ‘страх’ в тексте «Преступления и наказания» и проанализированы текстовые ассоциаты слова *страх* в романе.

³⁷ Средний показатель для слова *ужас* – 151 раз, у Гончарова – 443 раза, у Тургенева – 129 раз, у Достоевского – 170 раз, у Писемского – 118 раз, у Островского – 86 раз, у Салтыкова-Щедрина – 98 раз, у Толстого – 199 раз, у Лескова – 102 раза. Средний показатель для слова *бояться* – 447 раз, у Гончарова – 725 раз, у Тургенева – 369 раз, у Достоевского – 588 раз, у Писемского – 267 раз, у Островского – 770 раз, у Салтыкова-Щедрина – 185 раз, у Толстого – 479 раз, у Лескова – 423 раза.

§ 2. Контекстные ассоциаты слова *страх* в романе «Преступление и наказание»

В параграфе решаются следующие задачи: на материале романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского выявляется состав ТСП ‘страх’ и контекстные ассоциаты единиц центра этого поля; обсуждается возможность визуализации ТСП ‘страх’, выявляются возможные способы интерпретации полученных в результате этой визуализации графиков.

Математические методы начали применять в лингвистике в 50-х гг. прошлого столетия. В дальнейшем появилась идея использования в обработке языковых данных компьютерных технологий, далеко не сразу, впрочем, воспринятая в научном сообществе³⁸. Стали появляться специальные компьютерные программы в том числе и для визуального представления структуры ЯКМ, в частности, СП. Так, в работе «Компьютерная визуализация русской языковой картины мира» П. Чжан и В.П. Захарова показан состав ЛСП ‘империя’ посредством использования программы Sketch Engine, помогающей проводить дистрибутивно-статистический анализ слова. В её разделе «Тезаурус» в качестве исходного материала задан корпус текстов, пользователь вводит в программу какое-либо слово, а на выходе получает его парадигматические связи и частотные характеристики. «Тезаурус в системе Sketch Engine позволяет увидеть, какие слова имеют схожую дистрибуцию с заданным словом» [Чжан, Захаров 2020: 59] (см. Рис. 10 в Приложении 7).

Парадигматические связи слова *страх* даются в следующей таблице (см. Таблицу 7), наглядно показывающей, например, то, что наиболее частотным сочетанием в русской ЯКМ является *страх и ужас*. То, что среди результатов проведённого анализа нет слова *трепет*, говорит скорее всего о том, что эксперимент проводился на основе корпуса современных текстов.

³⁸ «Цифровые технологии, способы визуализации и обработки информации открыли дорогу для целого ряда методов, используемых для решения множества задач, с которыми раньше было сложно справиться, используя традиционные методы» [Гордеев 2016: 47–48].

Парадигматические связи слова *страх* в работе П. Чжан и В.П. Захарова

corpus	preloaded/rutenten11_8		
subcorpus	-		
страх	0	-n	
ужас	0.468	658579	
	тоска	0.332	204525
	страдание	0.316	418616
	печаль	0.286	177969
	одиночество	0.261	318103
	грусть	0.234	107567
	скука	0.228	101898
	горечь	0.214	112340
	скорбь	0.213	127166
чувство	0.412	2709956	
	желание	0.380	2980303
	ощущение	0.345	1616812
	эмоция	0.330	950321
	страсть	0.328	582851
	переживание	0.314	414570
	стремление	0.305	795004
	любовь	0.286	3645541
	мысль	0.284	3157374
	настроение	0.254	1246276
	забота	0.230	722549
	интерес	0.219	3855980
тревога	0.366	433605	
	беспокойство	0.315	247474
	отчаяние	0.304	207818
	раздражение	0.258	280708
	разочарование	0.256	211493
	недоверие	0.238	143499
	недовольство	0.236	222763
	отвращение	0.225	120310
	непонимание	0.196	114359
	возмущение	0.190	149740
	неприязнь	0.177	71223
	негодование	0.175	81250
	нетерпение	0.162	189486
	досада	0.150	61809
боль	0.363	1966423	
	волнение	0.327	281883
	усталость	0.303	324451

Программа Sketch Engine также позволяет с использованием полученных данных построить «пузырьковую диаграмму» и «облако слов». Например, для визуализации ЛСП ‘страх’:

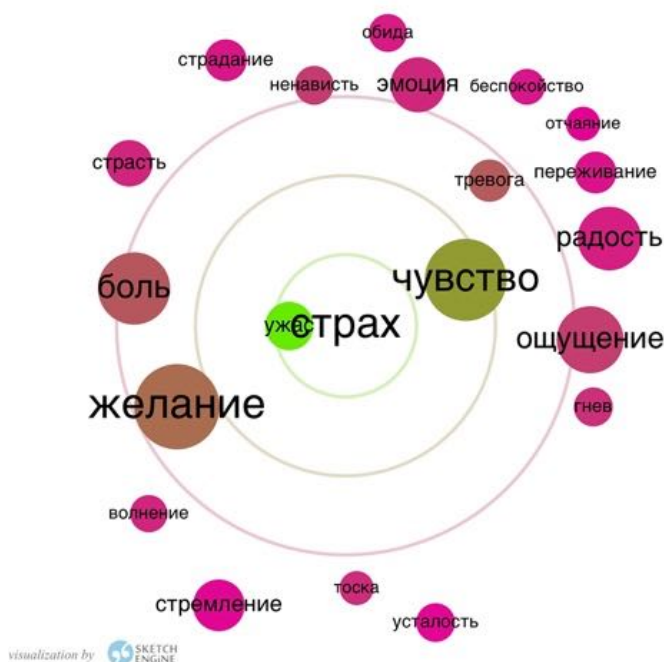

Рис. 4. Пузырьковая диаграмма фрагмента ЛСП ‘страх’ в работе П. Чжан и В.П. Захарова

В пузырьковой диаграмме размер кружков показывает частотность слов, т. е. самое частотное слово, выявленное в ЛСП ‘страх’, – желание; расстояние слов от центра указывает на близость по значению к ядру поля, т. е. значение слова *ужас* самое близкое к значению слова *страх*.

Рис. 5. Облако слов фрагмента ЛСП ‘страх’ в работе П. Чжан и В.П. Захарова

Облако слов наглядно показывает близкие по значению слова, входящие в ЛСП.

Приведём в качестве примера возможность визуализации ТСП 'страх' посредством картирования. «При помощи специальной программы³⁹ все слова (знаменательные и служебные) на странице текста обозначаются прямоугольниками, среди которых отмечаются входящие в ТАП 'страх' (см. Рис. 6). Для большей наглядности представим соответствующую страницу романа с описанием эпизода убийства Раскольниковым Лизаветы в ПСС» [Ружицкий, Ма Цзинян 2021].

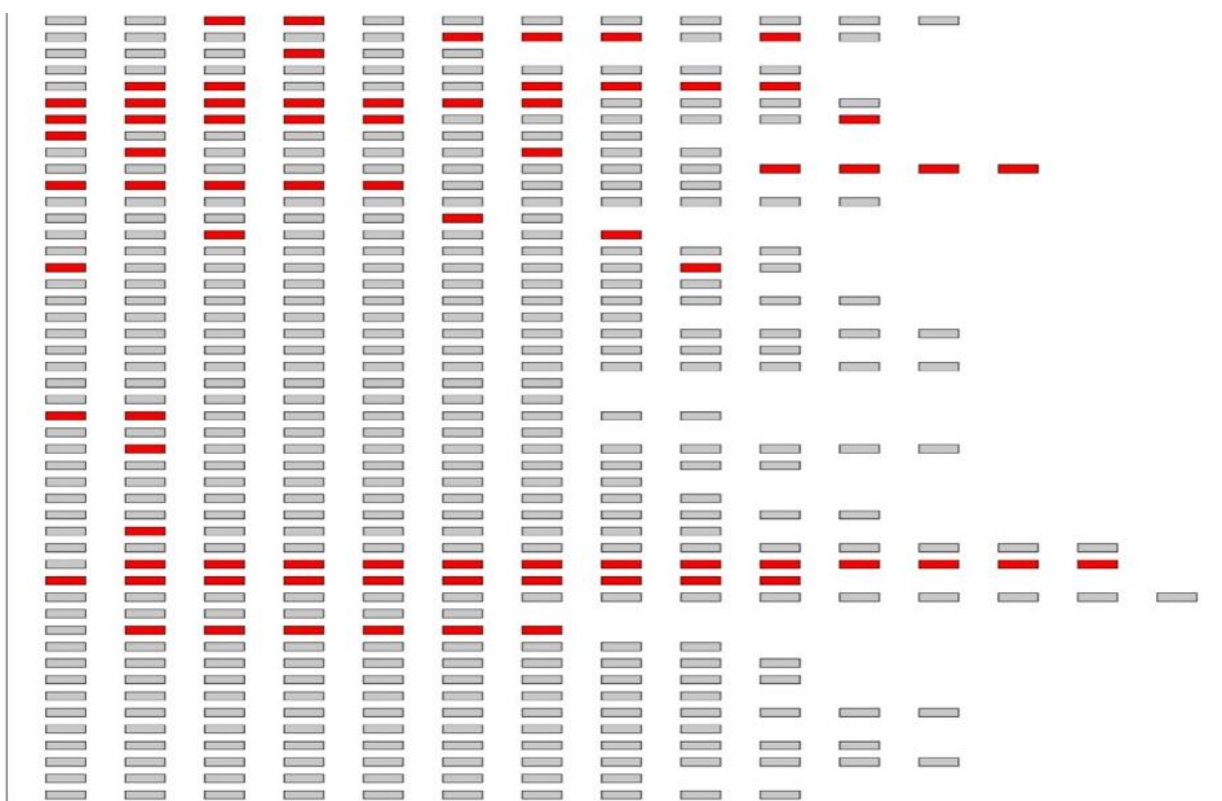

Рис. 6. Результаты картирования ситуации «Раскольников в момент убийства Лизаветы»

³⁹ © Вс. И. Ружицкий

Затем опять мертвая тишина, с минуту или с две. Он сидел на корточках у сундука и ждал едва переводя дух, но вдруг вскочил, схватил топор и выбежал из спальни.

Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру, вся белая как полотно и как бы не в силах крикнуть. Увидав его выбежавшего, она задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги; приподняла руку, раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула и медленно, задом, стала отодвигаться от него в угол, пристально, в упор, смотря на него, но всё не крича, точно ей воздуху недоставало, чтобы крикнуть. Он бросился на нее с топором; губы ее перекошились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана раз навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо, хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его. Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнула. Раскольников совсем было потерялся, схватил ее узел, бросил его опять и побежал в прихожую.

Страх охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему хотелось поскорее убежать отсюда. И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения, всё отчаяние, всё безобразие и всю нелепость его, понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы всё и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страха даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал. Отвращение особенно поднималось и росло в нем с каждою минутою. Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты.

Но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прилеплялся к мелочам. Впрочем, заглянув на кухню и увидав на лавке ведро, наполовину полное воды, он догадался вымыть себе руки и топор. Руки его были в крови и липли. Топор он опустил лезвием прямо в воду, схватил лежавший на окошке, на расколоте блюдечке, кусочек мыла и стал, прямо в ведре, отмывать себе руки. Отмыв их, он вытащил и топор, вымыл железо, и долго, минуты с три, отмывал дерево, где закровянилось, пробуя кровь даже мылом. Затем всё оттер бельем, которое тут же сушилось на веревке,

Таким образом, «существует несколько способов визуализации ТСП и других типов полей, чаще всего через построение иерархической многоступенчатой схемы (синоптической и др.)» [Ма Цзинян 2021: 390]. В

нашей работе мы покажем «возможность и некоторые результаты использования рендеринга, т. е. визуализации с помощью компьютерных программ – получение изображения по заданной математической модели, на основании имеющихся сведений о строении и свойствах объекта (фрагмента СП ‘страх’), конкретно – посредством графического изображения» [там же].

«Для выявления состава ТСП ‘страх’ в романе «Преступление и наказание» предпринимаются следующие шаги» [там же]:

1. «Определяется состав ЛСП ‘страх’ в русской ЯКМ. В нашей работе учитываются только слова, входящие в ядро и центр ЛСП» [там же]. Слова, входящие в периферийные зоны, несмотря на неоспоримую значимость в определённых случаях, из ЛСП исключаются. Например, для романа «Преступление и наказание» единицы периферийной зоны – это слова-символы, тропы и др. (*шляпа, крюк, крючок, зелёный драдедамовый платок* (как символ защиты), *кровь на сапогах*) и т. д.

Реконструкция ЛСП ‘страх’ осуществляется посредством анализа разнопланового материала, включая толковые словари русского языка, словообразовательные словари, словари тезаурусного типа и ассоциативные словари.

В результате проведённого анализа ЛСП ‘страх’ сделаны следующие выводы:

1.1. «Имя поля – ‘страх’ как 1) ‘состояние сильной боязни, тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. ожидаемой или воображаемой опасностью, бедой и т. п.’; 2) ‘события, предметы, вызывающие чувство сильной боязни, ужаса’. Эти значения лексемы *страх* предлагаются в СЯД, где также как омоним выделяется *страх* в значении

‘очень, чрезвычайно, в высшей степени’, который, однако, в романе «Преступление и наказание» не встречается» [там же].

1.2. «В ядро и центр ЛСП ‘страх’ входят такие лексемы, как само слово *страх*, его ближние синонимы и однокоренные слова» [там же]. В ЯКМ Ф.М. Достоевского, естественно, не могут входить такие слова, как *ужасник* и т. п., при формировании ЛСП они исключались. В результате был получен следующий список слов, входящих в ядро и центр ЛСП ‘страх’: *боязливо, боязливость, боязливый, боязно, боязнь, бояка, бояться, встревожить, запуганный, запугать, запугивать, испуг, испуганно, испуганность, испуганный, испугать, испугаться, напуганный, напугать, напугаться, паника, паниковать, панически, панический, перепуг, перепуганный, перепугать, перепугаться, пугало, пугануть, пуганый, пугать, пугаться, пугающий, пугливость, пугливый, пугнуть, страх, страховидный, страховитый, страхолюдный, страшенный, страшный, страшилище, страшило, страшить, страшиться, страшливый, страшенький, страшенько, страшиновато, страшиноватый, страшное, страшный, страшок, убояться, ужас, ужасать, ужасающий, ужасно, ужаснуть, ужасный, ужасаться, ужаснуться* и некоторые другие.

Некоторые лексемы и их однокоренные слова, которые находятся на границе между центром и периферией ЛСП, такие как *тревога, робость, беспокойство, волнение, жуть, оцепенение, опасение* и др., были включены в ЛСП ‘страх’ для создания более полной картины.

В ТСП входят словоформы, а не леммы, на что необходимо обратить внимание в процессе его реконструкции. Например, «для группы “страх” это *страх, страха, страхе, страхи, страхом, страху, страшен, страшна,*

страшная, страшнее, страшно, страшное, страшной, страшном, страшною, страшные, страшный, страшным, страшных, страшишься, страшится и т. д., определение списка которых явилось заключительным этапом реконструкции фрагмента интересующего нас ТСП. Следует тем не менее отметить, что некоторая фрагментарность материала компенсируется в данном случае его значимостью: рассматриваются наиболее важные в структуре ТСП «страх» лексемы» [там же].

2. «С помощью специальной компьютерной программы текст романа “Преступление и наказание” разбивается на словоформы» [там же], всего их насчитывается 169 769⁴⁰, включая написанные латиницей и иностранные слова. На основе полученных данных осуществляется поиск – выявляются словоформы, одновременно входящие в русскую ЯКМ и в текст романа. В ТСП «страх» обнаруживается 342 таких словоформы: *беспокойства, беспокойстве, беспокойство, беспокойством, боязливо, боязни, боюсь, боялась, испуг, испуга, испуге, испугом, испуганно, испугаться, мучительно-страшное, напуганные* и др.

В ТСП некоторые словоформы отличаются высокой частотой употребления, например: *ужасно* (73), *боюсь* (31), *волнении* (22), *боялся* (21), *робко* (20), *страх* (17), *страшно* (16), *ужас* (13), *ужаса* (12), *испуге* (12), *ужасное* (11), *ужасе* (10), *страху* (10), *испугалась* (10), *бояться* (10), *беспокойством* (10), *испугом* (9) и т. д.

Из обнаруженных словоформ особое внимание уделялось разделению ЛСВ многозначных слов *страшный, страшно, ужасный* и *ужасно*.

⁴⁰ Статистика взята из: https://words.yapl.ru/book.php?id_book=33

В лексикологии проблема выделения ЛСВ многозначного слова относится к разряду традиционных. Полисемия, или многозначность слова, – «наличие у слова нескольких значений, которые, выступая в разных контекстах, образуют семантическую структуру слова» [Жеребило 2010: 198]⁴¹.

В словарях при интерпретации одного и того же слова могут встречаться различные ЛСВ. «Лексикограф при выделении разных значений одного слова часто принимает произвольные решения» [Ульман 1970: 268]⁴².

Для нас особенно важным представляется тот факт, что в разных словарях многозначное слово толкуется по-разному, при этом на лексикографическую интерпретацию полисемантической лексической единицы действуют не

⁴¹ Разграничивают лексическую и лексико-грамматическую полисемию. Лексическая полисемия – «способность единиц лексикона, реализуемая в процессе функционирования языка и проявляющаяся в наличии у слова нескольких системно закреплённых, семантически взаимосвязанных и функционально взаимодействующих значений, которые служат средством номинации объективно различных предметов и явлений и различаются в языке синтагматически и парадигматически» [Кропотова 2006: 109], лексико-грамматическая полисемия – «универсальное явление для языковых систем, в которых существует категория лексико-грамматических разрядов» [Стернина 2000: 4].

⁴² Схожей точки зрения придерживались В.Г. Гак и Ю.Н. Шведова: «способы лексикографической обработки и интерпретации одних и тех же языковых фактов могут быть весьма различными <...> развитие лексикологии, и в частности лексической семантики, приводит не к унификации подачи материала в словарях, а, напротив, к её диверсификации» [Гак 1978: 14]; «не случайны расхождения разных словарей в представлении семантической структуры одних и тех же многозначных слов» [Шведова 1988: 10]. На создание словарей, прежде всего толковых, влияют как объективные, так и субъективные факторы. Первые связаны с развитием и изменением самого понятия, выраженного словом: «объективные факторы, обуславливающие возможность различного решения лексикологических проблем в лексикографии, не зависят от типа, объёма, назначения словаря. Важнейшим из объективных факторов является самый характер лексического значения слова. Ядром значения слова является понятие» [там же: 15]. В ходе обновления человеческой практики понятие слова изменяется, эти изменения чаще всего «определяются отношениями включения или соподчинения понятий. Первые охватывают три основных типа отношений: 1) видового и родового понятия, 2) единицы и массы, 3) части и целого» [там же]. При создании словарей субъективные факторы также играют значительную роль. В отличие от объективных факторов, «к числу субъективных для лексикографа факторов можно отнести тип, объём и назначение словаря <...> различное решение в зависимости от типа словаря (одноязычный толковый или переводной словарь, общий или специальный словарь), от объёма (широкий или узкий словник, полная или частичная разработка отдельного слова), от задач словаря (например, общий или учебный словарь)» [там же: 19–20].

только объективные факторы, но и субъективные. Под влиянием объективных факторов «часто бывает трудно определить, имеем ли мы дело с одним значением или с разными значениями слова» [Шведова 1988: 20]. Кроме того, на дифференциацию ЛСВ также оказывают существенное влияние объём и тип словаря. В словаре небольшого объёма лексикографу приходится выбирать наиболее характерные и яркие признаки, в результате чего некоторые значения обобщены. «Редукция материала идёт по двум путям: 1) опущение устаревших, специальных или редко реализуемых значений; 2) обобщение значений, сведение различных значений в одно. В связи с этим семантическая структура одного и того же слова в разных словарях принимает различный вид» [там же: 20–21].

При выявлении значения слова важное место занимает контекст. «То или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления <...> слово как единая система внутренне связанных значений понимается лишь в контексте всей системы данного языка» [Виноградов 2001: 20–21]. Анализ употребления слова позволяет в каждой конкретной ситуации установить особенности его значения: «решающая роль при этом отводится контексту как одному из основных приёмов выделения отдельных значений внутри полисемантического слова» [Караулов 2016: 6].

Проанализировав материалы толковых словарей (см. [СО; СУ; МАС]), мы пришли к следующему выводу: в семантической структуре слов *страшный*, *страшно*, *ужасный*, *ужасно* две основные семы – ‘страх, испуг’ и ‘степень’. В случае, если слова *страшный*, *страшно*, *ужасный*, *ужасно* связаны только с выражением степени, они не входят в СП ‘страх’.

В «Идиоглоссарии Достоевского» выделяются следующие значения слов *страшный*, *страшно*, *ужасный*, *ужасно*:

Страшный – «1. Внушающий сильную боязнь, тревогу, ужас; пугающий; 2. Вызывающий тягостное, мучительное чувство; повествующий о трагических или в высшей степени неприятных событиях; производящий тяжёлое, удручающее впечатление; слишком обременительный, невыносимый; 3. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный; 4. Очень плохой, неприятный, некрасивый» [СЯД 2021: 1126–1130].

Страшно – «1. Вызывая сильную боязнь, тревогу, ужас; в функции сказуемого. О чувстве сильной боязни, тревоги, ужаса, испытываемом кем-л.; 2. Чрезвычайно сильно, очень много» [там же: 1122–1123].

Ужасный – «1. Внушающий сильный панический страх, тревогу; вызывающий тягостное, мучительное чувство; производящий тяжёлое, удручающее впечатление; слишком обременительный, невыносимый; 2. Чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой; весьма значительный; 3. Очень плохой, вызывающий неприятие; некрасивый» [СЯД (Т–Я)].

Ужасно – «1. Чрезвычайно сильно, очень много, в большой степени; 2. Вызывая или испытывая сильную тревогу, страх, мучение; выражая неприятие, отвращение; 3. Очень плохо; некрасиво; 4. В функции оценочного предиката. О чем-л. негативном, вызывающем неприятие, отвращение» [там же].

Проанализируем употребление прилагательных *страшный* и *ужасный* в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского и сгруппируем подчинительные связи этих слов (материалы даются по: [СЯД] и [СЯД (Т–Я)]):

– человек: **страшный(-ая,-ое,-ые)** арестант, боец, военные преступники, враг, гад, дама, дедушка, деспот, деспотка, женщина, злодей, кровопроливцы, кто-то, мерзавец, нищета, старик, старухи, убийца, фанфарон; **ужасный(-ая,-ое,-ые)** аристократ, болтун, болтушка, брат, Герасимыч, Герцеништубе, демон, женщина, интриган, Крестьян Иванович, подлец, прозаик, ребёнок, человек

– лицо или другая часть тела: **страшный(-ая,-ое,-ые)** веснушки, голос, зубы, кровь, кулак, лица, руки; **ужасное** лицо

– громкий звук: **страшный(-ая,-ое,-ые)** вопль; эпилептический вопль Смердякова, крик, крики, шум; **ужасный(-ые)** вопль, крик, крики

– эмоция, чувство, ощущение (или то, что вызывает эмоцию, чувство, ощущение): **страшный(-ая,-ое,-ые)** беспокойство, волнение, глупость, гнев, гордость, горе, горесть, грусть, духота, жара, злоба, испуг, любопытство, радость, стыд, удивление, ужас; **ужасный(-ая,-ое,-ые)** боль, глупость, гнев, голод, досада, испуг, мороз, печаль, скука, смущение, смятение, страх, тоска

– слово, речь: **страшный(-ая,-ое,-ые)** ахиня, бурда, весть, вздор; **ужасная** ложь

– сооружение: **страшный(-ая,-ое,-ые)** Вавилонская башня, площадь; **ужасный** дом

– конкретные объекты или явления: **страшный** камень, огонь; **ужасный(-ая,-ые)** бифштекс, записка, литографии, петербургские цены, письмо, шкаф

– время: **страшный(-ая,-ые)** два дня, два месяца, день, минута, момент; **ужасный(-ая,-ое,-ые)** два дня, каторжные годы, мгновение, минута, ночь, утро

– количество: **страшная(-ое,-ые)** количество, куча, массы; **ужасное** количество выпитого, множество

Таким образом, можно сделать следующее предположения:

– если *страшный* и *ужасный* сочетаются со словами, ЛСВ которых содержит сему ‘степень’, в нашем случае это лексические единицы, обозначающие 1) звук, 2) количество и 3) чувство и ощущение, то они воспринимаются в значении ‘чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный’. В случае если само слово, входящее в выше выявленное СП ‘страх’ и употребляющееся в сочетании со словами *страшный* и *ужасный*, или в широком контексте, т. е. на одной странице или в одной пропозиции встречаются слова, входящие в это поле, то слова *страшный* и *ужасный* используются в обоих значениях, т. е. входят в зону неразличения значений, в которой «приводятся примеры неоднозначного (иногда сознательно неоднозначного) употребления слова в одном контексте» [СЯД 2021: X].

– если *страшный* и *ужасный* сочетаются со словами, связанными с описанием эмоционального состояния и входящими в СП ‘страх’, то они воспринимаются в значении ‘внушающий сильную боязнь, тревогу, ужас’: *страшное беспокойство, страшное волнение, страшный испуг, страшный ужас; ужасный испуг, ужасное смущение, ужасный страх.*

Далее анализируются подчинительные связи слов *страшный* и *ужасный* в тексте романа «Преступление и наказание» и выделяются следующие сочетания, в которых слова *страшный* и *ужасный* воспринимаются только в значении ‘чрезвычайно сильный по степени проявления, очень большой, весьма значительный’. Т. е. *страшный* и *ужасный* в этих сочетаниях не входят в поле ‘страх’:

На улице жара стояла **страшная**, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, – всё это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши (стр. 6); Глубокий, **страшный кашель** прервал её слова (стр. 144); Она [Соня] только не спускала своих глаз с Раскольникова, чувствуя, что в нём вся её защита. Катерина Ивановна трудно и хрипло дышала и была, казалось, в **страшном изнеможении** (стр. 310).

Словоформы *ужасный*, не входящие в поле ‘страх’, в тексте романа не встречаются.

Перейдём к рассмотрению возможности дифференциации ЛСВ наречий *страшно* и *ужасно*, проанализируем их употребление, осуществим группировку подчинительных связей (на материале [СЯД] и [СЯД (Т–Я)]).

Обозначим сочетания, в которых слова *страшно* и *ужасно* воспринимаются в значении ‘вызывая сильную боязнь, тревогу, ужас’:

– чувствовать страх за кого-то: **страшно** за мамушку, за тебя, за человека

– тот, кто чувствует страх: **ужасно** мне, для меня

– тот, кто вызывает чувство страха: **страшно** перед человеком

– проявление страха: **страшно** сердцу; в душе

– в сочетании со словами, входящими в СП ‘страх’: **страшно** беспокоить, испуганный, испугаться, тревожить, тревожиться; **ужасно** беспокоить, беспокоиться, боявшийся, волноваться, дрожать, дрожать и стучать, испугать, испугаться

– в сочетании с глаголами, которые не могут употребляться со словами *очень*, *очень сильно*, *очень много* и др.: **страшно** вспомнить, декламировать, лгать, не смотреть, поглядеть, подействовать, подойти, подумать, подходить, пойти рисковать, посмотреть, представить, уезжать; **ужасно** бежать, биться, воровать, вскочить, выразиться, действовать

– в сочетании с фазисными глаголами *начать*, *стать*, *становиться*: **страшно** стало, станет, становилось, становится; **ужасно** начать. Необходимо отметить, что если после этих слов встречаются другие слова, то

для определения значений слов *страшно* и *ужасно* следует учитывать более широкий контекст.

Проанализируем сочетания, в которых слова *страшно* и *ужасно* воспринимаются только в значении ‘чрезвычайно сильно, очень много’, т. е. такие случаи следует исключить из СП ‘страх’:

– в сочетании со словами, обозначающими положительную оценку или эмоции: **страшно** *обрадовавшись, обрадоваться, рад, расхохотаться, счастлив, хорошо*; **ужасно** *весело, весёлый, добрый, добродетельный, довольный, любивший, полезный, рад*

– в сочетании с модальным глаголом *хотеть*: **страшно** *захотеть, хотелось высказаться*; **ужасно** *захотелось, захотеть, захочется начать бранить*

Следует отметить, что *страшно* и *ужасно* в произведениях художественной прозы Ф.М. Достоевского встречаются также

– в сочетании со словами, в структуру лексического значения которых входит сема ‘степень’: **страшно** *закричать, кричать и биться, потрясти, торопиться*; **ужасно** *высоко, длинные, завопить, зареветь, кричать, молода, сильный* и т. п.

– в сочетании с глаголами или образованными от них причастиями, которые могут употребляться со словами *очень, очень сильно* и т. д.: **страшно** *биться, болеть, возненавидеть, закашляться, закипятиться, изменившийся, кружить, побледневший, побледнеть, повлиять, поразить*; **ужасно** *бледнеть, бранить, взбеситься, заботиться, завозиться, закашляться, законфузиться*

– в сочетании с наречиями и прилагательными, образующими сравнительную степень: **страшно** *бледный, больно, больной, великий, внимательный, грустно, грязный, жёсткий*; **ужасно** *бедно, бессвязно, важное, маленькая, неприличный, ограниченный*.

В сочетаниях такого рода для выявления значения наречий *страшно* и *ужасно* необходимо обратиться к более широкому контексту. Если в нём не

обнаруживается слов, входящих в СП ‘страх’, то *страшно* и *ужасно* воспринимаются только в значении ‘чрезвычайно сильно, очень много’; в обратном случае они употребляются в обоих значениях, т. е., например, в комментарии словарной статьи «Идиоглоссария Достоевского» входят в зону неразличения значений.

Так, в тексте романа «Преступление и наказание» встречаются следующие сочетания, в которых слова *страшно* и *ужасно* не входят в поле ‘страх’:

Он [Мармеладов] был в поддёвке и в **страшно засаленном чёрном** атласном жилете, без галстука, а всё лицо его было как будто смазано маслом, точно железный замок. (стр. 11–12); На цыпочках подошёл он к двери, приотворил её тихонько и стал прислушиваться вниз на лестницу. Сердце его **страшно билось** (стр. 56); – Фу, какой ты... свинтус! – произнёс **страшно сконфузившийся и покрасневший** Разумихин и встал со стула (стр. 177); Разумихин, сконфуженный окончательным падением столика и разбившимся стаканом, мрачно поглядел на осколки, плюнул и круто повернул к окну, где и стал спиной к публике, с **страшно нахмуренным лицом**, смотря в окно и ничего не видя (стр. 191); [Разумихин Раскольникову] Совершенство! Раздавлен, уничтожен теперь! Мастер ты, ей-богу, так их и надо. Эх, не было меня там! **Ждал** он тебя теперь **ужасно**. Порфирий тоже желает с тобой познакомиться... (стр. 149)

3. Обнаруженные 342 словоформы (в общей сложности – 990 вхождений) и случаи, где слова *страшный*, *страшно*, *ужасный* и *ужасно* не входят в поле ‘страх’, выполняют функцию «исходного лексического материала, распределение которого в тексте романа “Преступление и наказание” и подлежит анализу с помощью специально разработанной на основе авторской методики компьютерной программы Distributio⁴³, позволяющей определить и отразить в графическом формате страницы романа, наиболее насыщенные этими словоформами, т. е. показать своего рода кульминации страха» [Ма Цзинян 2021: 390] (см. Рис. 7).

⁴³ Разработчик программы – Вс.И. Ружицкий.

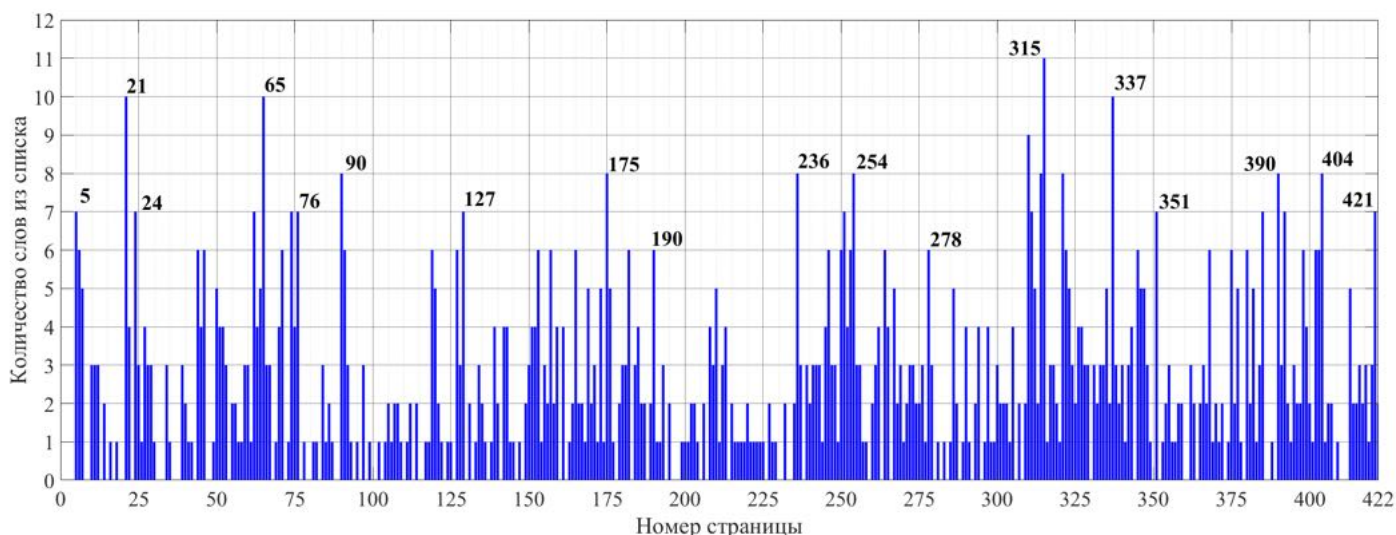

Рис. 7. Распределение словоформ центра семантического поля ‘страх’ в тексте романа «Преступление и наказание»

4. «Существует несколько возможностей интерпретации полученного графика, например, выявление ситуаций в романе, больше всего насыщенных словоформами, входящими в ядро и центр ТСП ‘страх’. Данные ситуации анализируются с точки зрения их составляющих» [Ма Цзинян 2021: 390].

«Вершины на графике соответствуют следующим ситуациям: “Внутреннее состояние Раскольникова”; “Конец монолога Мармеладова”» [там же: 391]; «Возвращение пьяного Мармеладова домой, его разговор с женой, Катериной Ивановной»; «Раскольников в момент убийства Лизаветы»; «Раскольников в полицейской конторе после убийства»; «Крик и ругань хозяйки комнаты Раскольникова»; «Диалог Раскольникова с Замётовым»; «Диалог Раскольникова с Пульхерией Александровной»; «Насмешки Раскольникова над Разумихиным»; «Разговор после разрыва Дуни с Лужиным»; «Перед второй встречей Раскольникова с Порфирием Петровичем»; «Приготовления к поминкам Мармеладова»; «“Раскольников в начале признания Соне в совершённом убийстве”»; “Раскольников на панихиде в квартире Мармеладовых”; “Разговор Раскольникова с Порфирием Петровичем о явке с повинной”» [там же]; «Состояние и сны Свидригайлова перед самоубийством»; «Последняя встреча Раскольникова с Соней перед признанием в совершённом

преступлении»; «Воскрешение Раскольников, осознание им любви к Соне». Как можно заметить, «далеко не все ситуации страха связаны с Раскольниковым, с совершённым им преступлением или со страхом разоблачения, как это можно было бы изначально предположить» [там же].

«Анализ составляющих обозначенных выше ситуаций можно провести следующим образом» [там же] (см. также Приложение 2):

1) «Внутреннее состояние Раскольникова» (стр. 5):

– персонажи: Раскольников

– время действия: начало июля 1865 года

– место действия: дом, в котором снимал комнату Раскольников

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *избежал встречи с своею хозяйкой; чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение; боялся с нею [хозяйкой, Зарницыной] встретиться; углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой; насущными делами совсем перестал и не хотел заниматься; никакой хозяйки не боялся*

2) «Конец монолога Мармеладова» (стр. 21):

– персонажи: Раскольников, Мармеладов

– место действия: распивочная

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *давно уже хотелось уйти; [Мармеладов] истощённый и обессиленный, ни на кого не смотря, как бы забыв окружающее и глубоко задумавшись; бормотал в волнении*

3) «Возвращение пьяного Мармеладова домой, его разговор с женой, Катериной Ивановной» (стр. 24):

– персонажи: Мармеладов, Катерина Иванова, Поленька, Лидочка, Коленька, Раскольников

– место действия: комната, «угол» Мармеладовых

– поступки, действия, состояние персонажей: [Поленька] *унимала его [Коленьку], что-то шептала ему, всячески сдерживала, чтоб он как-нибудь*

опять не захныкал, и в то же время со страхом следила за матерью большими-большими тёмными глазами; дрожала со сна как лист; [Мармеладов] не входя в комнату, стал в самых дверях на коленки, а Раскольникова протолкнул вперёд; послушно и покорно развёл руки в стороны; облегал её [Катерины Ивановны] усилия, смиренно ползя за нею на коленках; выкрикивал, потрясаемый за волосы и даже раз стукнувшись лбом об пол; [Катерина Иванова] пошла к сенным дверям, чтобы притворить их, и вдруг вскрикнула, увидев на самом пороге стоящего на коленках мужа; закричала в исступлении; бросилась его [Мармеладова] обыскивать; кричала; в бешенстве схватила его [Мармеладова] за волосы и потащила в комнату; кричала в отчаянии; вдруг набросилась на Раскольникова; [Лидочка] проснулась и заплакала; [Коленька] не выдержал, задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, почти в припадке; [Раскольников] поспешил уйти, не говоря ни слова

4) ««Раскольников в момент убийства Лизаветы» (стр. 65):

– персонажи: Раскольников, Лизавета

– время действия: 9 июля, самый жаркий день лета 1865 года, около восьми часов вечера, после убийства Алёны Ивановны

– место действия: квартира Алёны Ивановны

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *вскочил, схватил топор и выбежал из спальни; совсем было потерялся, схватил узел Лизаветы, бросил его опять и побежал в прихожую; ему [Раскольникову] хотелось поскорее убежать отсюда; [Лизавета] стояла среди комнаты и смотрела в оцепенении на убитую сестру; задрожала как лист, мелкою дрожью; приподняла руку, раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула и медленно, задом, стала отодвигаться от него в угол» [Ма Цзинян 2021: 391].*

5) «Раскольников в полицейской конторе после убийства» (стр. 76):

– персонажи: Луиза Ивановна, Никодим Фомич («порох»), Раскольников

– время действия: второй день после убийства (10 июля 1865 года), в половине десятого

– место действия: комната письмоводителя в конторе квартального надзирателя

– описание окружающей обстановки: невыносимая жара, пыль, кирпич и известька, опять вонь из лавочек и распивочных, опять поминутно пьяные, чухонцы-разносчики и полуразвалившиеся извозчики, яркое солнце, яркий солнечный день

– поступки, действия, состояние персонажей: [Луиза Ивановна] *робела того, что занимает полкомнаты и что от неё так несёт духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством; подпрыгнула с места, его завидя, и с каким-то особенным восторгом принялась приседать; не смела больше при нём садиться;* [офицер] *крикнул, вероятно удивляясь, что такой оборванец и не думает стушёвываться от его молниеносного взгляда;* [Раскольников] *вздрыгнул от радости*

6) «Крик и ругань хозяйки комнаты Раскольникова» (стр. 90):

– персонажи: Раскольников

– время действия: к вечеру, в полные сумерки

– место действия: комната Раскольникова

– поступки, действия, состояние персонажей: *раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, лёг на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся; очнулся от ужасного крику; вообразить не мог себе такого зверства, такого исступления; в ужасе приподнялся и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь; к величайшему изумлению вдруг расслышал голос своей хозяйки*

7) «Диалог Раскольникова с Замётовым» (стр. 127):

– персонажи: Замётов, Раскольников

– время действия: после восьми часов

– место действия: просторный трактир

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *ужасно вдруг захотелось опять «язык высунуть»*; *озноб проходил по спине его* [Раскольникова]; *вскрикнул; злорадно подзадоривая Замётова*; [Замётов] *сказал, смеясь*

8) «Диалог Раскольникова с Пульхерией Александровной» (стр. 175):

– персонажи: Раскольников, Пульхерия Александровна, Дуня

– время действия: после протрезвления Раскольникова

– место действия: комната Раскольникова

– поступки, действия, состояние персонажей: [Пульхерия Александровна] *действительно, чем больше молчала, тем больше и робела; вдруг выскочила*; [Дуня] *чуть не с содроганием ответила, нахмурила брови и задумалась*

9) «Насмешки Раскольникова над Разумихиным» (стр. 190):

– персонажи: Раскольников, Разумихин

– место действия: по дороге к Порфирию Петровичу

– поступки, действия, состояние персонажей: [Разумихин] *сбился окончательно, холодея от ужаса; прошептал в бешенстве*; [Раскольников] *до того смеялся, что, казалось, уж и сдержать себя не мог, так со смехом и вступили в квартиру Порфирия Петровича*

10) «Разговор после разрыва Дуни с Лужиным» (стр. 236):

– персонажи: Дуня, Пульхерия Александровна, Разумихин

– время действия: восемь часов

– место действия: квартира в доме Бакалеева

– поступки, действия, состояние персонажей: [Пульхерия Александровна] *бормотала; приглядывалась к нему* [Раскольникову] *боязливо; вскричала*; [Дуня] *бледнела и сдвигала брови*; [Разумихин] *дрожал как в лихорадке; пугливее гнал дальнейшие мысли и боялся своего воображения*

11) «Перед второй встречей Раскольникова с Порфирием Петровичем» (стр. 254):

– персонажи: Раскольников

– время действия: утро, ровно в одиннадцать часов

– место действия: отделение пристава следственных дел

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *беспокойным и подозрительным взглядом следил кругом себя, высматривая; передумав всё и готовясь к новому бою, он почувствовал вдруг, что дрожит, – и даже негодование закипело в нём при мысли, что он дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем; ненавидел Порфирия Петровича без меры; боялся своею ненавистью как-нибудь обнаружить себя; приготовился войти с холодным и дерзким видом и дал себе слово как можно больше молчать, взглядываться и вслушиваться*

12) «Приготовления к поминкам Мармеладова» (стр. 278):

– персонажи: Пётр Петрович Лужин, Андрей Семёнович Лебезятников

– время действия: следующее после разрыва Дуни с Лужиным утро

– место действия: комната Катерины Ивановны; комната Лебезятникова

– поступки, действия, состояние персонажей: [Лужин] *вернулся домой вдвое злее и раздражительнее; презирал и ненавидел его [Лебезятникова] даже сверх меры, почти с того самого дня, как у него поселился, но в то же время как будто несколько опасался его; всех презирающие и всех обличающие кружки давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом; боялся обличения*

13) «Раскольников в начале признания Соне в совершённом убийстве» (стр. 315):

– персонажи: Раскольников, Соня

– место действия: комната Сони

– время действия: после оправдания Сони в оговоре Лужина

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *спросил вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни; прошептал наконец; [Соня] с трудом прошептала; сначала дышать с трудом; робко спросила; чуть слышно прошептала; бессильно упала на постель*

14) «Раскольников на панихиде в квартире Мармеладовых» (стр. 337):

– персонажи: Раскольников, Полечка, Соня

– время действия: во время панихиды Катерины Ивановны

– место действия: комната Сони

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *стало ужасно тяжело*; [Полечка] *плакала*; [Соня] *тихо и как бы робко плача, молилась*

15) «Разговор Раскольникова с Порфирием Петровичем о явке с повинной» (стр. 351):

– персонажи: Раскольников, Порфирий Петрович

– место действия: комната Раскольникова

– день похорон Катерины Ивановны

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *грустно и внушительно поглядел на Порфирия Петровича; презрительно и с отвращением прошептал, как бы говорить не желая; было опять привстал, точно хотел куда-нибудь выйти, но опять сел в видимом отчаянии*; [Порфирий Петрович] *горячо и как бы невольно воскликнул*

16) «Состояние и сны Свидригайлова перед самоубийством» (стр. 390):

– персонажи: Свидригайлов, Дуня (в воображении Свидригайлова)

– время действия: полночь

– место действия: «номер» Свидригайлова

– описание окружающей обстановки: *в комнате было душно, свечка горела тускло, на дворе шумел ветер, где-то в углу скребла мышь, да и во всей комнате будто пахло мышами и чем-то кожаным*

– поступки, действия, состояние персонажей: [Свидригайлов] *образ Дунечки стал возникать перед ним, и вдруг дрожь прошла по его телу; замолчал и стиснул зубы; забывался; лихорадочная дрожь утихала; как бы что-то пробежало под одеялом по руке его и по ноге; вздрогнул; ужасно не хотелось раскрываться, вставать, мёрзнуть, но вдруг опять что-то неприятно шоркнуло по ноге; сорвал с себя одеяло и зажгёт свечу; дрожь от лихорадочного холода, нагнулся смотреть постель; встряхнул одеяло, вдруг на простыню выскочила мышь; бросился ловить мышь; сбросил подушку, но в одном*

мгновение почувствовал, как что-то вскочило за пазуху, шоркает по телу, и уже за спиной, под рубашкой; нервно задрожал и проснулся; [Дуня] ужасно испугалась, опустила револьвер и, помертвев, смотрела на него [Свидригайлова]

17) «Последняя встреча Раскольникова с Соней перед признанием в совершённом преступлении» (стр. 404):

– персонажи: Соня, Раскольников

– место действия: комната Сони

– поступки, действия, состояние персонажей: [Соня] *попросила дрожащим, робким голосом; осталась среди комнаты, в своём зелёном платке, не смея шевельнуться от его [Раскольникова] окрика, и приостановился на миг; [Раскольников] стал чувствовать, что ужасно рассеян и как-то безобразно встревожен; испугался; вдруг поразило и то, что Соня хочет уйти вместе с ним; вскричал в малодушной досаде; почти озлобившись, подошёл к дверям; бормотал*

18) «Воскрешение Раскольникова, осознание им своей любви к Соне» (стр. 421):

– персонажи: Раскольников, Соня

– время действия: ранним утром, часов в шесть

– место действия: берег реки

– описание окружающей обстановки: день был ясный и тёплый; утренний холодок ещё не смягчился

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *ни о чём не думал, но какая-то тоска волновала его и мучила; как бы с отвращением брал её руку, всегда точно с досадой встречал её [Соню]; вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к её [Сони] ногам; плакал и обнимал её [Сони] колени; [Соня] лицо носило признаки болезни, похудело, побледнело, осунулось; приветливо и радостно улыбнулась ему [Раскольникову]; робко протянула ему [Раскольникову] свою руку; как бы боялась, что он [Раскольников] оттолкнёт её; трепетала его [Раскольникова] и уходила в глубокой скорби; ужасно испугалась, и*

всё лицо помертвело; вскочила с места и, задрожав, смотрела на него [Раскольников]; [Раскольников и Соня] были бледны и худы; слёзы стояли в их глазах

5. Реконструкция СГ в ТСП ‘страх’.

Текстовые ассоциации к слову *страх* подразделяются на три основные группы: субъект (тот, кто боится), каузатор (причина возникновения), индикатор (проявление страха). В некоторых случаях в ситуации возникновения страха важную роль играет также его качественная характеристика (*страх* какой?), которая, в свою очередь, может быть связана с причиной появления страха. Таким образом, структура СГ в ТСП ‘страх’ предполагает наличие следующих зон: субъект, каузатор, индикатор и – факультативно – качественная характеристика. Анализ СГ в ТСП, соответственно, проводится следующим образом:

- 1) – субъект: Раскольников
– каузатор: любая встреча
– индикатор: *чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился; углубился в себя и уединился от всех*
- 2) – субъект: Мармеладов
– каузатор: Катерина Ивановна
– индикатор: *красные пятна на щеках Катерины Ивановны; дыхание Катерины Ивановны; детский плач*
– качество: *истощённый и обессиленный*
- 3) – субъект: Поленька, Лидочка, Коленька
– каузатор: гнев Катерины Ивановны
– индикатор: *[Поленька] следила за матерью своими большими-большими тёмными глазами; испуганная личика; дрожала как лист; [Лидочка] проснулась и заплакала; [Коленька] задрожал, закричал и бросился к сестре в страшном испуге, почти в припадке*
- 4) – субъект: Лизавета, Раскольников
– каузатор: *[Лизавета] увидела убитую сестру; [Раскольников] убил Алёну Ивановну*
– индикатор: *[Лизавета] белая как полотно и как бы не в силах крикнуть; задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу её побежали судороги; [Раскольникову] хотелось поскорее убежать*
- 5) – субъект: Луиза Ивановна
– каузатор: Луиза Ивановна занимает полкомнаты, и от неё несёт духами
– индикатор: *улыбалась трусливо и нахально, с явным беспокойством; подпрыгнула с места; не смела больше садиться*
- 6) – субъект: Раскольников
– каузатор: крик хозяйки
– индикатор: *очнулся; в ужасе приподнялся и сел на своей постели, замирая и мучаясь*

- 7) – субъект: Раскольников
 – каузатор: Разговор Раскольникова с Замётовым о преступлении, описанном в новостях
 – индикатор: *вдруг захотелось опять «язык высунуть»; озноб проходил по его [Раскольникова] спине; вскрикнул*
- 8) – субъект: Пульхерия Александровна
 – каузатор: Свидригайлов
 – индикатор: *вдруг выскочила; заторопилась*
- 9) – субъект: Разумихин
 – каузатор: насмешка Раскольникова
 – индикатор: *сбился, холодея от ужаса*
- 10) – субъект: Лужин, Раскольников, Пульхерия Александровна
 – каузатор: [Лужин] Свидригайлов; [Раскольников] дальнейшие мысли и воображение; [Пульхерия Александровна] Раскольников
 – индикатор: [Раскольников] *сидел всё на том же месте, почти угрюмый и рассеянный;* [Пульхерия Александровна] *приглядывалась боязливо; вскричала*
- 11) – субъект: Раскольников
 – каузатор: Порфирий Петрович
 – индикатор: *дрожит от страха; приготовился войти с холодным и дерзким видом*
- 12) – субъект: Лужин
 – каузатор: Андрей Семёнович Лебезятников
 – индикатор: [Лужин] *презирал и ненавидел Андрея Семёновича; пуце всего боялся обличения и это было главнейшим основанием его постоянного, преувеличенного беспокойства*
- 13) – субъект: Соня
 – каузатор: Соня узнаёт о преступлении Раскольникова
 – индикатор: *с испугом смотрела; упёрлась ему [Раскольникову] пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, всё более и более от него отстраняясь*
- 14) – субъект: Раскольников
 – каузатор: панихида
 – индикатор: *в сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для Раскольникова было что-то тяжёлое и мистически ужасное, с самого детства; ужасное и беспокойное*
- 15) – субъект: Раскольников
 – каузатор: Порфирий Петрович
 – индикатор: *грустно и внушительно поглядел; засмеялся; презрительно и отвращением прошептал; опять привстал; сел в видимом отчаянии*
- 16) – субъект: Свидригайлов
 – каузатор: образ Дунечки, сон
 – индикатор: *замолчал и стиснул зубы; вздрогнул; дрожа от лихорадочного холода; нервно задрожал и проснулся*
- 17) – субъект: Раскольников
 – каузатор: желание Сони пойти вместе с Раскольниковым, решившим признаться в совершённом убийстве
 – индикатор: *вскричал в малодушной досаде; озлобившись, пошёл к дверям; бормотал, выходя*
- 18) – субъект: Соня
 – каузатор: Раскольников

– индикатор: [Соня] *протягивала Раскольникову свою руку робко; трепетала Раскольникова и уходила в глубокой скорби; ужасно испугалась, всё лицо помертвело; вскочила с места, задрожав, смотрела на Раскольникова.*

Можно заключить, что каузатор страха в романе – это часто тот или иной персонаж произведения, например, Раскольников, Свидригайлов, Порфирий Петрович, Катерина Ивановна; а индикатор страха связан с его поступком или состоянием, например, *задрожать как лист; вскочить; дрожать; затормозиться; побежать; отстраняться* и т. д.

6. Выявление контекстных ассоциатов посредством интерпретации вершин, обозначенных в графике.

По мнению Н.С. Болотновой, текстовые ассоциации делятся на субъективные и объективные. Объективные ассоциации – общие для носителей одной культуры, субъективные, индивидуальные ассоциаты специфичны для конкретного художественного текста и представляют собой один из способов отражения авторского замысла⁴⁴. Можно заключить, что текстовые ассоциаты непосредственным образом характеризуют особенности авторского идиостиля. Процедура их фиксации состоит в следующем:

- 1) выделяются пропозиции, обозначающие ситуации возникновения страха, в нашем случае – на страницах романа, соответствующих вершинам в графике;
- 2) обозначаются ядерные слова – единицы, входящие в ядро ТСП ‘страх’, – словоформы *страх, страшно, страшный* и слова с тем же корнем (СЛБР и КОМБ2);
- 3) выявляются подчинительные и сочинительные связи слов, входящих в ядро поля (СЧТ1 и СЧТ2);
- 4) если в контексте встречаются слова, входящие в одну парадигму с

⁴⁴ «...несмотря на субъективность ассоциаций, можно говорить и о наличии типовых для носителей определённой речевой культуры ассоциаций, входящих в ядерную часть ассоциативных полей ключевых слов в тексте <...> «Неповторимость индивидуально-авторского восприятия мира и его речевого воплощения обуславливает уникальность авторских ассоциаций. Вместе с тем фактор адресата определяет ориентацию на типовые ассоциации, устанавливающие “точки контакта” между автором и адресатом» [Болотнова 2014: 33].

ядерными лексемами, т. е. отношения между ними синонимические, антонимические, паронимические, гипонимические и т. п., то эти слова автоматически вносятся в зону текстовых ассоциаций;

5) в качестве факультативного материала приводятся текстовые ассоциаты из РАС, при этом мы ориентируемся на «правило шести шагов», предложенное Ю.Н. Карауловым (см. [Караулов 2016: 77–79]). Следует отметить, что данное правило отражает связь между любыми двумя словами, мы к текстовым ассоциатам относим только те слова, для нахождения связи между которыми необходимо осуществить не более двух шагов. Например:

Страх – слёзы:

Страх → *плакать* (как одно из проявлений страха, его индикаторов) *слезы* (*плакать* – ‘проливать слёзы’). Для доказательства существования ассоциативной связи между словами *страх* и *слезы* можно обратиться к данным толковых словарей.

I. *слёзы* – ‘прозрачная солоноватая жидкость, омывающая глазное яблоко и предохраняющая его от высыхания, выделяемая слёзными железами, расположенными около глаз; обильное выделение этой жидкостью, вызываемое некоторыми физиологическими или психическими состояниями (болью, глубокими душевными переживаниями и т. п.)’ [МАС 1988: 134];

II. *страх* – ‘состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.’ [там же: 283].

Кроме того, в русском языке наблюдается устойчивый паратаксис *страх и слёзы; страхи и слёзы; бессилие, страх и слёзы; страхи, паника, слёзы; бессилие, страх и слёзы; страх, боль и слёзы* и т. п., а также гипотаксис типа *слёзы страха; страх слёз* и др. Общее в значении этих слов связано с семой ‘состояние переживания, беспокойства’, т. е. ассоциативные связи между ними очевидны.

Страх – скорбь:

I. *скорбь* – ‘глубокая печаль, горесть’ [МАС 1988: 116].

II. *печаль* – ‘забота, беспокойство’ [МАС 1987: 117].

III. *страх* – ‘состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.’ [МАС 1988: 283].

Общее в значении слов *страх* и *скорбь* – сема ‘беспокойство’. Для верификации сказанного можно также использовать материалы РАС, в котором по запросу на слово-стимул *скорбь* среди слов-реакций мы находим *страх*.

Далее с опорой на графический материал делается попытка выявления текстовых ассоциатов в романе «Преступление и наказание». Приведём некоторые примеры, в которых: А – ядерное слово и однокоренные с ним слова (КОМБ2 и СЛБР), Б – гипотаксис входящих в ядро поля слов (СЧТ1), В – паратаксис входящих в ядро поля слов (СЧТ2), Г – синонимы и антонимы к словам, входящим в ядро, те, которые зафиксированы в словарных дефинициях и в словарях синонимов, а также контекстуальные синонимы и антонимы, Д – дальние текстовые ассоциации, включающие причину возникновения страха, его проявление др. (*встретиться; трусливый; забитый; встреча; угроза* и т. п.):

1) «Конец монолога Мармеладова» (стр. 21): А. *страх*; Б. *смущение и страх всё более и более овладевали пьяницей*; В. *смущение и страх*; Г. *ужасаться; бояться; в волнении*; Д. *скорбь; слёзы*;

2) «Возвращение пьяного Мармеладова домой, его разговор с женой, Катериной Ивановной» (стр. 24): А. *страх, страшный*; Г. *испуганный; испуг*; Д. *глаза; личика; заплакать; задрожать; закричать; броситься; дрожать как лист; зловещий*;

3) «Раскольников в момент убийства Лизаветы» (стр. 65): А. *страх*; Б. *страх охватывал*; В. *не от страху даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал*; Г. *пугаться; пугать; напугать*; Д. *белый; вскрикнуть; вырваться; дрожь; задрожать; закричать; крикнуть; кричать; отвращение; отодвигаться; оцепенение; побежать; судорога; убийство*;

4) «Раскольников в полицейской конторе после убийства» (стр. 76):
Г. *сметь; робеть; беспокойство; негодование; ужасно; Д. трусливо; подпрыгнуть с места;*

5) «Крик и ругань хозяйки» (стр. 90): Г. *ужасно; ужас; ужасный;*
Д. *очнуться; крика; вопль; приподняться; сесть; замирать; мучиться; изумление; злоба; бешенство;*

6) «Диалог Раскольникова с Замётовым» (стр. 127): А. *страшный;*
Б. *страшные вещи;* Г. *ужас; ужасно; бояться;* Д. *этакий; озноб; отчаянный;*

7) «Диалог Раскольникова с Пульхерией Александровной» (стр. 175):
Г. *бояться; ужасный; ужасно;* Д. *вдруг; встрепенуться; выскочить; робеть; смерть; умереть;*

8) «Насмешки Раскольникова над Разумихиным» (стр. 190): Г. *волнение;*
ужасно; ужас; Д. *холодеть;*

9) «Разговор после разрыва Дуни с Лужиным» (стр. 236): А. *страшный;*
Б. *страшная беда;* Г. *бояться; сметь; пугливый; боязливо;* Д. *Свидригайлов; бледнеть; сдвигать брови; дрожать как в лихорадке, как будто пятипудовая гиря свалилось с его сердца; воображение; приглядываться;*

10) «Перед второй встречей Раскольникова с Порфирием Петровичем):
А. *страх;* Г. *тревога и отчаяние; ужасный; бояться;* Д. *дрожать; дрожь;*

11) «Приготовления к поминкам Мармеладова» (стр. 278): А. *страх;*
Б. *особенный и неопределённый страх;* Г. *опасаться; пугать; бояться;*
беспокойство; пуганный; Д. *мощные, всезнающие, всех презирающие и всех обличающие кружки уже давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом; бояться обличения;*

12) «Раскольников в начале признания Соне в совершённом убийстве»
(стр. 315): Г. *пугать; ужасный; детский испуг; пугаться; пугать; испуг; ужас;*
Д. *бледный; вопль; заплакать; отстраняться; отходить;*

13) «Раскольников на панихиде в квартире Мармеладовых» (стр. 337):
А. *страшный, панический страх;* Г. *ужасный; ужасный и беспокойный;*

ужасное тяжело; тревожное присутствие; тревожить; Д. бежать; броситься; омерзение; отвращение; плакать; робко; смерть; содрогание;

14) «Разговор Раскольников с Порфирием Петровичем о явке с повинной» (стр. 351): *Г. бояться; испугаться; Д. воскликнуть; отвращение; отчаяние;*

15) «Состояние и сны Свидригайлова перед самоубийством» (стр. 390): *Г. ужасно; испугаться; Д. дрожь; замолчать; стиснуть зубы; лихорадочная дрожь; вздрогнуть; дрожь от лихорадочного холода; нагнуться осмотреть;*

16) «Последняя встреча Раскольника с Соней перед признанием в совершённом преступлении» (стр. 404): *Г. дрожать; робкий; ужасно; встревожить; испугаться; сметь; испуг; Д. вскричать; бормотать; выходить;*

17) «Воскрешение Раскольника, осознание им своей любви к Соне: *Г. бояться; трепетать; ужасно; испугаться; Д. робко; скорбь; помертветь; вскочить; задрожать; смотреть.*

Авторский идиостиль отражают в основном дальние текстовые ассоциации, проведём их группировку:

действие, поступок, проявление страха: *бежать, бормотать, броситься, вздрогнуть, вопль, воскликнуть, вскочить, вскрикнуть, вскричать, встрепенуться, вырваться, выскочить, выходить, дрожать, лихорадка, дрожь, задрожать, закричать, замирать, замолчать, заплакать, крика, крикнуть, кричать, лихорадочный, нагнуться осмотреть, отодвигаться, отстраняться, отходить, очнуться, плакать, побежать, подпрыгнуть, приглядываться, приподняться, сдвигать брови, сесть, слёзы, смотреть, стиснуть зубы, убежать; состояние персонажей: омерзение, отвращение, отчаяние, оцепенение, робеть, робко, скорбь, содрогание, судорога, трусливо, трусливый, забитый, отвращение, оцепенение, изумление, мучиться, замирать, злоба, бешенство, озноб, робко, холодеть, отчаянный; отражение состояния персонажей через использование колоративов: белый, бледный, бледнеть; связь со смертью: помертветь, смерть, убийство, умереть, убийство; связь с конкретным персонажем: Свидригайлов и др.; мимика,*

отражающая страх: *глаза; личико*; причина появления страха: *воображение, сон, встретиться, встреча, обличающий, обличение, презирающий, угроза*; характеристика страха: *зловещий, этакий*; мгновенность и случайность, неожиданность возникновения страха: *вдруг*.

Смысл 'страх' ('опасение'), безусловно, помимо указанных выше лексических способов, могут выражать также лексико-грамматические средства, например, такие конструкции, как **не + инф.** («*Не забыть бы нам чего-нибудь*»); **как бы не + инф.** («*Как бы нам не забыть чего-нибудь*»); **как бы не + сосл. накл.** («*Как бы мы не забыли чего-нибудь; Садись скорее! Как бы не тронулся поезд*»); **что если + кто, что + гл. ед. / мн. ч.** («*Что если мы что-нибудь забудем; Что если поезд сейчас тронется? Это будет ужасно*» [Книга о грамматике 2009; Лобанова, Слесарева 1984]. «Значение опасения передают также сложные предложения с придаточными определительными. Главное предложение содержит существительные со значением опасения – **страх, опасение, боязнь**, а также **беспокойство, тревога**, которые определяются придаточными предложениями с союзом **как бы не**. Эти предложения синонимизируются с простыми, в которых функцию определения выполняет инфинитив глагола, называющего то действие, которого опасаются <...> Помимо рассмотренных языковых средств, значение опасения выражается при помощи видовых форм глагола (глаголом совершенного вида) в повелительном наклонении с отрицанием. Опасение в этих случаях имеет характер непосредственного предостережения и касается только тех действий, которые в обыденном сознании оцениваются как негативные» [Книга о грамматике 2009: 421].

Следует тем не менее отметить, что в целом высокочастотные в текстах Ф.М. Достоевского *как бы, что(,) если* в романе «Преступление и наказание» в конструкции, выражающей ‘страх’, используются достаточно редко, например:

[Катерина Ивановна] Вот он [Мармеладов] пришёл бы сегодня пьяный, *как бы не раздавили-то* <...> (стр. 144); [Раскольников] «А *что, если* уж и был обыск? *Что, если* их как раз у себя и застану?» (стр. 84) – Дунечка! Да подумай только, в каком мы теперь положении! Ну *что, если* Пётр Петрович откажется? – неосторожно высказала вдруг бедная Пульхерия Александровна (стр. 185).

Основная функция указанных выше лексико-грамматических средств – выражение неопределённости, условных отношений и др.

В общей сложности к периферийной зоне ТСП ‘страх’ можно отнести 52 116 словоформ, что составляет примерно 31 % всех словоупотреблений в романе «Преступление и наказание». Лексемы *апатия, бешенство, запор, кабак, колокольчик, крючок, лёд, миражи, смех, старуха, сырость, шляпа* и некоторые другие являются индивидуальными авторскими ассоциациями.

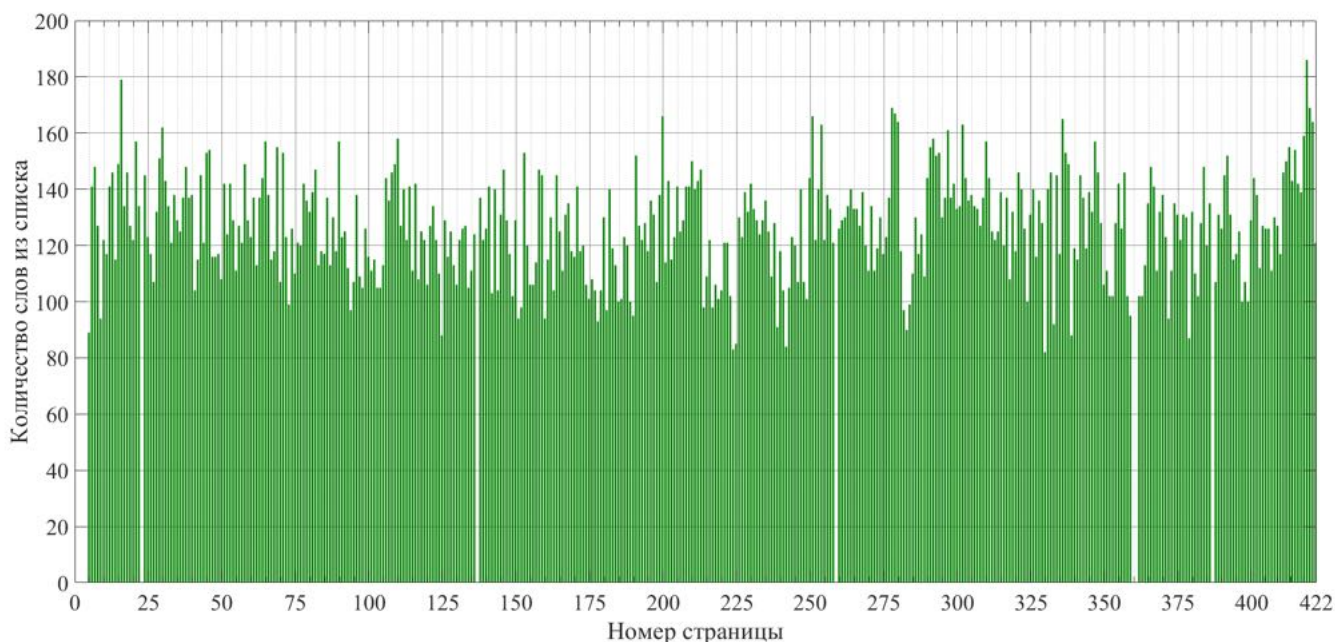

Рис. 8. Распределение словоформ периферии семантического поля ‘страх’ в тексте романа «Преступление и наказание»

Пробелы на страницах 23, 137, 259, 360, 361, 387 графика (см. Рис. 8) отражают фотокопии рисунков и черновых набросков Ф.М. Достоевского, представленных в [Достоевский 1972–1990. Т. 6].

Из графика видно, что единицы, входящие в периферийную зону поля ‘страх’, распределяются по всем страницам романа. Вершины на графике соответствуют следующим ситуациям: «Монолог Мармеладова» (стр. 16); «Монолог Раскольников» (стр. 200); «Приготовления к поминкам Мармеладова» (стр. 278); «Отношение Лужина к Лебезятникову» (стр. 279); «Жизнь Раскольникова во время каторги» (стр. 419); «Сон Раскольникова во время каторги» (стр. 420).

Таким образом, в результате можно сделать заключение о составе ТСП ‘страх’ (в списках представлены леммы, верхним индексом обозначается общая частота употребления соответствующих им словоформ в тексте романа «Преступление и наказание»; отсутствие индекса означает единичное употребление):

Ядро ТСП ‘страх’

страх⁴⁷, страшно¹², страшный⁴⁰

Центр ТСП ‘страх’

ахнуть, беспокойство²⁰, боязливо², боязнь³, бояться⁷⁹, волнение³⁴, вопль¹⁰, встревоженно, встревожить¹⁰, грозить³, грозно, грозный⁴, дикий⁹, дрожать⁶⁰, дрожь¹², жутко², забить², запугать⁵, застенчивый², заячий, зверский⁴, зловещий⁴, изумление¹⁷, испуг³³, испуганно⁷, испугать²⁰, испугаться²⁸, леденеть, малодушие³, мучительно⁵, мучительно-страшный, мучительный¹⁸, напугать⁵, негодование¹⁸, опасаться⁵, опасение³, опасно⁵, опасность⁹, опасный⁸, оробеть³, осмеливаться, осмелиться¹⁶, осторожность⁸, острастка, отважно, отниматься, отнять, отчаянный¹⁸, оцепенение², панический⁴, перепугаться², побаиваться², погрозить, посметь¹⁰, похолодеть³, пугать¹¹, пугаться⁷, пугливый⁵, расстройство³, робеть⁴, робкий⁷, робко²⁰, робость², рутина, смелость³, сметь³¹, смятение, содрогание², содрогнуться², страсть¹⁰, струсить⁹, тёмный³², тревожить⁸, тревожный¹⁷, трепет², трепетать⁵, трус³, трусить², трусливо, трусливый³, трусость, трястись², убояться², угрожать, угроза⁹, ужас³⁷, ужасаться¹³, ужасно⁷³, ужаснуть², ужаснуться, ужасный⁴⁷, холод¹⁵, холодеть⁴, храбриться, храбрый, чудовищный⁵

Периферия ТСП ‘страх’

апатия, бежать, белый, беспамятство, бессилие, бессмысленный, бледненький, бледнеть, бледно, бледно-жёлтый, бледно-зелёный, бледность, бледный, броситься, вдруг, вечный, взглянуть, вздрагивать, воскликнуть, встрепенуться, встретиться, вырваться, выскочить, глаз, давешний, давить, дверь, движение, дерзкий, догадаться, Дуня, жест, жизнь, жить, задрожать, закричать, заплакать, запор, заторопиться, искривиться, кабак, колокольчик,

крикнуть, кричать, кровь, кружка, крюк, крючок, лёд, лихорадка, Лужин, Мармеладов, мёртво-бледный, мнительность, молчать, мучиться, мысль, напускной, напустить, невыносимый, негодование, недоумение, ненавистный, ненависть, обессиление, обморок, обыск, овладевать, овладеть, озноб, омерзение, особенный, отвращение, отодвигаться, отступить, отходить, отчаяние, оцепенение, ощутить, ощущать, падучая, панический, плакать, плач, побежать, повыскочить, подивиться, подлец, подлец-человек, подозревать, подозрение, Полечка, поразить, Порфирий, предрассудок, прежний, приговор, припадок, припоминать, припоминаться, припомнить, припомниться, прислушаться, прислушиваться, происшествие, разбойник, раздражение, Раскольников, решиться, самоубийство, Свидригайлов, свой, скорбь, следить, слеза, слово, смертный, смерть, смех, смотреть, смотреться, смущение, сон, Соня, спокойный, спокойствие, спрятаться, старуха, стеснительно, стонать, страдание, страданье, страх Коли и Лёни, суд, судорога, теряться, тишина, трихины, тупой, убежать, убийство, улица, умереть, холодный, хохот, чрезмерный, чувство, чувствовать, шляпа

Подчеркнём в заключение, что использование данных различного типа словарей и специально разработанной компьютерной программы позволяет обнаружить словоформы, входящие в ТСП ‘страх’. При анализе гипотаксиса многозначных слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно* на материале СЯД выполняется разделение ЛСВ этих слов, что позволяет выявить состав ТСП ‘страх’ в чистом виде.

«Построенные графики наглядно показывают распределение данных словоформ в тексте романа “Преступление и наказание”, дают дополнительные возможности интерпретации интересующего нас литературного произведения – посредством выявления ситуаций, наиболее насыщенных словоформами СП ‘страх’» [Ма Цзинян 2021: 391]. Этот же метод применим и для реконструкции других ТСП, а также зон их пересечения.

Подробнее о взаимодействии ТСП ‘страх’ с другими полями будет сказано в следующем параграфе.

§ 3. Текстовое семантическое поле ‘страх’ в смысловом пространстве романа «Преступление и наказание»

В параграфе решаются следующие задачи: посредством применения компьютерных технологий исследуются возможности взаимодействия СП в смысловом пространстве романа «Преступление и наказание»; даётся графическое представление пересечения ТСП ‘смех’ и ‘страх’; выявляется взаимосвязь ТСП ‘страх’ с другими полями – ‘смерть’, ‘неопределённость’, ‘случайность, неожиданность’, ‘степень’, ‘желание’⁴⁵.

ТСП ‘страх’ и ТСП ‘смех’

Частота употребления слова *смех* и входящих в соответствующее ЛСП единиц – *смеяться, усмехнуться, насмехаться, хохотать, хохот, улыбаться, улыбка* и др., в тексте «Преступления и наказания» превышает среднестатистическую. Концепты ‘страх’ и ‘смех’ регулярно пересекаются в одном сравнительно узком контексте. В романе словоформы *страх, страха, страху* и т. д. встречаются 47 раз, *смех, смеха, смеху* и т. п. – 48 раз, что в какой-то степени свидетельствует об одинаковой степени их смысловой нагрузки.

Концепт ‘смех’ вообще занимает одно из важнейших мест в произведениях Ф.М. Достоевского и – шире – в авторском тезаурусе. Не является исключением и роль смеха как одного из центральных семантических полей смыслового пространства романа «Преступление и наказание».

В текстах Ф.М. Достоевского, как произведений художественной прозы, так и публицистики, встречаются следующие типы смеха: «1. смех как звучание, смех как таковой, т. е. без дополнительных его характеристик и свойств <...>; 2. детский смех, т. е. смех от избытка радости, ощущения здоровья и жизни, как бы беспричинный <...>; 3. смех как реакция на смешное, на то, что своей интенцией имеет вызывание смеха – беззлобная шутка, анекдот, игра слов или комичная ситуация <...>; 4. смех неверия тому, что говорит собеседник,

⁴⁵ Фрагменты текста «Преступление и наказание», отражающие пересечение полей, даются в **Приложении 6**.

неприятия всерьёз его утверждения <...>; 5. смех-издёвка <...>; 6. смех патологический, болезненный, смех человека, впавшего в истерию или близкого к помешательству, это смех изменённого или раздвоенного сознания <...>; 7. смех отрицания, смех «демонических злодеев» <...>; 8. смех шутовской, смех персонажей-шутов» [СЯД 2021: 877–878]. «Само слово *смех* является ядром соответствующего ТСП, одного из наиболее репрезентативных в тезаурусе Достоевского. Одновременно с этим *смех*, несомненно, представляет собой яркий пример идиоглоссы – слова, характеризующего авторский идиостиль» [Ружицкий 2021: 484].

Совмещение графиков распределения словоформ ТСП ‘смех’ (см. § 3 Главы II) и ТСП ‘страх’ (см. § 2 Главы III) позволяет зафиксировать ситуации романа «Преступление и наказание», в которых поля ‘страх’ и ‘смех’ пересекаются, взаимодействуют:

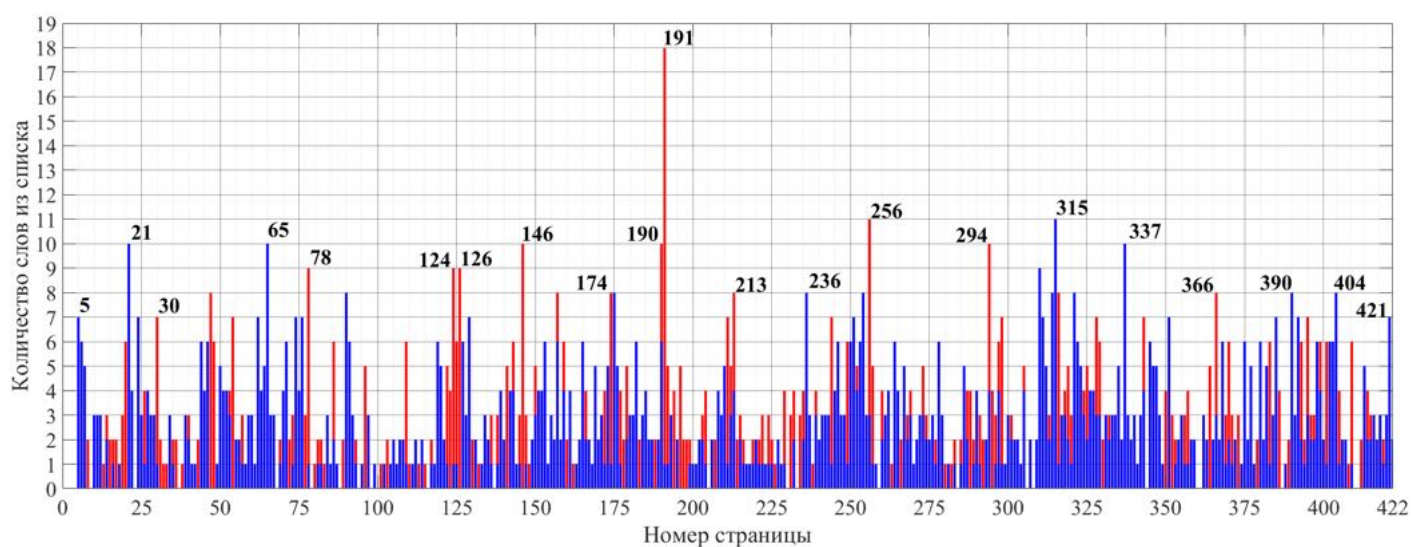

Рис. 9. Распределение словоформ центров семантических полей ‘смех’ и ‘страх’ в тексте романа «Преступление и наказание»⁴⁶

Мы видим, что ТСП ‘страх’ и ‘смех’ часто находятся в тесной взаимосвязи, вершины полей распределяются на близких друг к другу

⁴⁶ В графике синим цветом обозначается распределение словоформ поля ‘страх’; красным – распределение словоформ поля ‘смех’.

страницах. Приведём примеры составляющих некоторых из таких ситуаций (см. также Приложение 6).

1. «Разговор об Алёне Ивановне между офицером и студентом, услышанный Раскольниковым» (стр. 54)

– персонажи: Раскольников, студент, офицер

– место действия: трактир

– поступки, действия персонажей: [Раскольников] *вздрагнул*; [офицер] *засмеялся; опять захохотал*

2. «Разговор Замётова с Раскольниковым» (стр. 126)

– персонажи: Раскольников, Замётов

– место действия: трактир

– время действия: часов восемь, заход солнца

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *вдруг залился опять тем же нервным хохотом, как будто сам совершенно не в силах был сдерживать себя; стал вдруг задумчив и грустен; прибавил, усмехаясь*; [Замётов] *произнёс почти в тревоге*

3. «Реакция и состояние Раскольникова после разговора с мещанином» (стр. 210)

– персонажи: Раскольников

– место действия: комната Раскольникова

– поступки, действия, состояния персонажей: *улыбнулся своею холодно-ненавистною и торжествующею улыбкой; с дрожащими коленами и как бы ужасно озябший воротился назад; в бессилии лёг на диван и болезненно, с слабым стоном, протянулся на нём; продолжал, холодея и вздрагивая; думал с горькою усмешкой; прошептал в отчаянии*

4. «Сон Раскольникова» (стр. 213)

– персонажи: Раскольников, Алёна Ивановна

– место действия: квартира Алёны Ивановны

– время действия: поздний вечер, сумерки сгущались, полная луна светлела всё ярче и ярче

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] испугался, нагнулся ближе и стал старуху разглядывать; пригнулся совсем к полу и заглянул старухой снизу в лицо, заглянул и помертвел; [Алена Ивановна] сидела и смеялась, заливалась тихим, неслышным смехом, из всех сил крепясь, чтоб Раскольников её не услышал; колыхалась от хохота.

5. «Соня читает Раскольникову Евангелие» (стр. 251)

– персонажи: Раскольников, Соня

– место действия: комната Сони

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] обернулся к ней [Соня] и с волнением смотрел на неё; торжество и радость звучали в нём и крепили его; [Соня] вся дрожала в действительной, настоящей лихорадке; дрожала от радостного ожидания; громко и восторженно прочла, дрожа и холодея; прошептала и стала неподвижно, отвернувшись в сторону, не смея и как бы стыдясь поднять на него [Раскольникова] глаза

6. «Вторая встреча Раскольникова с Порфирием Петровичем» (стр. 256)

– персонажи: Раскольников, Порфирий Петрович

– место действия: кабинет Порфирия Петровича

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] ответил, почти с насмешкой; никак не мог удержаться от насмешливого и довольно неосторожного вызова; засмеялся; перестал смеяться, нахмурился и долго и ненавистно смотрел на Порфирия, не спуская с него глаз, во всё время его длинного и как бы с намерением непрекращающегося смеха; [Порфирий Петрович] чуть не вскрикнул, вдруг вскинув глаза и останавливаясь в двух шагах от него [Раскольникова]; прищурился, подмигнул; что-то весёлое и хитрое пробежало по лицу; вдруг залился нервным, продолжительным смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом; закатился таким смехом, что почти побагровел

7. «Раскольников в начале признания Соне в совершённом убийстве» (стр. 315):

– персонажи: Раскольников, Соня

– место действия: комната Сони

– время действия: после оправдания Сони

– поступки, действия, состояние персонажей: [Соня] *робко спросила; проговорила, улыбаясь как ребёнок*; [Раскольников] *проговорил с прежнею искривлённою и бессильною улыбкой*

8. «Последний разговор Раскольникова с Дуней перед признанием в совершённом преступлении» (стр. 399)

– персонажи: Раскольников, Дуня

– место действия: комната Раскольникова

– поступки, действия, состояние персонажей: [Раскольников] *прошептал; горько усмехнулся; спросил с безобразною усмешкой*; [Дуня] *в ужасе воскликнула; горько воскликнула; с мучением смотрела; вскричала*.

Можно констатировать, что в качестве составляющих ситуации смеха нередко встречаются текстовые ассоциаты к слову *страх* и входящие в соответствующее ТСП: *бессилие, вздрагивать, вздрогнуть, волнение, воскликнуть, вскрикнуть, дрожать, испугаться, нервный, робко, тревога, ужасно, холодеть* и др., т. е. ТСП ‘смех’ в романе «Преступление и наказание» является смежным с ТСП ‘страх’.

ТСП ‘страх’ и ТСП ‘смерть’

Словоформы *смерть, смерти, смертью* и т. д. встречаются в тексте романа 43 раза, что примерно в равной степени соотносится с частотой употребления словоформ *страх, страха, страху* и др.

В соответствии с обозначенной выше процедурой определим состав ТСП ‘смерть’ в романе «Преступление и наказание».

1. Выявляется состав ЛСП ‘смерть’ в русской ЯКМ.

1.1. Имя поля – ‘смерть’: ‘1) прекращение жизнедеятельность организма; 2) конец, полное прекращение какой-н. деятельности’ [СО 2006: 735]. Омоним *смерть* в значении ‘очень, в высшей степень, очень много, ужас’ в тексте романа «Преступление и наказание» не встречается. В других произведениях такое употребление слова *смерть* мы находим, например: [Ракитин А. Карамазову] <...> *Зайдём ко мне... Я бы водочки сам теперь тяпнул, **смерть** устал* (Братья Карамазовы, 309).

1.2. В состав ядра и центра ЛСП ‘смерть’ входят *кончина, конец, гибель, успение, казнь, жизнь, рождение, спасение, воскресение, рождаемость, бессмертный, смерточка, смертушка, смертынька, смертишка, смертник, смертничество, смертный, смертная, смертное, смертно, смертность, смертельный, смертельно, смертельность, бессмертность, бессмертие, бессмертник, обессмертить, обессмертиться, передсмертный, посмертный, посмертно, предсмертный, предсмертно, смертоносный, смертоносность, смертоубийство, смертоубийственный, полусмерть, гибельно, гибельный, гибельность, уснуть, успеньев, успенский, кончик, концовка, кончина, конечный, конечность, конченный, кончено* и др. Некоторые слова, например, *насмерть*, под которым понимается «1. Так, что наступает смерть. 2. Очень сильно» [СО 2006: 393], входящее в словообразовательное гнездо *смерть*, мы на данном этапе исключаем из ЛСП ‘смерть’.

2. Из полученного в ходе предыдущего шага списка определяются словоформы, встречающиеся в романе «Преступление и наказание»: *конец, конца, концам, концах, конце, концов, концом, концу, концы, воскрес, гибелью, жизненного, жизненное, жизнь-то, законченный, закончился, предсмертный, рождении, смертельно, смертельною, смертью, смертная, смертной* и т. д. «Самые частотные словоформы, одновременно входящие в ядро и в центр ТСП ‘смерть’ и встречающиеся в тексте романа, следующие» [Ма Цзинян 2021: 91]: *жизнь* – 62 употребления, *жизни* – 46, *смерти* – 37, *жила* – 9, *жил* – 6 и др.

3. В тексте романа «Преступление и наказание» встречаются следующие словосочетания: *смертный страх; боязнь смерти; бояться смерти; в сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжёлое и мистически ужасное, с самого детства и др.*, косвенно подтверждающие взаимодействие ТСП ‘страх’ и ‘смерть’.

ТСП ‘страх’, ТСП ‘смех’ и ТСП ‘случайность, неожиданность’

В ЛСП ‘случайность, неожиданность’ входят такие словоформы, как *вдруг, случайный, случайно, неожиданный, неожиданно, внезапный, внезапно, ни с того ни с сего, нечаянный, нечаянно, непредвиденный, непредвиденно* и т. п. Внимание исследователей, занимающихся изучением языка Ф.М. Достоевского, привлекало прежде всего слово *вдруг* – частота его употребления и особенности функционирования как во всём корпусе текстов писателя, так и, конкретно, в романе «Преступление и наказание».

Слово *вдруг* встречается в тексте «Преступления и наказания» 564 раза, что сильно превышает среднестатистическую частоту употребления. «*Вдруг* для Достоевского фиксирует некоторую точку, являющуюся моментом выброса чувств, эмоций, впечатлений, состояний, действий и т. д. а высокая частота употребления *вдруг* в рамках одного контекста объясняется тем, что это слово является способом собрать эти чувства и действия в одном мгновении, миге, уничтожив в этом мгновении как время, так и причинно-следственную обусловленность событий, т. е. в конечном счёте, для Достоевского это способ объединения группы событий в одной точке случайности, способ таким образом организовать текст» [Ружицкий 2011: 20]. Можно говорить о следующих значениях этой идиоглоссы: ‘1. Неожиданно, внезапно; 2. Сразу, тотчас, немедленно, моментально; очень быстро, последовательно одно за другим; 3. Целиком, в полном объёме и одновременно; 4. *Частица в зн.* а если (обычно при предположении чего-то нежелательного)’ (см. [СЯД 2008: 395–397]).

Анализ способов вербализации концепта ‘случайность, неожиданность’ осуществляется, в частности, посредством изучения гипотаксиса слова *вдруг*. Приведём наиболее яркие примеры его подчинительных связей, косвенно указывающие на взаимодействие ТСП ‘случайность, неожиданность’ с ТСП ‘страх’ и ‘смех’: *вдруг задрожать, законфузиться, захохотать, рассмеяться, рискнуть, умереть, усмехнуться* и т. п., а также: *вдруг другая тревожная мысль ударила ему; вдруг испугался; вдруг вздрогнул от ужаса; вдруг испугалась; вдруг стал беспокоен; вдруг дрожит; вдруг начинают чего-нибудь пугаться; ужас вдруг сообщился ему; мысли навела на него вдруг панический страх; вдруг пугать; вдруг спросил с испугом* и др.

Примечательны, например, следующие контексты, отражающие взаимосвязь ТСП ‘страх’ и ТСП ‘случайность, неожиданность’ (курсивом выделены единицы данных ТСП):

А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряжённой огромною ломовою лошадью, крикнул ему [Раскольникову] *вдруг*, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» – и заорал во все горло, указывая на него рукой, – молодой человек *вдруг* остановился и *судорожно схватился за свою шляпу*. Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но *не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило* его (стр. 6–7); Он [Раскольников] плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже. Он помнил, однако, как *вдруг*, выйдя на канаву, *испугался*, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было *поворотить назад* в переулок. Несмотря на то что чуть не падал, он все-таки *сделал крюку* и пришёл домой с другой совсем стороны (стр. 70); Лицо Сони *вдруг страшно* изменилось: по нём пробежали *судороги*. С невыразимым укором взглянула она на него [Раскольникова], хотела было что-то сказать, но ничего не могла выговорить и только *вдруг* горько-горько зарыдала, закрыв руками лицо (стр. 246).

ТСП ‘страх’ и ТСП ‘неопределённость’

Спектр способов вербализации концепта ‘неопределённость’ в текстах Ф.М. Достоевского чрезвычайно широк, на высокую частоту употребления, повторяемость в одном узком и функциональную значимость *как бы, как будто, как-то, какой-то, почти, вдруг, давеча, чуть (ли) не* и др. критики писателя обращали внимание ещё при его жизни. У Достоевского

неопределённо всё, кроме Христа, – любая эмоция, качественная характеристика персонажа, например, красота, поступок героя и т. д. Не является исключением и эмоция страха. Неопределённость – это и причина, и следствие появления страха, см., к примеру:

Он [Раскольников] медлил; он даже *как будто боялся* чего-то (стр. 27); Первоначальное изумление его [Раскольникова] мало-помалу сменилось *ужасом*, как будто *мороз прошёл по спине* его. Он узнал, он *вдруг, внезапно* и *совершенно неожиданно* узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной её сожительницы, дома не будет и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера, *останется дома одна* [в последнем случае курсив Достоевского] (стр. 52); Он [Раскольников] стоял среди комнаты и в мучительном недоумении осматривался кругом было не то. *Вдруг, как бы вспомнив*, бросился он к углу, где в обоях была дыра, начал всё осматривать, запустил в дыру руку, пошарил, но и это не то. Он подошёл к печке, отворил её и начал шарить в золе: кусочки бахромы от панталон и лоскутья разорванного кармана так и валялись, как он их тогда бросил, стало быть никто не смотрел! (стр. 99)

ТСП ‘страх’ и ТСП ‘степень’

‘Степень’, как и ‘неопределённость’, относятся к разряду функционально-семантических категорий, т. е. репрезентантами данных смыслов в тексте являются и лексические, и грамматические средства, являющиеся единицами соответствующих функционально-семантических полей, к которым, в частности, относится слово *слишком* – один из идиостилевых маркеров Ф.М. Достоевского (наряду с такими идиоглоссами, как *вдруг, почти, даже* и т. п.). На идиостилевую значимость *слишком* в текстах писателя указывает его высокая частотность, употребление в функции оценочного предиката, в составе высказываний афористического типа, многочисленные повторы в одном узком контексте, соотнесённость, наряду с идиоглоссой *почти*, с важной для писателя идеей границы, предела и др. (см. [СЯД 2021]).

Слово *слишком* в значениях 1. ‘чересчур, очень, в высшей степени; свыше меры, какого-л. предела, границы’; 2. ‘свыше, более чем’ [СЯД 2021: 813] в романе «Преступление и наказание» встречается 109 раз, и, например в следующих контекстах, наблюдается его связь с ТСП ‘страх’:

В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него [Раскольников] было что-то тяжёлое и мистически ужасное, с самого детства; да и давно уже он не слышал панихиды. Да и было ещё тут что-то другое, слишком ужасное и беспокойное (стр. 337).

А кроме того: *слишком приметная шляпа; Он [Раскольников] так и вздрогнул, слишком уж ослабели нервы; [Пульхерия Александровна] слишком боялась и т. п.*

ТСП ‘страх’ и ТСП ‘желание’

Страх и желание – два древнейших состояния человека, несомненно взаимосвязанные друг с другом. В «Евангелии от Матфея» описан эпизод, когда Пилат приказал казнить Иисуса именно из-за страха перед толпой, требующей этого. «Чувство страха <...> тесно связано с миметическим желанием. Это демонстрирует и следующий ключевой эпизод евангельской истории Спасения – разговор Пилата с толпой по поводу освобождения одного из узников <...> в итоге из-за своего страха правитель оказывается побеждённым толпой, принимает чуждое желание к исполнению» [Ромашко, Орлов 2022: 23]. Французский философ Люк де Клапье Вовенарг полагал, что желание – одно из базисных состояний человека, вызывающее «беспокойство», «тревога, порождённая отсутствием какого-либо блага, меж тем как беспокойство – это беспредметное желание» [Вовенарг 1988: 58].

Несомненно важной в аспекте взаимосвязи смысловых категорий ‘желание’ и ‘страх’, прежде всего относительно их репрезентации в тестах Ф.М. Достоевского, нам представляется статья М. Волошина «Пророки и мстители», в которой автор отмечает следующее: «Желание и страх являются двумя формами одного и того же чувства предвиденья и выражают наши различные отношения к наступающему. Страх – это чувство пустоты, неизвестности – “horror vacui” (ужас пустоты, лат.). Желание – это чувство полноты. <...> В своём наиболее чистом виде мы можем наблюдать это чувство в моменты ожидания, когда весь организм бывает охвачен тем особенным

нервным волнением, в котором нельзя отличить стихии страха от стихии желания» [Волошин 1906: 16]. Невольно напрашивается параллель со словами Ф.М. Достоевского в письме жене, А.Г. Достоевской: «Но всё забочусь, и день и ночь об них [детях] думаю, и обо всех нас: всё хорошо, а вдруг случай какой-нибудь. Случайного я пуще всего боюсь» [Достоевский 1996: 513].

Факт взаимодействия желания и страха нашёл отражение, в частности, в русской языковой картине мира, а также в практике преподавания русского языка как иностранного. В базовой лингводидактической функционально-коммуникативной модели описания русского языка 'опасение' и 'желание' рассматриваются как функционально-семантические категории, выражающие изоморфные смыслы: «Категории желательности и опасения – это категории, сопоставимые в смысловом и формальном выражении <...> Опасение – это желание, чтобы что-то, какое-либо событие, действие не случилось, не произошло. Мы опасаемся того, чего мы не хотим, и не хотим того, чего опасаемся <...> Значение опасения можно считать частным проявлением нежелательности» [Книга о грамматике 2009: 419].

На пересечение полей 'страх' и 'желание' (ядро и центр данного поля – *влечение, жадность, жажда, жаждать, желание, желать, мечтать, потребность, стремиться, стремление, хотеть, хотеться, хотел было* и др.) в тексте романа «Преступление и наказание» указывают, например, следующие фрагменты:

Раскольникову давно уже *хотелось* уйти; помочь же ему он и сам думал. Мармеладов оказался гораздо слабее ногами, чем в речах, и крепко оперся на молодого человека. Идти было шагов двести-триста. Смущение и *страх* всё более и более овладевали пьяницей по мере приближения к дому (стр. 21); Та [Алёна Ивановна] отскочила в *испуге*, *хотела* было что-то сказать, но как будто не смогла и смотрела на него [Раскольникова] во все глаза (стр. 62); *Страх* охватывал его [Раскольникова] всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему *хотелось* поскорее *убежать* отсюда (стр. 65); [Из размышлений Раскольникова] Да разве с таким ужасом что-нибудь может сравниться! <...> Велит Аллах, и повинуйся «*дрожащая тварь*!» <...> Повинуйся, *дрожащая тварь*, и – *не желай*, потому – не твоё это дело! <...> | Волосы его были смочены потом, *вздрагивавшие губы* запеклись, неподвижный взгляд был устремлён в потолок (стр. 211–212).

Встречаются случаи пересечения трёх полей – ‘желание’, ‘случайность’, ‘неопределённость’ и ‘страх’, например:

Он [Раскольников] плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже. Он помнил, однако, как *вдруг*, выйдя на канаву, *испугался*, что мало народу и что тут приметнее, и *хотел было* поворотить назад в переулок. Несмотря на то что чуть не падал, он всё-таки *сделал крюку* и пришёл домой с другой совсем стороны (стр. 70).

Следует отметить, что, вопреки возможным ожиданиям, взаимодействие смыслов ‘страх’ и ‘желание’ в текстовом пространстве Ф.М. Достоевского вряд ли можно считать репрезентативным, связь этих полей проявляется скорее имплицитно, в подтексте произведения.

Проведённый в параграфе анализ случаев пересечения в романе «Преступление и наказание» ТСП ‘страх’ с такими полями, как ‘смех’, ‘смерть’, ‘неопределённость’, ‘неожиданность’, ‘степень’ и др., даёт возможность сделать шаг к построению тезауруса Ф.М. Достоевского, для чего, бесспорно, необходима полная реконструкция данных полей, в том числе и их визуализация, на материале других текстов писателя.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ III

Очевидно, что текстовое семантическое поле 'страх' выполняет ключевую функцию в тезаурусе Ф.М. Достоевского. В главе осуществлена попытка реконструкции данного поля на материале романа «Преступление и наказание».

Наиболее важными представляются следующие результаты:

1. Определены способы языковой репрезентации концепта 'страх', являющегося ядром соответствующего текстового семантического поля. При этом осуществлялись следующие шаги: прослежена этимология слова *страх*, в первую очередь материализующего ядро семантического поля; выявлен состав словообразовательного гнезда с вершиной *страх*; проанализированы паратаксис и гипотаксис слова *страх*, т. е. его подчинительные и сочинительные связи; обозначены наиболее типичные ассоциации к слову *страх*; аргументировано концептуальное значение лексемы *страх*; проанализированы контексты употребления слова *страх* в романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

2. Предложены способы визуализации текстового семантического поля посредством использования компьютерных технологий. Внимание в первую очередь обращалось на такой способ визуализации текстового семантического поля, как построение графика, отражающего распределение единиц семантического поля 'страх' в тексте романа «Преступление и наказание». С этой целью было составлено техническое задание, для создания соответствующей компьютерной программы.

Первоначально, с опорой на данные толковых, словообразовательных, идеографических, ассоциативных и др. словарей русского языка, выявлен состав семантического поля 'страх' в русской языковой картине мира. После

чего предложено решение проблемы разделения лексико-семантических вариантов многозначных слов *страшный, страшно, ужасный, ужасно*. Последующим шагом явилось определение состава семантического поля 'страх' в тексте «Преступления и наказания» и проведена визуализация данного поля и интерпретация построенного графика, в частности, показана возможность определения текстовых ассоциатов через анализ обозначенных на графике вершин.

3. Визуализация текстового семантического поля даёт возможность наглядным образом показать области пересечения различных семантических полей. В качестве иллюстрации одной из таких возможностей проведено сопоставление текстового семантического поля 'страх' с полем 'смех'. Наложение графиков друг на друга фиксирует взаимосвязь концептов 'страх' и 'смех', несомненно актуальную для семантического пространства не только романа «Преступление и наказание», но и многих других произведений Ф.М. Достоевского, т. е. является важным шагом к реконструкции авторской языковой личности. В работе также высказано предположение о взаимодействии текстового семантического поля 'страх' с полями 'неопределённость', 'смерть', 'случайность, неожиданность', 'степень' и 'желание'.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование «Текстовое семантическое поле ‘страх’ (на материале романа Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”))» имело своей целью реконструкцию фрагмента обозначенного в её названии текстового семантического поля. Достижение данной цели предполагало решение определённых теоретических и практических задач, таких как систематизация основных положений концепции семантического поля, разработка пошаговой процедуры реконструкции текстового семантического поля и определения его структуры; изучение возможных способов языковой репрезентации концепта, являющегося ядром текстового семантического поля; анализ на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» контекстных ассоциатов, входящих в текстовое семантическое поле ‘страх’; выявление взаимодействия текстового семантического поля ‘страх’ с другими полями, в частности, с семантическим полем ‘смех’.

С целью верификации обозначенных в работе теоретических положений осуществлена реконструкция семантического поля ‘страх’ в тексте романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Проведённое исследование позволило сделать некоторые выводы теоретического и практического характера, из которых наиболее важными представляются следующие: многие материализованные в текстах писателя понятия, базовые для русской языковой картины мира, к которым относится, например, концепт ‘страх’, «эмоция эмоций», безусловно являющийся ключевым в структуре языковой личности Ф.М. Достоевского, остались за

пределами внимания учёных. Существует несомненная связь концепта с определёнными идиоглоссами – лексическими единицами, характеризующими авторский идиостиль, в связи с чем возникает необходимость проследить соотношение таких терминов, как «идиоглосса», «идеоглосса», «сквозное слово», «ключевое слово», «тематическое слово» и некоторых других. Наиболее релевантными для решения задач нашего исследования являются понятия «идиоглосса» и «идеоглосса». Для изучения способов языковой репрезентации концепта в текстовом семантическом поле необходимо учитывать разноплановый языковой материал – само слово, обозначающее ядерный концепт; текстовые ассоциативные связи данного слова; вхождение ядерного слова-концепта в различного типа когнитивные языковые единицы (метафоры, фразеологизмы, высказывания афористического типа и т. д.) и др.

Текстовое семантическое поле, основной способ материализации концепта, имеет структуру, аналогичную структуре лексико-семантического поля, оно, таким образом, характеризуется наличием ядра, центра и периферии. С целью структурирования текстового семантического поля было предложено использовать категорию семантического гештальта, под которым понимается структура, образованная в соответствующем ассоциативном поле, т. е. в ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента. Структура такого рода отражает семантическую организацию между словами-реакциями на слово-стимул. В семантическом гештальте обнаруживаются понятийные зоны, позволяющие соотнести его с конкретными концептами и таким образом проследить возможности пересечения различных текстовых семантических полей, т. е., в конечном итоге, подойти к конструированию авторского тезауруса. Определение состава текстового семантического поля возможно путём группировки текстовых ассоциатов по их семантической близости. В

результате разработана процедура «заполнения» структуры семантического гештальта в текстовом семантическом поле ‘страх’ в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

В работе определены способы языковой репрезентации концепта ‘страх’, являющегося ядром соответствующего текстового семантического поля. При этом предпринимались следующие шаги: прослежена этимология слова *страх*, материализующего ядро семантического поля; выявлен состав словообразовательного гнезда с вершиной *страх*; проанализированы паратаксис и гипотаксис слова *страх*, т. е. его подчинительные и сочинительные связи; обозначены наиболее типичные текстовые ассоциации к слову *страх*; доказана концептуальная значимость лексемы *страх*; проанализированы контексты, в которых употребляется слово *страх*, в первую очередь его паратаксис и гипотаксис в тексте романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского.

Важным результатом проведённого исследования является то, что в нём предложены способы визуализации текстового семантического поля посредством использования компьютерных технологий. Внимание обращалось в первую очередь на такой способ, как построение графика, отражающего распределение единиц семантического поля ‘страх’ в тексте романа «Преступление и наказание». Проведена интерпретация построенного графика, в том числе показана возможность определения текстовых ассоциатов через анализ обозначенных на графике вершин. Визуализация ТСП наглядным образом показывает области пересечения различных семантических полей. В качестве иллюстрации такой возможности проведено сопоставление текстового семантического поля ‘страх’ с полями ‘смех’, ‘смерть’, ‘неопределённость’, ‘неожиданность’, ‘степень’ и ‘желание’. Наложение графиков для концептов

‘страх’ и ‘смех’ фиксирует их взаимосвязь, несомненно актуальную для семантического пространства романа «Преступление и наказание».

Практическая ценность проведённого исследования заключается в том, что его результаты могут быть внедрены в учебный процесс, в преподавание различных курсов, связанных с лексикологией, стилистикой художественного текста и др. Очевидна также возможность использования полученных данных в лексикографической практике, например, при конструировании тезауруса Ф.М. Достоевского.

Перспективы работы мы видим в расширении её исследовательской базы, в привлечении нового материала, а также в верификации полученных данных посредством использования различных методов, в том числе связанных с применением компьютерных технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ТИПОГРАФСКИХ ЗНАКОВ

Сокращения, используемые для названий словарей и электронных собраний ресурсов

БТСС – «Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание» под ред. Л.Г. Бабенко

БЭС – «Большой энциклопедический словарь» под гл. ред. А.М. Прохорова

ДАЯРП – «Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2» А.Я. Шайкевича, В.М. Андрущенко, Н.А. Ребецкой

КПС – «Краткий психологический словарь» Л.А. Карпенко

ЛЭС – «Лингвистический энциклопедический словарь» под ред. В.Н. Ярцевой

МАС – «Словарь русского языка в четырёх томах» под ред. А.П. Евгеньевой

НКРЯ – Национальный корпус русского языка

НОСС – «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» под общ. рук. Ю.Д. Апресяна

ПСЛТ – «Полный словарь лингвистических терминов» Т.В. Матвеевой

РАС – «Русский ассоциативный словарь» Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой

РИС – «Русский идеографический словарь» под ред. Н.Ю. Шведовой

СА – «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой

СБ – «Словарь-тезаурус прилагательных русского языка» под общ. ред. Л.Г. Бабенко

СД – «Толковый словарь живаго великорусскаго языка» В.И. Даля

СДД – «Толковый словарь русского языка» Д.В. Дмитриева

СДРЯ – «Материалы словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ» И.И. Срезневского

СЕ – «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой

СК – «Этимологический словарь русского языка» Г.А. Крылова

СКТ – «Краткий словарь когнитивных терминов» Е.С. Кубряковой

СЛ – «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В.В. Лопатина и И.С. Улуханова

СЛТ – «Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило

СЛШ – «Этимологический словарь современного русского языка» А.П. Шапошникова

СО – «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова

ССА – «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова

ССАГ – «Словарь синонимов и антонимов современного русского языка» под ред. А.С. Гавриловой

ССРЯ – «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой

ССРЯА – «Словарь синонимов русского языка» З.Е. Александровой

СТ – «Словообразовательный словарь русского языка» А.Н. Тихонова

СУ – «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова

СФ – «Этимологический словарь русского языка: в 4 т.» М. Фасмера

СШ – «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского

СЭС – «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под ред. М.Н. Кожинной

СЯД – «Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий»

ФСРЛЯ – «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Фёдорова

ЭСЛТиП – «Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий» под общ. ред. А.Н. Тихонова и Р.И. Хашимова

ЭСП – «Этимологический словарь русского языка» А. Преображенского

Сокращения, используемые в «Словаре языка Достоевского. Идиоглоссарий»

АВТН – зона автонимного употребления слова комментария словарной статьи

АССЦ – зона ассоциативного окружения слова комментария словарной статьи
АФРЗ – зона употребления слова в составе афоризма комментария словарной статьи
ИГРВ – зона игрового употребления слова комментария словарной статьи
ИРОН – зона иронического употребления слова комментария словарной статьи
КОМБ1 – зона использования в одном контексте двух или несколько текстоформ с разными значениями комментария словарной статьи
КОМБ2 – зона использования в одном контексте нескольких слов того же словообразовательного гнезда комментария словарной статьи
МРФ – зона морфологических особенностей употреблений слова комментария словарной статьи
НРЗН – зона неразличения значений комментария словарной статьи
НСТ – зона нестандартной сочетаемости слова комментария словарной статьи
СЛБР – зона словообразовательного гнезда комментария словарной статьи
СМВЛ – зона символического употребления слова комментария словарной статьи
СЧТ1 – зона подчинительных связей слова комментария словарной статьи
СЧТ2 – зона сочинительных связей слова комментария словарной статьи
ТРП – зона тропеического употребления слова комментария словарной статьи
ЧЖР – зона использования слова в чужой речи комментария словарной статьи

Сокращения терминологических сочетаний

АП – ассоциативное поле
ЛЕ – лексическая единица
ЛСВ – лексико-семантический вариант
ЛСГ – лексико-семантическая группа
ЛСП – лексико-семантическое поле
СГ – семантический гештальт
СП – семантическое поле
ТАП – текстовое ассоциативное поле
ТСП – текстовое семантическое поле
ХТ – художественный текст
ЯКМ – языковая картина мира

Основные виды используемых кавычек и специальные знаки

В диссертации используются следующие типы кавычек:

- французские кавычки («ёлочки»)
- английские двойные кавычки («лапки», для обозначения кавычек внутри кавычек)
- английские одиночные кавычки (марровские кавычки, для выделения значения какого-либо слова или словосочетания, а также для наименования концепта или семантического поля)

Вертикальная черта (|) в цитатах из произведений Ф.М. Достоевского означает то, что следующее после неё предложение начинается с нового абзаца.

Список использованной литературы

Научные источники

1. *Абрамов В.П.* Семантические поля русского языка. М.: Краснодар, 2003. – 338 с.
2. *Азаренко Н.А.* Особенности метафоризации художественного пространства в романах Ф.М. Достоевского // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 5–6(39–40). С. 187–190.
3. *Азаренко Н.А.* Метафора цвета как объективатор концепта *бесовщина* в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1(38). С. 10–14.
4. *Азаренко Н.А.* Реализация метафоры «любовь есть страдание» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Известия ТулГУ. Вып. 1. 2014. С. 279–285.
5. *Акимова С.А.* Лексико-семантическое поле «единство» в индивидуальной языковой системе Ф.М. Достоевского (на материале романа «Братья Карамазовы») // Теория языкознания и русистика: наследие В.Н. Головина. Нижний Новгород, 2001. С. 12–14.
6. *Акованцева Н.В.* Ассоциативное поле как особый вид лексической группировки (на материале экспериментального исследования ассоциативного поля «отдых / отдыхать»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. – 24 с.
7. *Алексеев А.А.* Трансформация стереотипа падшей женщины в концепции романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (образ Софьи Мармеладовой) // Вестник ШГПУ. 2015. № 4(28). С. 107–111.
8. *Андреева С.М., Андреева А.М., Безуглова О.В.* Фразеологические единицы эмоционального концепта «страх» в русском и в английском языках // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 7. С. 88–92.
9. *Анненский И.* Достоевский в художественной идеологии // Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 181–198.
10. *Антоний (Храповицкий).* Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться. М.: РИФШкола «Слово», 1998. – 193 с.
11. *Апостолов Н.Н.* Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский // Лев Толстой и его спутники. М.: Изд. комиссии по ознаменованию столетия со дня рождения Л.Н. Толстого, 1928. С. 131–155.
12. *Арденс Н.Н.* Достоевский и Толстой. М.: Минист. просв. РСФСР, 1970. – 373 с.
13. *Аристова С.А.* Детская тема в творчестве Ф.М. Достоевского и Н.В. Гоголя: сопоставительный анализ // Филологические науки. Вопросы теории и практик. 2022. Т. 15. Вып. 4. С. 1003–1009.
14. *Арустамова А.А.* Ф.М. Достоевский vs. Н.Г. Чернышевский: полемика о Новом Свете и русском человеке // Русская словесность в поисках национальной идеи. Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2007. С. 133–137.
15. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
16. *Архангельская Ю.В.* Синтаксис Л.Н. Толстого как реализация «Приёма затруднённой формы» в аспекте своеобразия языковой личности писателя (на материале публицистики) // Вестник НовГУ. 2015. № 87. Ч. 1. С. 138–141.
17. *Архипова А.В.* Достоевский и Карамзин // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 5. Л.: Наука, 1983. С. 101–112.
18. *Архипова А.В.* Достоевский и Адам Мицкевич // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 11. Л.: Наука, 1994. С. 13–27.
19. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
20. *Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.* Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. – 496 с.

21. *Бадалова Е.Н.* Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Идиот»: Дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2017. – 180 с.
22. *Балашова Л.В.* Место метафоры в репрезентации концептов (на материале концепта «сосед») // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 131–136.
23. *Балли, Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во ин. лит-ры, 1955. – 416 с.
24. *Бамбуляк Г.В.* К спорам о концепции полифонического романа Достоевского // Художественное целое как предмет типологического анализа. Кемерово: КГУ, 1981. С. 22–33.
25. *Баранов А.Н.* Служебные слова как объект исследования авторской лексикографии (по крайней мере vs. по меньшей мере в художественных текстах Ф. М. Достоевского) // Слово Достоевского / Под ред. Ю. Н. Караулова. Е. Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 1996. С. 110–137.
26. *Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Фатеева Н.А.* Идиостиль Ф.М. Достоевского: направления изучения // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 374–389.
27. *Баранова О.М.* Концепт «литература» в переписке И.С. Тургенева и Ф.М. Достоевского // Проблемы и исторической поэтики. Т. 18. 2020. № 4. С. 164–185.
28. *Баршт К.А.* О концепте почва в трудах старших славянофилов и в творчестве Ф.М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2022. 19(1). С. 4–28.
29. *Батурина Е.Н.* Роль ключевых слов в семантической структуре художественного текста (на материале текста романа «Преступление и наказание Ф.М. Достоевского»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. – 22 с.
30. *Батурина Е.Н.* Концепт *хозяйка* в одноименной повести Ф.М. Достоевского // Вопросы русской литературы. 2018. № 4. С. 59–68.
31. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 1963. – 308 с.
32. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Худ. лит-ра, 1975. С. 234–407.
33. *Белов С.В.* Достоевский и Лермонтов // Русская литература XIX века. Вопр. сюжета и композиции. II Межвуз. сб. Горький: Изд-во ГГУ, 1975. С. 128–134.
34. *Белопольский В.Н.* Достоевский и философская мысль его эпохи: Концепция человека. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1987. – 207 с.
35. *Белый А.* Трагедия творчества. Достоевский и Толстой. М.: Мусагет, 1911. – 46 с.
36. *Беляева Л.В.* Голос автора и голос героя в необычных словах Достоевского // Пушкинские чтения, 2015. С. 304–333.
37. *Бибихин В.В.* Внутренняя форма слова. СПб.: Наука, 2008. – 420 с.
38. *Благой Д.Д.* Достоевский и Пушкин // Достоевский – художник и мыслитель: Сб. ст. М.: Худож. лит., 1972. С. 413–417.
39. *Боборыкина Т.А.* В поиске визуальной метафоры: Достоевский на языке балета и кино // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2019. № 34. С. 5–18.
40. *Бобрышева И.А.* Семантическое поле «пустота» в идиолекте М.И. Цветаевой: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013. – 180 с.
41. *Богин Г.И.* Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текста: Дисс. ... доктора филол. наук. Ленинград, 1984. – 354 с.
42. *Бокова О.А.* Отражение русской ментальности в идиостиле Ф.М. Достоевского (на материале языка романов «великого Пятикнижия»): Дисс. ... канд. филол. наук. Липецк, 2015. – 229 с.
43. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: ассоциативные нормы как фактор текстообразования // Вестник ТГПУ. Коммуникативная стилистика текста. 2014. № 9(150). С. 32–39.

44. *Бонола А.* Семантико-прагматический потенциал слова вдруг в русском языке и его перевод на итальянский: контрастивный анализ на основе параллельного русско-итальянского корпуса // Вестник НГПУ. 2016. № 2(30). С. 24–37.
45. *Брагина А.О., Шмутьская Л.С.* Вербализация концепта «старость» в произведениях И.С. Тургенева // Казанский вестник молодых учёных. Педагогические науки. 2019. № 5. Т. 3. С. 29–32.
46. *Буданова Н. Ф.* Достоевский и Тургенев: Творческий диалог. Л.: Наука, 1987. – 198 с.
47. *Булгакова Н.О., Седельникова О.В.* Портрет Ставрогина: к вопросу об особенностях идиостиля Ф.М. Достоевского в романе «Бесы» // Вестник науки Сибири. 2015. Спецвыпуск 15. С. 235–239.
48. *Булгакова Н.Ю., Седельникова О.В.* Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.
49. *Булгакова Н.О., Седельникова О.В.* Концепт «бесовство» на пространственно-временном уровне романа Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2021. № 70. С. 212–232.
50. *Бурсов Б.И.* Толстой и Достоевский // Вопр. литературы. 1964. № 7. С. 66–92.
51. *Ван На.* Текстовое семантическое поле как объект и метод исследования художественного текста (на материале романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо»): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2021. – 122 с.
52. *Варзин А.В.* Способ аргументации как характеристика языковой личности (дискурс героя «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского) // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 4. С. 205–208.
53. *Варзин А.В.* Боль: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 2. С. 436–453.
54. *Васильев Л.М.* Теория семантических полей // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
55. *Вежбицкая, А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
56. *Векшина А.* Приёмы комической риторики в повестях Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон» // Рус. филология. 2008. № 19. С. 46–51.
57. *Виноградов В.В.* О задачах стилистики. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сб. ст. под ред. Л.В. Щербы. Петроград: Фонетич. ин-т практич. изучения языков, 1923. С. 195–296.
58. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Москва; Ленинград: Academia, 1935. – 455 с.
59. *Виноградов В.В.* Стиль Пушкина. М.: Гослитиздат, 1941. – 620 с.
60. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1959. – 655 с.
61. *Виноградов В.В.* Избранные труды. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. – 360 с.
62. *Виноградов В.В.* Идиолект // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1998. С. 144–145.
63. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под. ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.
64. *Власова Е.А.* Функции интертекстуальной аллюзии на «Записки из Мёртвого дома» Ф.М. Достоевского в произведении С.Д. Довлатова «Зона. Записки надзирателя» // Вопросы русской литературы. 2019. № 2(48/105). С. 47–52.

65. *Вознесенская М.М.* Муха под микроскопом русской литературы (Достоевский vs Толстой, Салтыков-Щедрин, Тургенев, Гончаров) // Коммуникативные исследования. 2021. Т. 8. № 4. С. 825–850.
66. *Вовенарг, Люк де Клапье.* Введение в познание человеческого разума. Фрагменты. Критические замечания. Размышления и максимы / изд. подг. Н.А. Жирмунская и др.; пер. Ю.Б. Корнеева, Э.Л. Линецкой. Ленинград: Наука, 1988. – 437 с.
67. *Волгина О.В.* Достоевский против Лескова: разоблаченный аноним («Чужая речь» в «Дневнике писателя») // Слово Достоевского. 2000: Сб. ст. / под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 42–55.
68. *Волкова Е.А.* «Дневник писателя» как отражение исторической концепции Ф.М. Достоевского // Вестник РГУ им. С.А. Есенина. 2016. № 4(53). С. 15–22.
69. *Волкова Е.П., Хамшиовски С.А.* Лексические средства выражения модального значения необдуманности действия в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 7–12.
70. *Волошин М.* Пророки и мстители. Предвестия Великой революции // Перевал, 1906. Ноябрь. № 2. С. 12–27.
71. *Вольнский А.Л.* Толстой и Достоевский // Борьба за идеализм: Критические ст. СПб.: Типогр. М. Меркушева, 1900. С. 493–542.
72. *Вотякова И.А.* Концепт «страх» в русском языке // Вестник Удмуртского ун-та. История и филология. 2014. Вып. 4. С. 179–183.
73. *Гажева И.Д.* «Кроткая» Ф. Достоевского и «Барьер» П. Вежинова: опыт системно-компаративного прочтения // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 180–217.
74. *Гак В.Г.* Об относительности лексикологических категорий в лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике: Сб. ст. под ред. П.Н. Денисова и В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1978. С. 13–24.
75. *Гингер, С.* Гештальт: искусство контакта / пер. с. англ. Т.А. Ребеко. М.: Академический Проект; Культура, 2010. – 191 с.
76. *Гинзбург Е.Л.* Идиоглосса: к вопросу о выразительности контекста // Слово Достоевского. 2000: Сб. ст. под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга / М.: Азбуковник, 2001. С. 324–353.
77. *Головачёва Е.А., Седельникова О.В.* Концепт «семья» в смысловой структуре и поэтике романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Учёные записки Петрозаводского гос. ун-та. 2020. Т. 42. № 3. С. 8–18.
78. *Гордеев Д.И.* Современные методы анализа состояния «агрессия» в письменных текстах // Вестник МГЛУ. 2016. Вып. 15(754). С. 47–54.
79. *Городецкий Б.Ю.* К проблеме семантической типологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 564 с.
80. *Григорьев В.П.* Грамматика идиостиля: В. Хлебников. М.: Наука, 1983. – 225 с.
81. *Григорьева О.Н., Цзян Нань.* Лексико-семантическая группа «город» в современных российских массмедиа // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 31–38.
82. *Гроссман Л.П.* Достоевский – художник // Творчество Достоевского: Сб. ст. М.: изд-во АН СССР, 1959. С. 330–416.
83. *Денисенко В.Н., Романова И.А.* Содержание и структура ядра и приядерной зоны лексико-семантического поля «межличностные отношения» на материале Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. № 3. С. 625–639.
84. *Денисова Т.А.* «Вечно женственное в русской душе»: особенности репрезентации концепта «мужчина» в рассказе Ф.М. Достоевского «Мужик Марей» // Вестник ТГУ. 2006. Вып. 2(42). С. 261–263.

85. *Дергачева И.В.* Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф.М. Достоевского // Новый исторический вестник. 2021. № 2(68). С. 174–183.
86. *Джаубаева Ф.И., Штайн К.Э.* Особенности формирования языковой личности и речевого поведения русского писателя Л.Н. Толстого в процессе семейного воспитания и образования // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. № 3. С. 146–151.
87. *Донина О.В.* Исследование лексики текстов жанра 2.0 методами количественной и корпусной лингвистики (на примере текстов Инстаграм) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 25–33.
88. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 6. Ленинград: Наука, 1973. – 423 с.
89. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в пятнадцати томах. Т. 15. Письма 1834–1881. СПб: Наука, 1996. – 861 с.
90. *Дубин П.П., Назин А.С.* Применение программ визуализации данных в ракурсе диахронического сопоставления британского политического дискурса XX и XXI веков (на материале ориентационных метафор) // Политическая лингвистика. 2021. № 4(88). С. 35–45.
91. *Душенко К.В.* Был ли Достоевский крестным отцом слова «стусеваться»? // Вестник культурологии. Теория и история словесных форм художественной культуры. 2019. № 4(91). С. 90–96.
92. *Ерофеева И.В., Сафонова С.Г.* Репрезентация концепта «богатство» адекватными образованиями в языке произведений Ф.М. Достоевского // Филология и культура. 2017. № 1(47). С. 16–24.
93. *Ерохина Ю.В.* Цветовое конструирование действительности в романе Достоевского «Преступление и наказание»: семантика бледного цвета // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 5. № 3. С. 140–158.
94. *Ефимов А.И.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
95. *Ефимова Т.В., Артемова О.Г.* Альтернативный способ визуализации содержания текста // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 103–114.
96. *Живолупова Н.В.* Концепция мистической женственности – идеальной и хтонической – в романе Достоевского «Преступление и наказание» и повести «Хозяйка»: сюжет и жанр // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2011. № 6–2. С. 176–180.
97. *Зайкина С.В.* Страх // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. I. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 247–268.
98. *Залогина Е.М.* Языковая личность: лингвистический и психологический аспекты: на материале романа «Бесы» и «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2004(а). – 180 с.
99. *Залогина Е.М.* Концепт «Человек» в лексической структуре ТАСП «Универсальные этические понятия и категории» «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь; Пятигорск, 2004(б). Вып. 2. С. 230–234.
100. *Захаров В.Н.* Слово и курсив в «Преступление и наказание» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.
101. *Захарова Е.В.* Гештальт-терапия: деконструкция в диалоге // Вестник СамГУ. 2009. № 5(71). С. 9–14.
102. *Захарова О.В.* Концепция былины у Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2015. № 13. С. 271–286.
103. *Захаренко И.В., Нестерова Н.Б.* Представления о «страхе» в русской лингвокультуре (по данным проведенного эксперимента) // Язык, сознание, коммуникации: Сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2012. Вып. 44. С. 54–62.

104. *Зверева К.В.* Ритм малой прозы Ф.М. Достоевского (на примере рассказа «Мужик Марей») // Наука, образование и культура. Серия: Филологические науки. 2017. № 1(16). С. 34–36.
105. *Зелянская Н.Л.* Законы построения биографии творца, или О гранях концепта «творчество» (на материале биографического текста Ф.М. Достоевского 1840-х гг.) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. Оренбург, 2004. № 11. С. 75–82.
106. *Зябрева Г.А.* Концепт «Крым» в творческом сознании Ф.М. Достоевского // Учёные записки Крымского федерального ун-та имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2018. Т. 4(70). № 3. С. 3–13.
107. *Иваницкая Е.Н.* Роль сравнения в создании речеобраза (на материале романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» – речи прокурора и защитника) // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону, 1992. Вып. 2. С. 69–72.
108. *Иванцова Е.В.* О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник ТГУ. Серия: филология. 2010. № 4(12). С. 24–32.
109. *Иванчикова Е.А.* Пушкин и Достоевский: «мышление литературными стилями» // Слово Достоевского. 2000: Сб. ст. под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 32–41.
110. *Инютина Л.А.* История русского языка в западной Сибири XVII–XVIII вв.: концептуализация пространства: Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Томск, 2012. – 50 с.
111. *Исина Г.И.* К проблеме вербализации религиозных концептов // The scientific heritage. 2021. № 60. С. 63–65.
112. *Истомина Н.Ф.* Концепт «бесы» в одноимённом романе Ф.М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2002. – 23 с.
113. *Исупов К.Г.* О двух концептах эстетики Достоевского («Слезы Мира» и «Детское») // Семиозис и культура. Сыктывкар, 2010. Вып. 6. С. 184–191.
114. *Кавацца А.* Ф.М. Достоевский и А.С. Хомяков: сравнение на расстоянии // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 123–148.
115. *Кавацца А.* Семантика и функция афоризма «Победи себя и победишь мир» в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2020. Т. 18. № 3. С. 113–128.
116. *Калашников В.Г.* Контекстный подход к литературоведению: Достоевский и психоанализ // Образование и науки. 2016. № 8(137). С. 155–172.
117. *Капустина С.В.* Концепт «беспорядок» в поле нехудожественных ретрансляций Ф.М. Достоевского // Вопросы русской литературы. 2015. № 2. С. 217–233.
118. *Капустина С.В.* Концепт «беспорядок» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3(15). С. 76–97.
119. *Капустина С.В.* Город как экспликант базисных концептов романа Ф.М. Достоевского «Подросток» // Слово.ру: Балтийский акцент. 2022. Т. 13. № 4. С. 124–141.
120. *Карасёв Л.В.* О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90–111.
121. *Карасёв Л.В.* Символические схемы в художественном тексте (эстетико-герменевтический анализ): Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. М., 2007. – 41 с.
122. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1976. – 354 с.
123. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. – 367 с.
124. *Караулов Ю.Н.* Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: XIII Междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: Тез. докл. М.: Сов. писатель, 2000. С. 107–108.

125. *Караулов Ю.Н.* Предисловие // Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. С. 5–9.
126. *Караулов Ю.Н.* Об «Идиоглоссарии Достоевского» // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 40–45.
127. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.
128. *Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ. Новый подход к интерпретации художественного текста // Слово Достоевского 2014. Идиостиль и картина мира. М.: ЛЕКСПРУС, 2014. С. 61–88.
129. *Караулов Ю.Н.* Общая и русская идеография / отв. ред. С.Г. Бархударов. Изд-во стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 360 с.
130. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Homo ridens // Слово Достоевского. М., 1996. С. 160–186.
131. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Вып. первый. Предисловие. М.: Азбуковник, 2001. С. IX–LXIV.
132. *Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В.* От словаря идиоглосс к словарю-тезаурусу // Язык: поиски, факты, гипотезы: Сб. ст. к 100-летию Н.Ю. Шведовой. М.: ИРЯ РАН, 2016. С. 651–665.
133. *Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В.* От словаря писателя к познанию его мира: о некоторых базовых концептах в творчестве Ф.М. Достоевского // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 4(45). С. 16–22.
134. *Карустина С.В.* Концепт «беспорядок» в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3(15). С. 76–97.
135. *Касаткина Т.А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф.М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле». М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 480 с.
136. *Касаткина Т.А.* Введение // Достоевский и XX век. / под ред. Т.А. Касаткиной. В 2-х томах. Т. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 3–9.
137. *Каспрук Д.И.* Антропологические аспекты сопоставительного исследования лексики на примере семантического поля «Fitness»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. – 213 с.
138. *Каухчишвили Н.М.* Орнитологические метафоры и сравнения у Ф. М. Достоевского // Лотмановский сборник. М., 2004. № 3. С. 327–339.
139. Книга о грамматике / под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. – 648 с.
140. *Ковалёв О.А.* Стратегия неопределённости в творчестве Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2011. № 2. С. 7–17.
141. *Кожневникова Н.А.* Сквозные слова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Слово Достоевского: Сб. ст. М.: Азбуковник, 2001. С. 146–171.
142. *Козленко П.В.* Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в идиостиле Фёдора Михайловича Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. – 216 с.
143. *Козлов А.Е.* Проспективный смысл слова *катастрофа* в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2015. № 2(24). С. 183–191.
144. *Козлова А.Л.* Образ ребёнка в творчестве Достоевского: возникновение концепта детства в русской мысли // Дни аспирантуры РГГУ. М., 2010. Вып. 4. С. 257–261.

145. Колесникова С.М. Контекстные и семиотические способы репрезентации «русской души» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник МГОУ. 2021. № 3. С. 19–29.
146. Колесникова С.М., Бурская Е.А., Шаталова О.В., Леденёва В.В. Средства репрезентации идиоглосс «дети», «семья», «жизнь» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2021. № 1. Т. 20. С. 47–62.
147. Колоухов А.А. О лингвистических подходах к исследованию языковой личности // Молодой учёный. Серия: Филология, лингвистика. 2019. № 25(263). С. 453–455.
148. Конкина Н.Р. Текстовое ассоциативное поле пространственного предела (на материале «Словаря языка Достоевского») // Rhema. Рема. 2019. № 1. С. 20–35.
149. Константинова С.К. Вербализация концепта «время» в лирике А.А. Фета // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2009. № 2(10). С. 62–69.
150. Косериу, Э. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 93–104.
151. Косых Е.А., Тушина Е. Концептосфера князя Мышкина (анализ языковой личности в произведениях Ф.М. Достоевского) // Культура и текст. 2011. № 12. С. 389–394.
152. Котюрова М.П. Идиостиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 95–99.
153. Кошелева О.Д. Курсив в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Дергачёвские чтения–2018. Литература регионов в свете гео- и этнопоэтики: Материалы XIII Всероссийской науч. конф. (Екатеринбург, 18–19 октября 2018 г.). Екатеринбург, 2019. С. 136–141.
154. Красовский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
155. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
156. Кропотова Л.В. Лексикографические аспекты полисемии // Вестник ВятГУ. Серия: филологические науки. 2006. № 14. С. 107–109.
157. Кузнецова Е.Г. Концепт «провинция» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // XI Пушкинские чтения. СПб., 2006. Т. 1. С. 143–145.
158. Кукуева А.А., Сумская М.Ю. Вопросы историософии в евразийской концепции Ф.М. Достоевского // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1. Т. 11. С. 76–80.
159. Кукушкина О.В. Язык Пушкина: лексикографические этюды // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. 2015. № 6. С. 30–34.
160. Кулакова О.А. Религиозный и дуалистический аспект концепта «мысль» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Н. Новгород, 2010. С. 201–202.
161. Курган М.Г. Дантовская концепция ада в творческой перцепции Ф.М. Достоевского // Имагология и компаративистика. 2015. № 1(3). С. 160–176.
162. Курган М.Г. Концепт «итальянское» в перцепции Ф.М. Достоевского // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 408. С. 20–27.
163. Кустовская М.А. Концепция «Живой жизни» в творчестве Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2011. № 9. С. 169–179.
164. Кысылбаикова М.И., Максимова Н.Е. Метод Ю.Н. Караулова «семантический гештальт» для выделения ядра и периферий концепта «дружба» в языковом сознании носителей немецкого, английского и якутского языков (на примере якутского языка) // Филология. Серия: Социосфера. 2017. № 4. С. 108–111.
165. Кьеркегор, С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. – 248 с.

166. *Лаврова Н.Н.* Вербализация концепта «Работа» в пьесах А.П. Чехова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 330–333.
167. *Лаврова Н.Н.* Вербализация концепта «Совість» в прозе В.Г. Распутина // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 123–127.
168. *Лашов В.В.* Лев Шестов и Фёдор Достоевский // Аналитика культурологии. Раздел 2. Прикладная культурология. 2019. № 3(15). С. 126–139.
169. *Леденёва В.В.* Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: Московский пед. ун-т, 2000. – 185 с.
170. *Лелис Е.И.* Концепт ‘свобода’ в идиолекте А.П. Чехова (к вопросу о языковой личности автора) // Вестник Удмуртского ун-та. Серия история и филология. 2006. № 2. С. 79–86.
171. *Литинская Е.П.* Риторика и поэтика «Пушкинской речи» Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 2. Т. 19. С. 141–175.
172. *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. С. 281–287.
173. *Лобанова Н.А., Слесарева И.П.* Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Систематизирующий курс. Третий год обучения / под ред. доктора филол. наук, проф. В.Г. Гака. Изд. второе, испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. – 368 с.
174. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
175. *Ляпин С.Х.* Концептология: к становлению подхода // Язык и этнос: Российская лингвокультурология / отв. ред. С.Г. Воркачѳв, В.И. Карасик. Волгоград: Парадигма, 2012. С. 73–99.
176. *Ма Цзинян.* Визуализация текстового семантического поля ‘страх’ в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6(91). С. 389–392.
177. *Ма Цзинян.* Когда и почему смеѳтся Раскольников // Litera. 2021. № 11. С. 89–97.
178. *Ма Цзинян.* К вопросу о снятии многозначности слов *страшный* / *страшно*, *ужасный* / *ужасно* в текстах художественной прозы Ф.М. Достоевского // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 12/3. С. 153–157.
179. *Мазилев В.А.* Гештальтпсихология: исследование творческого мышления // Вестник ВолГУ. Серия 11. 2011. № 1(1). С. 80–89.
180. *Майер П.А.* Специфика функционирования метафор и мотивация их использования в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 25(67). С. 51–54.
181. *Манукян Г.В.* Концепт «красота» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1(843) С. 128–137.
182. Материалы словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ. Т. 3 (Р–Я и дополненія) / Труд И.И. Срезневскаго. СПб.: Типографія императорской академіи наукъ, 1912. – 1684 с.
183. *Махаев М.Р.* К проблеме методологических оснований реконструкции историсофской концепции Ф.М. Достоевского // Вестник ТГУ. Серия: Философия, социология, политология. 2012. № 364. С. 32–35.
184. *Мельниченко Н.П.* Метафорические переносы при описании отрицательных эмоций в идиостиле Ф.М. Достоевского // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2009. № 3. С. 85–89.
185. *Мельниченко Н.П.* Концепт «гнев» в идиостиле Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. – 213 с.

186. *Мельниченко Н.П.* Концепт «гнев» в идиостиле Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2009. – 213 с.
187. *Мережковский Д.С.* Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 903 с.
188. *Митина Е.А.* К вопросу о структуре лексико-семантического поля «Смерть» // Вестник ЧГПУ. Серия: Филология и искусствоведение. 2010. № 12. С. 291–302.
189. *Михайлов М.М.* Культура русской речи. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1966. – 216 с.
190. *Михайлова М.В.* Роль древнерусских добродетелей смирения и любви в формировании концепта «человек» в текстах Ф.М. Достоевского // Новый исторический вестник, 2021. С. 60–73.
191. *Михайловский Н.К.* Жестокий талант // Ф.М. Достоевский в русской критике: Сб. ст. М.: ГИХЛ, 1956. С. 306–385.
192. *Михеев М.Ю.* Средства выделения слова: повтор, кавычки, курсив («Преступление и наказание» Достоевского) // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах. М.: Индрик, 2010. С. 278–294.
193. *Мишенькина Е.В.* Лексика со световым компонентом в русском и английском языках (А.С. Пушкин «Евгений Онегин» и Дж.Г. Байрон «Паломничество Чайльд-Гарольда») // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 2. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 179–181.
194. *Москович В.А.* Статистика и семантика. М.: Наука, 1969. – 304 с.
195. *Муминов В.И.* Стилистические функции частиц в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»: Монография. Южно-Сахалинск: Изд-ва СахГУ, 2011. – 240 с.
196. *Муминов В.И.* Особенности употребления классификаторов неопределённости признака в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2016. Т. 26. № 6. С. 25–30.
197. *Мусаева Н.К.* Гештальтпсихологический подход в социальной работе // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: Психология. 2014. Т. 10. С. 51–57.
198. *Мухин М.Ю.* Авторская сочетаемость слов в романах И.А. Гончарова: сопоставительная стилометрия // Вестник Самарского ун-та. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26. № 4. С. 95–100.
199. *Нагорный И.А.* Структурно-позициональные и коммуникативные функции модально-сомнительных частиц в текстах произведений Ф.М. Достоевского // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 30–40.
200. *Некрасова А.В.* Лексико-семантическое поле «грехи / добродетели» в духовной прозе Н.В. Гоголя: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2021. – 20 с.
201. *Никандрова И.А.* Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа: на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Дисс. ... канд. филол. наук. Коломна, 2010. – 226 с.
202. *Никаноров С.А.* Энциклопедическая зона концепта «Женщина» в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2020. № 2(46). С. 220–229.
203. *Никаноров С.А.* Оценочная зона концепта «Женщина» в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Шадринского гос. пед. ун-та. 2020. № 4(48). С. 187–192.
204. *Николина Н.А.* Словообразовательные средства и стиль (на примере произведений Ф.М. Достоевского) // Рус. яз. в школе. 1991. № 5. С. 54–65.
205. *Николина Н.А.* Экспрессивные словообразовательные средства в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 41–47.
206. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка: Учеб. пособие. М.: Высш. школа, 1982. – 272 с.
207. *Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. Изд. 3-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 304 с.

208. *Новиков Л.А.* Эскиз семантического поля // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 2. С. 7–17.
209. *Новикова М.Л.* Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста (на материале произведений русских писателей): Дисс. ... доктора филол. наук. М.: РУДН, 2006. – 385 с.
210. *Опарина О.И.* Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 27. С. 26–35.
211. *Осокина Е.А.* Некоторые аспекты авторской фразеологии Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 2. С. 417–435.
212. *Осыка М.В.* Способы вербализации концепта «Пространство» // Вестник Иркутского гос. лингв. ун-та. 2009. № 3(7). С. 129–134.
213. *Отева К.Н.* Роман Ф.М. Достоевского «Идиот» в свете научно-философской рефлексии XX–XXI вв.: Смысл и ритм // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 143. С. 140–146.
214. *Пак Ын Чжон.* Лексико-семантические поля речи и звучания в лексической организации романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2001. – 206 с.
215. *Патиева М.М.* Вербализация концепта «свет/тьма» в творчестве И. Базоркина // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2015. № 6(39). С. 79–82.
216. *Петрова Е.Е., Рубцова С.Ю.* Вербализация концепта QUALITY TIME // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2019. № 62. С. 149–160.
217. *Плющ В.Н.* Своеобразие воплощения «детской» темы в рассказах «Маленький герой» Ф.М. Достоевского и «Роман» М. Горького // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. № 4. С. 129–136.
218. *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. – 381 с.
219. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебrenников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. С. 8–60.
220. *Потёмкина Е.В., Ружицкий И.В.* Паратакис и метафора (на материале тропеического употребления слова в текстах Ф.М. Достоевского) // Семиотика и критика (в печати).
221. *Пронина Е.В.* Лингвопоэтическое своеобразие фантастического рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2021. № 2(6). С. 101–108.
222. *Проскуряков М.Р.* Текстоброудующая функция фразеологических единиц (на материале романов Ф.М. Достоевского «Идиот» и «Бесы»): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995.
223. *Прохоров Г.С.* Художественная публицистика А.И. Герцена и Ф.М. Достоевского: Между риторикой и поэтикой // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2013. № 1(21). С. 114–119.
224. *Радбиль Т.Б.* Достоевский и Платонов (Идеологемы Старого и Нового времени) // Слово Достоевского. 2000: Сб. ст. / под ред. Ю.Н. Караулова и Е.Л. Гинзбурга. М.: Азбуковник, 2001. С. 132–145.
225. *Райхлина Е.Л., Лобанова Е.В.* Концепт «наказание» в картине мира православного верующего: опыт прочтения романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Сибирский филологический форум. 2019. № 3(7). С. 4–15.
226. *Ратушная Е.Р., Уткина А.В.* Модальные фразеологизмы субкатегории эмоционального отношения в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Курганского гос. ун-та, 2018. № 3(50). С. 7–10.

227. Ромашко Н.В., Орлов М.О. Страх в контексте философской рефлексии Рене Жирара // Общество: философия, история, культура. 2022. № 8. С. 21–25.
228. Рубцова Н.С. Концепция игры Ф.М. Достоевского в отечественном литературоведении: К постановке проблемы // Вестник Удмуртского ун-та. Серия: История и филология. 2013. Вып. 4. С. 33–37.
229. Руденко К.В. Специфика русской языковой личности Б. Акунина (на примере произведений фандоринского цикла) // Вестник АГУ. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2018. № 2(217). С. 98–102.
230. Ружицкий И.В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 3. С. 19–26.
231. Ружицкий И.В. Textoобразующая функция слова «вдруг» в произведениях Ф.М. Достоевского // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2011. № 3. С. 18–25.
232. Ружицкий И.В. О языке Достоевского // Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. № 9. С. 74–81.
233. Ружицкий И.В. О языке Достоевского // Научный вестник Воронежского гос. архитектурно-строительного ун-та. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. № 9. С. 74–81.
234. Ружицкий И.В. Афоризмы Достоевского // Русская речь. 2014. № 5. С. 30–37.
235. Ружицкий И.В. Афоризмы в политическом дискурсе Ф.М. Достоевского // Политическая лингвистика. 2015. № 1(51). С. 214–218.
236. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015. – 543 с.
237. Ружицкий И.В. Языковая личность Ф.М. Достоевского: лексикографическое представление: Дисс. ... доктора филол. наук. М., 2015. – 318 с.
238. Ружицкий И.В. Об идиоглосном статусе лексем *всечеловеческий* и *общечеловеческий* в текстах Ф.М. Достоевского // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. Электронное издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2015. С. 498–510.
239. Ружицкий И.В. Маска и маскарад у Ф.М. Достоевского // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2015. № 5(27). С. 38–45.
240. Ружицкий И.В. О «нелингвистичности» понятия «идиоглосса» // Современные проблемы авторской лексикографии / отв. ред. Л.Л. Шестакова. ИРЯ РАН: Сб. ст. М.: Аквилон, 2018. С. 35–41.
241. Ружицкий И.В. Игровая функция инвектив в текстах Ф.М. Достоевского // Уральский филол. вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. Вып. 29. С. 300–308.
242. Ружицкий И.В. Аттракционная функция слова «почти» в текстах Ф.М. Достоевского // Лингвистика креатива-5: Коллективная монография / под общ. ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2020. С. 113–124.
243. Ружицкий И.В. 'Страх' и 'смех' Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. С. 483–494.
244. Ружицкий И.В., Ма Цзинян. Семантическое поле 'страх' в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 48–58.
245. Ружицкий И.В., Ружицкая Э.А., Шепелева С.Н. Языковая личность Федьки-каторжника: индивидуальное и коллективное // Вопросы психолингвистики. 2015. № 25. С. 265–275.
246. Рылов А.С. История вербализации концепта «Спорт» // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6(2). С. 201–204.

247. Самарская Т.Б. Языковые средства создания идиостиля // Научный журнал КубГАУ. 2016. № 116(02). С. 1–10.
248. Самситова Л.Х., Ижбаева Г.Р., Шафикова Р.Р., Самситова Р.И. Семантическое поле концепта «Закон» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3(70). С. 416–419.
249. Сафонова С.Г. Концепт *богатство* в художественной картине повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Учёные записки Казанского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 5. С. 228–233.
250. Сафонова С.Г. Репрезентация концепта «Богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Филология и культура. 2015. № 3(41). С. 132–137.
251. Сафонова С.Г. Репрезентация концепта «Богатство» в романе Ф.М. Достоевского «Униженные и оскорблённые» // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 2. С. 152–158.
252. Сафонова С.Г. Языковая репрезентация концепта «богатство» в художественной прозе Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2017. – 188 с.
253. Семёнова Н.А. «Фразеология и её функции в романе Ф.М. Достоевского “Преступление и наказание”»: Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. М., 2004. – 18 с.
254. Семенова Н.А. Фразеология и её функции в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Дисс... канд. филол. наук. М., 2004. – 202 с.
255. Сербечная В.В. Уильям Блейк и Ф.М. Достоевский: История сопоставления // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 158–168.
256. Сергиева Н.С. «Человек» как единица ядра русского языкового сознания // Вопросы психолингвистики. Серия: Теоретические и методологические проблемы психолингвистики. 2007. № 6. С. 73–81.
257. Сердечная В.В. Уильям Блейк и Ф.М. Достоевский: история сопоставления // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 3(11). С. 158–168.
258. Скоропадская А.А. Латинская афористика в поэтике Ф.М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 131–149.
259. Скоропадская А.А. Латинский язык Достоевского // Неизвестный Достоевский. 2021. Т. 8. № 2. С. 34–47.
260. Скоропадская А.А. Медицинская латынь Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2021. Т. 3. № 4. С. 130–145.
261. Скуридина С.А. Из Мордасова в Духаново и обратно: Топонимическое пространство повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики, 2019. С. 171–179.
262. Смирнов Я.В. Средства репрезентации концепта «Жертва» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Вестник ТГПУ. Серия: Русская и зарубежная литература XIX века. 2016. № 3(168). С. 125–129.
263. Смылова О.Н. Метафора «золотой мешок» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского // Два века русской классики. 2022. Т. 4. № 1. С. 166–177.
264. Соловьёва А.Д. Отражение языковой личности В.М. Шукшина в фразеологическом словаре писателя // Проблемы истории, филологии, культуры. Серия: Языковая личность сквозь лексико-фразеологическую призму. 2009. № 2(24). С. 441–444.
265. Сороченко Е.Н. Текстовое семантическое поле «писательский труд» в повести К.Г. Паустовского «Золотая роза» // Альманах современной науки и образования. 2014. № 7(85). С. 123–125.
266. Старцева А.С. Языковая репрезентация концепта «страх» в произведениях Ф. Кафки. Дипломная работа. Бийск, 2014. – 62 с.
267. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Акад. проект, 2004. – 992 с.

268. *Степченкова В.Н.* Концепция Евангельской любви в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 96–104.
269. *Стерпин И.А.* Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 137 с.
270. *Стернина М.А.* Лексико-грамматическая полисемия в системе языка (опыт разработки интегральной теории полисемии): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2000. – 37 с.
271. *Суханова И.А.* Общие мотивы и языковые средства создания образов персонажей Пастернака и Достоевского // Верхневолжский филологический вестник. Серия: Русский язык. 2018. № 4(15). С. 120–126.
272. *Сушкова И.М.* Типы посессивного отношения, выражаемые предложениями со значением принадлежности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия: Языкознание. 2016. № 7–3(61). С. 156–159.
273. *Сыромятников О.И.* Концепт «демон» в творчестве Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского ун-та. Серия: Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 2. С. 121–131.
274. *Ташлыкова М.Б., Лемешко Ю.Р., Дмитриева Л.Ю.* Автоматизация и визуализация в сфере лингвистических исследований и лингводидактики (на материале базы данных «Лозунговый универсум эпохи XX–XXI вв.») // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык». Серия: Дискурс и текст: векторы исследования. 2021. № 2(29). С. 97–107.
275. *Темникова Н.Ю.* Фразеологические средства характеристики психических состояний героев в романах Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. – 211 с.
276. *Тихоненко О.Д.* Категория «идиолект», «идиостиль», «языковая личность» в методике их лингвистического описания в контексте изучения языка художественной литературы // Вестник КРСУ. Серия: Языкознание. Литературоведение. 2013. Т. 13. № 9. С. 159–164.
277. *Ткаченко О.Ю.* Лексико-семантическое поле моральной оценки и этическая структура художественного мира Ф.М. Достоевского: к проблеме творческой эволюции: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2011. – 428 с.
278. *Ткаченко О.Ю.* Риторическая полифония текста авторского предисловия в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Litera. Серия: Риторика. С. 207–214.
279. *Ткаченко О.Ю.* Структура лексико-семантического поля моральной оценки в легенде о Великом инквизиторе и Житии старца Зосимы (результаты статистического анализа лексики эпизодов романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология. 2010. Вып. 7(87). С. 178–184.
280. *Трип, Й.* Немецкая лексика понятийной области интеллектуальных свойств. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1931. – 347 с.
281. *Труфанова И.В.* Типология окказиональных фразеологизмов Ф.М. Достоевского: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1985. – 21 с.
282. *Тюрин В.Б.* Лексико-семантическое поле «родина» в лирике Н.М. Рубцова: Дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2017. – 211 с.
283. *Тютрина В.С.* Авторские сентенции в структуре языковой личности писателя (по произведениям Семёна Липкина) // Вестник КГУ. 2010. Т. 16. № 4. С. 142–145.
284. *Улуханов И.С.* Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977. – 256 с.
285. *Ульман С.А.* Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. Языковые универсалии / отв. ред. Б.А. Успенский. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.

286. Уффельманн Д. От риторики *tarsinosis* и *humilitas* через традицию древнерусского юродства к хриstopoэтике Достоевского («Идиот») // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1(17). С. 100–122.
287. Учелло И. Риторика судебная и идеологическая: уголовный процесс в трактовке Достоевского // Мир русского языка. Серия: Взаимосвязи литературы и языка. 2019. № 4. С. 48–54.
288. Ушакова Е.В. Вербализация концепта «угроза» в русском языке // Филология. Интерактивная наука. 2017. № 10(20). С. 37–38.
289. Ф.М. Достоевский в русской критике: Сб. ст. М.: ГИХЛ, 1956. – 471 с.
290. Фатеев А.Е. О языковой личности Владимира Набокова // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. № 14(69). С. 360–362.
291. Фатеева Н.А. К вопросу об изучении идиостиля Ф.М. Достоевского // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 1. С. 171–179.
292. Хажиева Г.Ф. Ритм прозы Ф.М. Достоевского (на примере «фантастического рассказа» «Сон смешного человека»): Дисс. ... канд. филол. наук. Бирск, 2009. – 186 с.
293. Халиков М.М. Полилингвизм художественного мира Ф.М. Достоевского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Серия: Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2021. Т. 23. № 76. С. 98–109.
294. Харина О.В. Правда, истина в романах Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. – 279 с.
295. Чернейко Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы её моделирования: учебное пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017. – 208 с.
296. Чернейко Л.О. «Вероятностный мир» языковой личности (применительно к анализу художественного текста) // Вопросы психолингвистики. Серия: Теоретические и экспериментальные исследования. 2020. № 3(45). С. 137–152.
297. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия: Филология. 1996. № 6. С. 20–41.
298. Черных С.М. Этико-правовая концепция Ф.М. Достоевского // Вестник ВГТУ. 2012. № 4. Т. 8. С. 114–117.
299. Чжан П., Захаров В.П. Компьютерная визуализация русской языковой картины мира // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8. № 1. С. 58–63.
300. Чинкова А.И. Достоевский в восприятии Андрея Белого // Достоевский. Материалы и исследования / отв. ред. Буданова Н.Ф., Архипова А.В. Т. 15. С. 132–164.
301. Чулкина Н.Л. «Обыденная дребедень» бедных героев Достоевского (материалы к «Словарю языка Достоевского: Идиоглоссарий») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 2. С. 390–416.
302. Чулкина Н.Л., Касымалиева К.Э. Идиоглоссарий как тип словаря писателя // Вестник РУДН. Серия: Теория языка, семиотика, семантика. 2015. № 3. С. 141–145.
303. Чусовитина Л.Н. Социально-этическая концепция Ф.М. Достоевского в «Дневнике писателя» 1876 г. // «Студент и науч.-технический прогресс». Филология: Материалы XXII Всесоюзной науч. студенч. конф. Новосибирск, 1984. С. 56–63.
304. Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870-х гг. Т. 2. М.: Изд. Дом ЯСК, 2016. – 848 с.
305. Шайрар Ю.Ю., Садченко В.Т. Эмотивные глаголы в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 5(83). С. 84–87.
306. Шаповалова Т.Е. После острога: пропозитивные модели в тексте повести Ф.М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома» // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2021. № 3. С. 59–64.
307. Шаропова Е.В. Окказиональные интенсификаторы в языке Ф.М. Достоевского // Фундаментальная наука вузам. 2015. № 4. С. 392–398.

308. *Шарапова Е.В.* Аномальная сочетаемость «общих» интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского // *Фундаментальная наука вузам.* 2016. № 3. С. 377–383.
309. *Шарапова Е.В.* Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф.М. Достоевского: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. – 229 с.
310. *Шарапова Е.В.* Интенсификаторы в идиостиле Ф.М. Достоевского: нестандартная сочетаемость и её семантические эффекты // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика.* 2021. № 2. С. 454–471.
311. *Шарапова Е.В.* Корпусные методы в исследовании идиостиля: *решительный/решительно* в языке Ф.М. Достоевского // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия: Языкознание.* 2021. Т. 18. № 2. С. 400–416.
312. *Шаталова О.В.* Классическая фразеология и грамматика как компонент языковой личности А.С. Пушкина // *Вестник КГУ.* 2017. Т. 23. № 3. С. 116–119.
313. *Шаталова С.А.* Лингвистические основы афористики и афоризмы в художественных текстах Ф.М. Достоевского: на материале романов «Бесы» и «Подросток»: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. – 256 с.
314. *Шафигуллина И.И.* Репрезентация концепта СТРАХ в современной лингвокультуре // *Вестник Казанского технологического ун-та. Серия: Гуманитарные и социально-экономические проблемы.* 2012. Т. 15. № 5. С. 227–229.
315. *Шведова Н.Ю.* Парадоксы словарной статьи // *Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: Сб. ст. / ин-т рус. яз.; отв. ред. Ю.Н. Караулов.* М.: Наука, 1988. С. 6–11.
316. *Шестакова Л.Л.* Русская писательская лексикография: Учебное пособие. М.: ГАСК, 2007. – 90 с.
317. *Шестакова Л.Л.* Черты идиостиля писателя в зеркале современного авторского словаря // *Труды Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова.* 2022. № 1(31). С. 370–381.
318. *Шестов Л.* Достоевский и Ницше // *Сочинения в двух томах.* Т. 1. Томск: Водолей, 1996. С. 317–464.
319. *Шитиков П., свящ., Никитина Т.Ю.* Евангельский концепт «жизнь вечная» в осмыслении Ф.М. Достоевского // *Христианское чтение.* 2021. № 4. С. 31–43.
320. *Шичкина М.Г.* Идиостиль в переводе: к постановке вопроса // *Молодой учёный.* 2016. № 14(118). С. 682–685.
321. *Шлемлёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. – 280 с.
322. *Шмакова В.В.* Идея свободы у Ф.М. Достоевского и С.Л. Франка // *Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение.* 2017. Вып. 72. С. 76–85.
323. *Шнякина Н.Ю.* О вербализации событийных концептов // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2015. Т. 7. № 5. Часть 2. С. 283–288.
324. *Щигарёва В.К.* Индивидуально-авторские фразеологические единицы в ранней прозе Достоевского (опыт статистического описания) // *Фразеология и контекст.* Самарканд, 1987. С. 99.
325. *Щигарёва В.К.* К изучению фразеологии произведений Ф.М. Достоевского // *Вопр. фразеологии.* Т. XI. Самарканд, 1977. С. 71–74.
326. *Щукин В.Г.* Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ленинград, 1978. – 18 с.
327. *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. – 256 с.
328. *Якушевич И.В.* Концепт и символ: когнитивно-семиологическое сопоставление // *Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы.* 2014. № 4. С. 28–34.
329. *Якушевич И.В.* Лексико-семантическая структура геометрических символов // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена.* 2012. № 149. С. 122–131.

330. Якушевич И.В. Семантическая структура символа “огонь”: опыт словарной статьи лексемы-символа // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2011. № 2. С. 28–33.
331. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft / Festschrift für W. Streiberg. Heidelberg, 1924. S. 200–237.
332. М.Ю. Mukhin. Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th-Century Prose: Ural Stylometric Project // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 13. № 12. С. 2027–2034.
333. Porzig, W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft. Bern: Francke, 1967. – 424 s.

Справочные издания

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1994. – 499 с. [ССА]
2. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. – 568 с. [ССРЯА]
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1996. – 608 с. [СА]
4. Бабенко Л.Г. Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики / Л.Г. Бабенко; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург; Москва: Кабинетный учёный, 2021. – 432 с.
5. Бабенко Л.Г. Большой толковый словарь синонимов русской речи. Идеографическое описание. 2000 синонимических рядов. 10 500 синонимов / под. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с. [БТСС]
6. Бабенко Л.Г. Словарь-тезаурус прилагательных русского языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. – 840 с. [СБ]
7. Бабенко Л.Г. Словарь-тезаурус синонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2008. – 446 с.
8. Большой толковый словарь русских глаголов / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 573 с.
9. Большой энциклопедический словарь / под гл. ред. А.М. Прохорова. М.: «Советская энциклопедия», 1993. – 1628 с. [БЭС]
10. Даль Вл. Толковый словарь живаго великорусскаго языка. Часть четвертая. Р–v. М.: Типография Т. Рись, у мясницкихъ воротъ, домъ воейкова, № 2, 1866. – 626 с. [СД]
11. Дмитриев Д.В. Толковый словарь русского языка: Ок. 7000 словар. ст.: Свыше 35000 значений: более 70 000 иллюстрат. примеров. М.: Астрель АСТ, 2003. – 1582 с. [СДД]
12. Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина. М.: Азбуковник, 2001. – 432 с.
13. Елистратов В.С. Словарь языка И.С. Тургенева. М.: Вече Москва, 2018. – 432 с.
14. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. [СЛТ]
15. Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь: В 2-х т. М.: ООО «Изд-во Астрель»; ООО «Изд-во АСТ», 2002. [РАС]
16. Краткий психологический словарь / сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. – 431 с. [КПС]
17. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. – 245 с. [СКТ]
18. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: «Аделант», 2014. – 512 с.

19. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с. [ЛЭС]
20. Лопатин В.В., Улуханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. – 812 с. [СЛ]
21. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с. [ПСЛТ]
22. Морковкин В.В. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь. М.: Русский язык, 1984. – 1167 с.
23. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе изд., испр. и доп. / под общ. рук. академика Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. – 1417 с. [НОСС]
24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с. [СО]
25. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 2 (П–С). М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. – 416 с. [ЭСП]
26. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2011. – 1615 с. [РИС]
27. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Ин-т. рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН; под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие, материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. общество. М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
28. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 3. П–Р. М.: Русский язык, 1987. – 752 с. [МАС]
29. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. Т. 4. С–Я. М.: Русский язык, 1988. – 800 с. [МАС]
30. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов / под ред. А.С. Гавриловой. М.: «Аделант», 2014. – 800 с. [ССАГ]
31. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ, 2011. – 688 с.
32. Словарь синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Изд-во Астрель»: «Изд-во АСТ», 2004. – 648 с. [ССРЯ]
33. Словарь синонимов: Справочное пособие / под ред. А.П. Евгеньевой. Ленинград: Наука, 1975. – 681 с.
34. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В.И. Чернышёва. Москва; Ленинград: Изд-во Академии Наук СССР, 1950–1965.
35. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I (А–В) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. – 962 с. [СЯД]
36. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. II (Г–З) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. – 1049 с. [СЯД]
37. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. III (И–М) / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. – 847 с. [СЯД]
38. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. IV (Н–По) / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 859 с. [СЯД]
39. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. V (По–С) / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2021. – 1225 с. [СЯД]
40. Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий (Т–Я) / под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. И.В. Ружицкий (в рукописи). [СЯД (Т–Я)]
41. Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. Т. I / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2001. – 510 с. [СЯД]

42. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, Наука, 2011. – 696 с. [СЭС]
43. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Ок. 145 000 слов. 2-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990. [СТ]
44. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. I, А–Кюрины. М.: гос. ин-т. «Советская энциклопедия», 1935. – 1562 с. [СУ]
45. Толковый словарь русского языка / гл. ред. проф. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков. Т. IV, С–Ящурный. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 1500 с. [СУ]
46. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза–Сят) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. – 832 с. [СФ]
47. *Шанский Н.М.* Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. Изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. – 542 с. [СШ]
48. *Шапошников А.К.* Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2010. Т. 1. – 584 с.; Т. 2. – 576 с. [СЛШ]
49. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / А.Н. Тихонов, Р.И. Хашимов, Г.С. Журавлева и др.; под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.Н. Хашимова. Т. 1. М.: ФЛИНТА, 2014. – 840 с. [ЭСЛТиП]
50. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. СПб.: Полиграфсервис, 2005. – 432 с. [СК]

Электронные ресурсы

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 5-е изд. М.: Русские словари, 1994. – 502 с.
<https://lexicography.online/synonymy/abramov/?ysclid=15p951jdcu97850135> [дата обращения: 23.01.2023].
2. *Аксёнова А.А.* Страх как онтологический феномен // Гуманитарные научные исследования. 2015. №. 12. <https://human.snauka.ru/2015/12/13608> [дата обращения: 23.01.2023].
3. *Виноградов В.В.* История слов: ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. Рос. акад. наук. Отд. лит. и яз. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1999. – 1138 с. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/773> [дата обращения: 23.01.2023].
4. Грамота.ру – справочный-информационный портал.
<http://gramota.ru/?ysclid=14vs4hkpzh694959870> [дата обращения: 23.01.2023].
5. *Евсеева Е.В.* Особенности репрезентации концепта «Страх» в рассказе Л.Н. Андреева «Красный смех». <https://mgpu-media.ru/issues/issue-24/plenary-report/features-representation.html> [дата обращения: 23.01.2023].
6. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/fc/slovar-209-39.htm#zag-113495> [дата обращения: 23.01.2023].
7. Карта слов и выражений русского языка. <https://kartaslov.ru/ассоциации-к-слову/страх> [дата обращения: 23.01.2023].
8. *Кравчук И.* Краткая история достоевдения. Часть первая.
<https://gorky.media/context/kratkaya-istoriya-dostoevedeniya-chast-pervaya/> [дата обращения: 23.01.2023].
9. Метафизическая природа феномена страха. Раскрытие основных понятий «страха» в работах С. Кьеркегора и З. Фрейда.
https://studbooks.net/898011/filosofiya/metafizicheskaya_priroda_fenomena_straha_raskrytie_o_snovnyh_ponyatij_straha_v_rabotah_s_kerkegora_i_z_freyda [дата обращения: 23.01.2023].
10. Методы неклассической психологии. <https://diplomba.ru/work/110084?> [дата обращения: 23.01.2023].

11. МиниКроссЛексика. <http://www.xl.gelbukh.com> [дата обращения: 23.01.2023].
12. Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru/> [дата обращения: 23.01.2023].
13. Русский ассоциативный словарь. <http://thesaurus.ru/dict/> [дата обращения: 23.01.2023].
14. Словарь антонимов. <https://antonymonline.ru/?ysclid=14vrxiimu8483200216> [дата обращения: 23.01.2023].
15. Словарь антонимов. <https://rus-antonyms-dict.slovaronline.com/?ysclid=14vrzno796317473304> [дата обращения: 23.01.2023].
16. Словарь антонимов. <https://sinonim.org/a> [дата обращения: 23.01.2023].
17. Словарь ассоциаций русского языка онлайн. <https://sinonim.org/as> [дата обращения: 23.01.2023].
18. *Титова Е.В.* Этимологические истоки понятия страха и его психологического значения. <http://jurnal.org/articles/2014/psih55.html?ysclid=134сесj091> [дата обращения: 23.01.2023]
19. *Ткаченко О.Ю.* Особенности изучения лексико-семантического поля в художественном тексте (на примере лексико-семантического поля моральной оценки в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 3. Т. 10. <https://sfk-mn.ru/issue-3-2019.html> [дата обращения: 23.01.2023].
20. Фразеологический словарь русского языка. <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com> [дата обращения: 23.01.2023].
21. *Хломов Д.* Гештальт-терапия как практическая философия (попытка эссе) // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 3. https://www.studmed.ru/moskovskiy-psihoterapevticheskiy-zhurnal-1994-03_489bbab4e26.html [дата обращения: 23.01.2023]
22. *Цалко В.* Феномен страха в философии М. Хайдеггера. <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/113633/1/Цалко%20В.%20Феномен%20страха%20в%20философии%20М.%20Хайдеггера.pdf> [дата обращения: 23.01.2023].
23. Sociation.org. <https://sociation.org/labs/wordcloud/#страх> [дата обращения: 23.01.2023].

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Фрагменты романа «Преступление и наказание», наиболее насыщенные единицами центра лексико-семантического поля 'смех'

1. Разговор Ильи Петровича с Луизой Ивановной («пышной дамой») в конторе (стр. 78)

ли это теперь хоть какой-нибудь тревоги, в свою очередь, хотя какого-нибудь даже внимания! Он стоял, читал, слушал, отвечал, сам даже спрашивал, но всё это машинально. Торжество самосохранения, спасение от давившей опасности — вот что наполнило в эту минуту всё его существо, без предвидения, без анализа, без будущих загадываний и отгадываний, без сомнений и без вопросов. Это была минута полной, непосредственной, чисто животной радости. Но в эту самую минуту в конторе произошло нечто вроде грома и молнии. Поручик, еще весь потрясенный ¹⁰ непочтительностью, весь пылая и, очевидно, желая поддержать пострадавшую амбицию, набросился всеми перунами на несчастную «пышную даму», смотревшую на него, с тех самых пор как он вошел, с преглупейшею улыбкой.

— А ты, такая-сякая и этакая, — крикнул он вдруг во всё горло (траурная дама уже вышла), — у тебя там что прошедшую ночь произошло? а? Опять позор, дебош на всю улицу производишь. Опять драка и пьянство. В смиренный мечтаешь! Ведь я уж тебе говорил, ведь я уж предупреждал тебя десять раз, что в одиннадцатый не спущу! А ты опять, опять, такая-сякая ²⁰ ты этакая!

Даже бумага выпала из рук Раскольникову, и он дико смотрел на пышную даму, которую так бесцеремонно отделяли; но скоро, однако же, сообразил, в чем дело, и тотчас же вся эта история начала ему очень даже нравиться. Он слушал с удовольствием, так даже, что хотелось хохотать, хохотать, хохотать... Все нервы его так и прыгали.

— Илья Петрович! — начал было письмоводитель заботливо, но остановился выждать время, потому что вскипевшего поручика нельзя было удержать иначе, как за руки, что он знал по собственному опыту. ³⁰

Что же касается пышной дамы, то вначале она так и затрепетала от грома и молнии; но странное дело: чем многочисленнее и крепче становились ругательства, тем вид ее становился любезнее, тем очаровательнее делалась ее улыбка, обращенная к грозному поручику. Она семенила на месте и непрерывно приседала, с нетерпением выжидая, что наконец-то и ей позволят вернуть свое слово, и дождалась.

2. Начало разговора Замётова с Раскольниковым (стр. 124)

Он отыскал наконец то, чего добивался, и стал читать; строки прыгали в его глазах, он, однако ж, дочел всё «известие» и жадно принялся отыскивать в следующих номерах позднейшие прибавления. Руки его дрожали, перебирая листы, от судорожного нетерпения. Вдруг кто-то сел подле него, за его столом. Он заглянул —
20 Заметов, тот же самый Заметов и в том же виде, с перстнями, с цепочками, с пробором в черных вьющихся и напояженных волосах, в щегольском жилете и в несколько потертом сюртуке и несвежем белье. Он был весел, по крайней мере очень весело и добродушно улыбался. Смуглое лицо его немного разгорелось от выпитого шампанского.

— Как! Вы здесь? — начал он с недоумением и таким тоном, как бы век был знаком, — а мне вчера еще говорил Разумихин, что вы всё не в памяти. Вот странно! А ведь я был у вас...

Раскольников знал, что он подойдет. Он отложил газеты и по-
30 воротился к Заметову. На его губах была усмешка, и какое-то новое раздражительное нетерпение проглядывало в этой усмешке.

— Это я знаю, что вы были, — отвечал он, — слышал-с. Носок отыскивали... А знаете, Разумихин от вас без ума, говорит, что вы с ним к Лавизе Ивановне ходили, вот про которую вы старались тогда, поручику-то Пороху мигали, а он всё не понимал, помните? Уж как бы, кажется, не понять — дело ясное... а?

— А уж какой он буян!

— Порох-то?

— Нет, приятель ваш, Разумихин...

40 — А хорошо вам жить, господин Заметов; в приятнейшие места вход беспешинный! Кто это вас сейчас шампанским-то наливал?

— А это мы... выпили... Уж и наливал?!

— Гонорарий! Всем пользуетесь! — Раскольников засмеялся. — Ничего, добреющий мальчик, ничего! — прибавил он, стукнув Заметова по плечу, — я ведь не назло, «а по всей то есь любви, играючи» говорю, вот как работник-то ваш говорил, когда он Митьку тузил, вот, по старухиному-то делу.

3. Разговор Замётова с Раскольниковым (стр. 126)

— Да что такое? Что... «понимаете»? — произнес Заметов почти в тревоге.

Неподвижное и серьезное лицо Раскольникова преобразилось в одно мгновение, и вдруг он залился опять тем же нервным хо-
хотом, как давеча, как будто сам совершенно не в силах был сдер-
жать себя. И в один миг припомнилось ему до чрезвычайной яс-
ности ощущения одно недавнее мгновение, когда он стоял за две-
рью, с топором, запор прыгал, они за дверью ругались и ломи-
лись, а ему вдруг захотелось закричать им, ругаться с ними, вы-
10 сунуть им язык, дразнить их, смеяться, хохотать, хохотать, хо-
хотать!

— Вы или сумасшедший, или... — проговорил Заметов — и остановился, как будто вдруг пораженный мыслью, внезапно промелькнувшею в уме его.

— Или? Что «или»? Ну, что? Ну, скажите-ка!

— Ничего! — в сердцах отвечал Заметов, — всё вздор!

Оба замолчали. После внезапного, припадочного взрыва смеха
Раскольников стал вдруг задумчив и грустен. Он облокотился
на стол и подпер рукой голову. Казалось, он совершенно забыл
20 про Заметова. Молчание длилось довольно долго.

— Что вы чай-то не пьете? Остынет, — сказал Заметов.

— А? Что? Чай?.. Пожалуй... — Раскольников глотнул из
стакана, положил в рот кусочек хлеба и вдруг, посмотрев на За-
метова, казалось, всё припомнил и как будто встряхнулся: лицо
его приняло в ту же минуту первоначальное насмешливое выраже-
ние. Он продолжал пить чай.

— Нынче много этих мошенничеств развелось, — сказал За-
метов. — Вот недавно еще я читал в «Московских ведомостях»,
что в Москве целую шайку фальшивых монетчиков изловили. Целое
30 общество было. Подделывали билеты.

— О, это уже давно! Я еще месяц назад читал, — отвечал спо-
койно Раскольников. — Так это-то, по-вашему, мошенники? —
прибавил он, усмехаясь.

4. Разговор Раскольников с Поленькой после смерти Мармеладова (стр. 146)

Он обернулся к ней. Та сбежала последнюю лестницу и остановилась вплоть перед ним, ступенькой выше его. Тусклый свет проходил со двора. Раскольников разглядел худенькое, но милое личико девочки, улыбавшееся ему и весело, по-детски, на него смотревшее. Она прибежала с поручением, которое, видимо, ей самой очень нравилось.

— Послушайте, как вас зовут?.. а еще: где вы живете? — спросила она торопясь, задыхающимся голоском.

Он положил ей обе руки на плечи и с каким-то счастьем глядел на нее. Ему так приятно было на нее смотреть, — он сам не знал почему.

— А кто вас прислал?

— А меня прислала сестрица Соня, — отвечала девочка, еще веселее улыбаясь.

— Я так и знал, что вас прислала сестрица Соня.

— Меня и мамаша тоже прислала. Когда сестрица Соня стала посылать, мамаша тоже подошла и сказала: «Поскорей беги, Поленька!»

— Любите вы сестрицу Соню?

30 — Я ее больше всех люблю! — с какою-то особенною твердостью проговорила Поленька, и улыбка ее стала вдруг серьезнее.

— А меня любить будете?

Вместо ответа он увидел приближающееся к нему личико девочки и пухленькие губки, наивно протянувшиеся поцеловать его. Вдруг тоненькие, как спички, руки ее обхватили его крепко-крепко, голова склонилась к его плечу, и девочка тихо заплакала, прижимаясь лицом к нему всё крепче и крепче.

— Папочку жалко! — проговорила она через минуту, поднимая свое заплаканное личико и вытирая руками слезы, — всё 40 такие теперь несчастья пошли, — прибавила она неожиданно, с тем особенно солидным видом, который усиленно принимают дети, когда захотят вдруг говорить как «большие».

— А папаша вас любил?

— Он Лидочку больше всех нас любил, — продолжала она очень серьезно и не улыбаясь, уже совершенно как говорят большие, — потому любил, что она маленькая, и оттого еще, что больная, и ей всегда гостинцу носил, а нас он читать учил, а меня грамматике и закону божию, — прибавила она с достоинством, —

5. Вторая встреча Раскольникова с матерью и сестрой и их разговор в комнате Раскольникова (стр. 174)

— В бреду? Но ведь ты всё помнишь, — прервал Разумихин.

— Это правда, — как-то особенно заботливо ответил на это Раскольников, — помню всё, до малейшей даже подробности, а вот поди: зачем я то делал, да туда ходил, да то говорил? уж и не могу хорошо объяснить.

— Слишком известный феномен, — ввязался Зосимов, — исполнение дела иногда мастерское, прехитрейшее, а управление поступками, начало поступков, расстроено и зависит от разных болезненных впечатлений. Похоже на сон.

¹⁰ «А ведь это, пожалуй, и хорошо, что он меня почти за сумасшедшего считает», — подумал Раскольников.

— Да ведь этак, пожалуй, и здоровые так же, — заметила Дунечка, с беспокойством смотря на Зосимова.

— Довольно верное замечание, — ответил тот, — в этом смысле действительно все мы, и весьма часто, почти как помешанные, с маленькою только разницей, что «больные» несколько больше нашего помешаны, потому тут необходимо различать черту. А гармонического человека, это правда, совсем почти нет; на десятки, а может, и на многие сотни тысяч по одному встречается, да ²⁰ и то в довольно слабых экземплярах...

При слове «помешанный», неосторожно вырвавшимся у заболтавшегося на любимую тему Зосимова, все поморщились. Раскольников сидел, как бы не обращая внимания, в задумчивости и с странною улыбкой на бледных губах. Он что-то продолжал соображать.

— Ну, так что ж этот раздавленный? Я тебя перебил! — крикнул поскорей Разумихин.

— Что? — как бы проснулся тот, — да... ну и запачкался в крови, когда помогал его переносить в квартиру... Кстати, маменька, я одну непростительную вещь вчера сделал; подлинно не в ³⁰ своем уме. Я вчера все деньги, которые вы мне прислали, отдал... его жене... на похороны. Теперь вдова, чахоточная, жалкая женщина... трое маленьких сирот, голодные... в доме пусто... и еще одна дочь есть... Может быть, вы бы и сами отдали, кабы видели... Я, впрочем, права не имел никакого, сознаюсь, особенно зная, как вам самим эти деньги достались. Чтобы помогать, надо сначала право такое иметь, не то: «Crevez chiens, si vous n'êtes pas contents!»¹ — Он рассмеялся. — Так ли, Дуня?

— Нет, не так, — твердо ответила Дуня.

⁴⁰ — Ба! да и ты... с намерениями!.. — пробормотал он, посмотрев на нее чуть не с ненавистью и насмешливо улыбнувшись. — Я бы должен был это сообразить... Что ж, и похвально; тебе же лучше... и дойдешь до такой черты, что не перешагнешь ее — несчастна будешь, а перешагнешь — может, еще несчастнее будешь... А впрочем, всё это вздор! — прибавил он раздражительно, досадуя на свое невольное увлечение. — Я хотел только сказать,

¹ Подыхайте, собаки, если вы недовольны! (франц.)

6. Насмешки Раскольникова над Разумихиным (стр. 190)

опять ненатурально... Ну, да там как обернется... посмотрим... сейчас... хорошо или не хорошо, что я иду? Бабочка сама на свечку летит. Сердце стучит, вот что нехорошо!..»

— В этом сером доме, — сказал Разумихин.

«Важнее всего, знает Порфирий или не знает, что я вчера у этой ведьмы в квартире был... и про кровь спрашивал? В один миг надо это узнать, с первого шагу, как войду, по лицу узнать; и-на-че... хоть пропаду, да узнаю!»

— А знаешь что? — вдруг обратился он к Разумихину с плутовато улыбкой. — я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном волнении состоишь? Правда?

— В каком волнении? Вовсе ни в каком не в волнении, — передернуло Разумихина.

— Нет, брат, право, заметно. На стуле ты давеча сидел так, как никогда не сидишь, как-то на кончике, и всё тебя судорога дергала. Вскакивал ни с того, ни с сего. То сердитый, а то вдруг рожка, как сладчайший леденец, отчего-то делается. Краснел даже; особенно, когда тебя пригласили обедать, ты ужасно покраснел.

²⁰ — Да ничего я; врешь!.. Ты про что это?

— Да что ты, точно школьник, юлишь! Фу, черт, да он опять покраснел!

— Какая ты свинья, однако ж!

— Да ты чего конфузишься? Ромео! Постой, я это кое-где перескажу сегодня, ха-ха-ха! Вот маменьку-то посмешу... да и еще кой-кого...

— Послушай, послушай, послушай, ведь это серьезно, ведь это... Что ж это после этого, черт! — сбился окончательно Разумихин, холодея от ужаса. — Что ты им расскажешь? Я, брат... Фу,

³⁰ какая же ты свинья!

— Просто роза весенняя! И как это к тебе идет, если б ты знал; Ромео десяти вершков росту! Да как ты вымылся сегодня, ногти ведь отчистил, а? Когда это бывало? Да ей-богу же ты напомадился! Нагнись-ка!

— Свинья!!!

Раскольников до того смеялся, что, казалось, уж и сдержать себя не мог, так со смехом и вступили в квартиру Порфирия Петровича. Того и надо было Раскольникову: из комнат можно было услышать, что они вошли смеясь и всё еще хохочут в прихожей.

⁴⁰ — Ни слова тут, или я тебя... разможду! — прошептал в бешенстве Разумихин, хватая за плечо Раскольникова.

V

Тот уже входил в комнаты. Он вошел с таким видом, как будто изо всей силы сдерживался, чтобы не присвуть как-нибудь со смеху. За ним, с совершенно опрокинутой и свирепой физионо-

7. Первая встреча Раскольников с Порфирием Петровичем (стр. 191)

мией, красный как пион, долговязо и шеловко, вошел стыдящийся Разумихин. Лицо его и вся фигура действительно были в эту минуту смешны и оправдывали смех Раскольникова. Раскольников, еще не представленный, поклонился стоявшему посреди комнаты и вопросительно глядевшему на них хозяину, протянул и пожал ему руку всё еще с видимым чрезвычайным усилием подавить свою веселость и по крайней мере хоть два-три слова выговорить, чтоб откомендовать себя. Но едва только он успел принять серьезный вид и что-то пробормотать — вдруг, как бы невольно, взглянул опять на Разумихина и тут уже не мог выдержать: подавленный смех прорвался тем неудержимее, чем сильнее до сих пор сдерживался. Необыкновенная свирепость, с которою принимал этот «задушевный» смех Разумихин, придавала всей этой сцене вид самой искренней веселости и, главное, натуральности. Разумихин, как нарочно, еще помог делу.

— Фу, черт! — заревел он, махнув рукой, и как раз ударил ее об маленький круглый столик, на котором стоял допитый стакан чаю. Всё полетело и зазвенело.

— Да зачем же стулья-то ломать, господа, казне ведь убыток! — весело закричал Порфирий Петрович.

Сцена представлялась таким образом: Раскольников посмеивался, забыв свою руку в руке хозяина, но, зная мерку, выжидал мгновения поскорее и натуральнее кончить. Разумихин, сконфуженный окончательным падением столика и разбившимся стаканом, мрачно поглядывал на осколки, плюнул и круто повернул к окну, где и стал спиной к публике, с страшно нахмуренным лицом, смотря в окно и ничего не видя. Порфирий Петрович смеялся и желал смеяться, но очевидно было, что ему надо объяснений. В углу на стуле сидел Заметов, привставший при входе гостей и стоявший в ожидании, раздвинув в улыбку рот, но с недоумением и даже как будто с недоверчивостью смотря на всю сцену, а на Раскольникова даже с каким-то замешательством. Неожиданное присутствие Заметова неприятно поразило Раскольникова.

«Это еще надо сообразить!» — подумал он.

— Извините, пожалуйста, — начал он, усиленно законфузившись, — Раскольников...

— Помилуйте, очень приятно-с, да и приятно вы так вошли... Что ж, он и здороваться уж не хочет? — кивнул Порфирий Петрович на Разумихина.

— Ей-богу, не знаю, чего он на меня взбесился. Я сказал ему только дорогой, что он на Ромео похож, и... и доказал, и больше ничего, кажется, не было.

— Свинья! — отозвался, не оборачиваясь, Разумихин.

— Значит, очень серьезные причины имел, чтобы за одно словечко так рассердиться, — рассмеялся Порфирий.

— Ну, ты! следовательно!.. Ну, да черт с вами со всеми! — отрезал Разумихин и вдруг, рассмеявшись сам, с повеселевшим лицом, как ни в чем не бывало, подошел к Порфирию Петровичу.

8) Вторая встреча Раскольникова с Порфирием Петровичем (стр. 256)

— Да, славная вещь, — ответил Раскольников, почти с насмешкой смотря на него.

— Славная вещь, славная вещь... — повторял Порфирий Петрович, как будто задумавшись вдруг о чем-то совсем другом, — да! славная вещь! — чуть не вскрикнул он под конец, вдруг вскинув глаза на Раскольникова и остановившись в двух шагах от него. Это многократное глупенькое повторение, что казенная квартира славная вещь, слишком, по пошлости своей, противоречило с серьезным, мыслящим и загадочным взглядом, который он устремил ²⁰ теперь на своего гостя.

Но это еще более подкипятило злобу Раскольникова, и он уже никак не мог удержаться от насмешливого и довольно неосторожного вызова.

— А знаете что, — спросил он вдруг, почти дерзко смотря на него и как бы ощущая от своей дерзости наслаждение, — ведь это существует, кажется, такое юридическое правило, такой прием юридический — для всех возможных следователей — сперва начать издали, с пустячков, или даже с серьезного, но только совсем постороннего, чтобы, так сказать, ободрить или, лучше ³⁰ сказать, развлечь допрашиваемого, усыпить его осторожность и потом вдруг, неожиданнейшим образом огорошить его в самое темя каким-нибудь самым роковым и опасным вопросом; так ли? Об этом, кажется, во всех правилах и наставлениях до сих пор свято упоминается?

— Так, так... что ж, вы думаете, это я вас казенной-то квартирой того... а? — И, сказав это, Порфирий Петрович прищурился, подмигнул; что-то веселое и хитрое пробежало по лицу его, морщинки на его лбу разгладились, глазки сузились, черты лица растянулись, и он вдруг залился нервным, продолжительным ⁴⁰ смехом, волнуясь и колыхаясь всем телом и прямо смотря в глаза Раскольникову. Тот засмеялся было сам, несколько принудив себя; но когда Порфирий, увидя, что и он тоже смеется, закатился уже таким смехом, что почти побагровел, то отвращение Раскольникова вдруг перешло всю осторожность: он перестал смеяться, нахмурился и долго и ненавистно смотрел на Порфирия, не спуская с него глаз, во всё время его длинного и как бы с намерением непрекращавшегося смеха. Неосторожность была, впрочем, явная с обеих сторон: выходило, что Порфирий Петро-

Фрагменты романа «Преступление и наказание», наиболее насыщенные единицами центра лексико-семантического поля 'страх'

1. Внутреннее состояние Раскольникова (стр. 5)

настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и **трусливое** ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и **боялся** с нею встретиться. 20

Не то чтоб он был так **труслив** и **забит**, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что **боялся** даже всякой встречи, не только встречи с хозяйкой. Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься. Никакой хозяйки, в сущности, он не **боялся**, что бы та ни замышляла против него. Но останавливаться на лестнице, слушать всякий вздор про всю эту обыденную дребедень, до которой 30 ему нет никакого дела, все эти приставания о платеже, **угрозы**, жалобы, и при этом самому изворачиваться, извиняться, лгать, —

2. Конец монолога Мармеладова (стр. 21)

Раскольникову давно уже хотелось уйти; помочь же ему он и сам думал. Мармеладов оказался гораздо слабее ногами, чем в речах, и крепко оперся на молодого человека. Идти было шагов двести-триста. Смущение и **страх** всё более и более овладевали пьяницей по мере приближения к дому. 40

— Я не Катерины Ивановны теперь **боюсь**, — бормотал он в **волнении**, — и не того, что она мне волосы драть начнет. Что волосы!.. вздор волосы! Это я говорю! Оно даже и лучше, коли драть начнет, а я не того **боюсь**... я... глаз ее **боюсь**... да... глаз... Красных пятен на щеках тоже **боюсь**... и еще — ее дыхания **боюсь**... Видал ты, как в этой болезни дышат... при взволнованных чувствах? Детского плача тоже **боюсь**... Потому как если Соня не накормила, то... уж не знаю что! не знаю! А побоев не **боюсь**..

3. Возвращение пьяного Мармеладова домой, его разговор с женой, Катериной Ивановной (стр. 24)

— И это мне в наслаждение! И это мне не в боль, а в наслаждение, ми-ло-сти-вый го-су-дарь, — выкрикивал он, потрясаемый за волосы и даже раз стукнувшись лбом об пол. Спавший на полу ребенок проснулся и заплакал. Мальчик в углу не **выдержал**, **задрожал**, закричал и бросился к сестре в **страшном** 30 **испуге**, почти в припадке. Старшая девочка **дрожала** со сна как лист.

4. Раскольников в момент убийства Лизаветы (стр. 65)

Среди комнаты стояла Лизавета, с большим узлом в руках, и смотрела в оцепенении на убитую сестру, вся белая как полотно и как бы не в силах крикнуть. Увидав его выбежавшего, она задрожала как лист, мелкою дрожью, и по всему лицу ее побежали судороги; приподняла руку, раскрыла было рот, но все-таки не вскрикнула и медленно, задом, стала отодвигаться от него в угол, пристально, в упор, смотря на него, но всё не крича, точно ей воздуху не доставало, чтобы крикнуть. Он бросился на нее с топором; губы ее перекошились так жалобно, как у очень маленьких детей, когда они начинают чего-нибудь пугаться, пристально смотрят на пугающий их предмет и собираются закричать. И до того эта несчастная Лизавета была проста, забита и напугана раз навсегда, что даже руки не подняла защитить себе лицо, хотя это был самый необходимо-естественный жест в эту минуту, потому что топор был прямо поднят над ее лицом. Она только чуть-чуть приподняла свою свободную левую руку, далеко не до лица, и медленно протянула ее к нему вперед, как бы отстраняя его. Удар пришелся прямо по черепу, острием, и сразу прорубил всю верхнюю часть лба, почти до темени. Она так и рухнула. Раскольников совсем было потерялся, схватил ее узел, бросил его опять и побежал в прихожую.

Страх охватывал его всё больше и больше, особенно после этого второго, совсем неожиданного убийства. Ему хотелось поскорее убежать отсюда. И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать; если бы только мог сообразить все трудности своего положения, всё отчаяние, всё безобразие и всю нелепость его, понять при этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы вырваться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы всё и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страху даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал. Отвращение особенно поднималось и росло в нем с каждой минутой. Ни за что на свете не пошел бы он теперь к сундуку и даже в комнаты.

5. Раскольников в полицейской конторе после убийства (стр. 76)

— Ich danke,¹ — сказала та и тихо, с шелковым шумом, опустила на стул. Светло-голубое с белою кружевною отделкой платье ее, точно воздушный шар, распространилось вокруг стула и заняло чуть не полкомнаты. Понесло духами. Но дама, очевидно, робела того, что занимает полкомнаты и что от нее так несет духами, хотя и улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным

²⁰ беспокойством.

Траурная дама наконец кончила и стала вставать. Вдруг, с некоторым шумом, весьма молодцевато и как-то особенно повертывая с каждым шагом плечами, вошел офицер, бросил фуражку с кокардой на стол и сел в кресла. Пышная дама так и подпрыгнула с места, его завидя, и с каким-то особенным восторгом принялась приседать; но офицер не обратил на нее ни малейшего внимания, а она уже не смела больше при нем садиться. Это был поручик, помощник квартального надзирателя, с горизонтально торчавшими в обе стороны рыжеватыми усами и с чрезвычайно мелкими чертами лица, ничего, впрочем, особенного, кроме некоторого нахальства, не выразившими. Он искоса и отчасти с негодованием посмотрел на Раскольникова: слишком уж на нем был скверен костюм, и, несмотря на всё принижение, всё еще не по костюму была осанка; Раскольников, по неосторожности, слишком прямо и долго посмотрел на него, так что тот даже обиделся.

³⁰

— Тебе чего? — крикнул он, вероятно удивляясь, что такой оборванец и не думает стушевываться от его молниеносного взгляда.

— Потребовали... по повестке... — отвечал кое-как Раскольников.

⁴⁰

— Это по делу о взыскании с них денег, с студента, — заторопился письмоводитель, отрываясь от бумаги. — Вот-с! — и он перекинул Раскольникову тетрадь, указав в ней место, — прочтите!

«Денег? Каких денег? — думал Раскольников, — но... стало быть, уж наверно не то!» И он вздрогнул от радости. Ему стало вдруг ужасно, невыразимо легко. Всё с плеч слетело.

6. Крик и ругань хозяйки (стр. 90)

Он пришел к себе уже к вечеру, стало быть, проходил всего часов шесть. Где и как шел обратно, ничего он этого не помнил. Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...

Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику. Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слышивал и не видывал. Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого ⁴⁰ исступления. В ужасе приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь. Но драки, вопли и ругательства становились всё сильнее и сильнее. И вот, к величайшему изумлению, он вдруг расслышал голос своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спеша, торопясь, выпуская слова так, что и разобрать нельзя было, о чем-то умоляя, — конечно, о том, чтоб ее перестали бить, потому что ее беспощадно били на лестнице. Голос бывшего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже

7. Диалог Раскольникова с Замётовым (стр. 127)

Раскольникову ужасно вдруг захотелось опять «язык высунуть». Озноб, минутами, проходил по спине его. 10

— Я бы не так сделал, — начал он издалека. — Я бы вот как стал менять: пересчитал бы первую тысячу, этак раза четыре со всех концов, в каждую бумажку всматриваясь, и принялся бы за другую тысячу; начал бы ее считать, досчитал бы до середины, да и вынул бы какую-нибудь пятидесятирублевую, да на свет, да переверотил бы ее и опять на свет — не фальшивая ли? «Я, дескать, боюсь: у меня родственница одна двадцать пять рублей таким образом наемни потеряла»; и историю бы тут рассказал. А как стал бы третью тысячу считать — нет, позвольте: я, кажется, там, во второй тысяче, седьмую сотню неверно сосчитал, сомнение ²⁰ берет, да бросил бы третью, да опять за вторую, — да этак бы все-то пять. А как кончил бы, из пятой да из второй вынул бы по кредитке, да опять на свет, да опять сомнительно, «перемените, пожалуйста», — да до седьмого поту конторщика бы довел, так что он меня как и с рук-то сбить уж не знал бы! Кончил бы всё наконец, пошел, двери бы отворил — да нет, извините, опять воротился, спросить о чем-нибудь, объяснение какое-нибудь получить, — вот я бы как сделал!

— Фу, какие вы страшные вещи говорите! — сказал, смеясь, Заметов. — Только всё это один разговор, а на деле, наверно, споткнулись бы. Тут, я вам скажу, по-моему, не только нам с вами, даже натертому, отчаянному человеку за себя поручиться нельзя. Да чего ходить — вот пример: в нашей-то части, старуху-то убили. Ведь уж, кажется, отчаянная башка, среди бела дня на все риски рискнул, одним чудом спасся, — а руки-то все-таки дрогнули: обокрасть не сумел, не выдержал; по делу видно...

«А ведь точно они **боятся** меня», — думал сам про себя Раскольников, исподлобья глядя на мать и сестру. Пульхерия Александровна, действительно, чем больше молчала, тем больше и **робела**.¹⁰

«Заочно, кажется, так ведь любил их», — промелькнуло в его голове.

— Знаешь, Родя, Марфа Петровна умерла! — вдруг выскочила Пульхерия Александровна.

— Какая это Марфа Петровна?

— Ах, боже мой, да Марфа Петровна, Свидригайлова! Я еще так много об ней писала тебе.

— А-а-а, да, помню... Так умерла? Ах, в самом деле? — вдруг встрепенулся он, точно проснувшись. — Неужели умерла? От-²⁰чего же?

— Представь себе, скоропостижно! — заторопилась Пульхерия Александровна, ободренная его любопытством, — и как раз в то самое время, как я тебе письмо тогда отправила, в тот самый даже день! Вообрази, этот **ужасный** человек, кажется, и был причиной ее смерти. Говорят, он ее **ужасно** избил!

— Разве они так жили? — спросил он, обращаясь к сестре.

— Нет, напротив даже. С ней он всегда был очень терпелив, даже вежлив. Во многих случаях даже слишком был снисходителен к ее характеру, целые семь лет... Как-то вдруг потерял³⁰ терпение.

— Стало быть, он вовсе не так **ужасен**, коли семь лет крепился? Ты, Дунечка, кажется, его оправдываешь?

— Нет, нет, это **ужасный** человек! **Ужаснее** я ничего и представить не могу, — чуть не с **содроганием** ответила Дуня, нахмурила брови и задумалась.

9. Насмешки Раскольникова над Разумихиным (стр. 190)

— А знаешь что? — вдруг обратился он к Разумихину с плутоватою улыбкой, — я, брат, сегодня заметил, что ты с утра в каком-то необыкновенном **волнении** состоишь? Правда?

— В каком **волнении**?⁹ Вовсе ни в каком не в **волнении**, — передернуло Разумихина.

— Нет, брат, право, заметно. На стуле ты давеча сидел так, как никогда не сидишь, как-то на кончике, и всё тебя судорога дергала. Вскакивал ни с того, ни с сего. То сердитый, а то вдруг рожа, как сладчайший леденец, отчего-то делается. Краснел даже; особенно, когда тебя пригласили обедать, ты **ужасно** покраснел.

²⁰ — Да ничего я; врешь!.. Ты про что это?

— Да что ты, точно школьник, юлишь! Фу, черт, да он опять покраснел!

— Какая ты свинья, однако ж!

— Да ты чего конфузишься? Ромео! Постой, я это кое-где перескажу сегодня, ха-ха-ха! Вот маменьку-то посмешу... да и еще кой-кого...

— Послушай, послушай, послушай, ведь это серьезно, ведь это... Что ж это после этого, черт! — сбился окончательно Разумихин, **холодея** от **ужаса**. — Что ты им расскажешь? Я, брат... Фу,
³⁰ какая же ты свинья!

10. Разговор после разрыва Дуни с Лужиным (стр. 236)

Все радовались, через пять минут даже смеялись. Иногда только Дунечка бледнела и сдвигала брови, припоминая случившееся. Пульхерия Александровна и воображать не могла, что она тоже будет рада; разрыв с Лужиным представлялся ей еще утром **страшную** бедой. Но Разумихин был в восторге. Он не **смел** еще вполне его выразить, но весь **дрожал** как в лихорадке, как будто пятипудовая гиря свалилась с его сердца. Теперь он имеет право отдать им всю свою жизнь, служить им... Да мало ли что теперь! А впрочем, он еще **пугливее** гнал дальнейшие мысли и
³⁰ **боялся** своего воображения. Один только Раскольников сидел всё на том же месте, почти угрюмый и даже рассеянный. Он, всего больше настаивавший на удалении Лужина, как будто всех меньше интересовался теперь случившимся. Дуня невольно подумала, что он всё еще очень на нее сердится, а Пульхерия Александровна приглядывалась к нему **боязливо**.

11. Перед второй встречей Раскольникова с Порфирием Петровичем (стр. 254)

ный раздраженным и больным воображением его. Эта догадка, еще даже вчера, во время самых сильных тревог и отчаяния, начала укрепляться в нем. Передумав всё это теперь и готовясь к новому бою, он почувствовал вдруг, что дрожит, — и даже негодование закипело в нем при мысли, что он дрожит от страха перед ненавистным Порфирием Петровичем. Всего ужаснее было для него встретиться с этим человеком опять: он ненавидел его без меры, бесконечно, и даже боялся своею ненавистью как-нибудь обнаружить себя. И так сильно было его негодование, что тотчас же прекратило дрожь; он приготовился войти с холодным и дерзким видом и дал себе слово как можно больше молчать, 40 взглядываться и вслушиваться и, хоть на этот раз по крайней мере, во что бы то ни стало, победить болезненно раздраженную натуру свою. В это самое время его позвали к Порфирию Петровичу.

12. Приготовления к поминкам Мармеладова (стр. 278)

Андрей Семенович сидел почему-то всё это утро дома. С этим господином у Петра Петровича установились какие-то странные, впрочем, отчасти и естественные отношения: Петр Петрович презирал и ненавидел его даже сверх меры, почти с того самого дня, как у него поселился, но в то же время как будто несколько опасался его. Он остановился у него по приезде в Петербург не 20 из одной только скарденной экономии, хотя это и было почти главной причиной, но была тут и другая причина. Еще в провинции слышал он об Андрее Семеновиче, своем бывшем питомце, как об одном из самых передовых молодых прогрессистов и даже как об играющем значительную роль в иных любопытных и баснословных кружках. Это поразило Петра Петровича. Вот эти-то мощные, всезнающие, всех презирающие и всех обличающие кружки уже давно пугали Петра Петровича каким-то особенным страхом, совершенно, впрочем, неопределенным. Уж конечно, сам он, да еще в провинции, не мог ни о чем *в этом роде* составить себе, хотя приблизительно, точное понятие. Слышал он, как и все, что существуют, особенно в Петербурге, какие-то прогрессисты, нигилисты, обличители и проч., и проч., но, подобно многим, преувеличивал и искажал смысл и значение этих названий до нелепого. Пуще всего боялся он, вот уже несколько лет, *обличения*, и это было главным основанием его постоянного, преувеличенного беспокойства, особенно при мечтах о перенесении деятельности своей в Петербург. В этом отношении он был, как говорится, *испуган*, как бывают иногда испуганы маленькие

13. Раскольников в начале признания Соне в совершённом убийстве (стр. 315)

Она помолчала с минуту.

— Нашли, что ли, *его*? — робко спросила она.

— Нет, не нашли.

— Так как же вы про *это* знаете? — опять чуть слышно спросила она, и опять почти после минутного молчания.

Он обернулся к ней и пристально-пристально посмотрел на нее.

— Угадай, — проговорил он с прежнею искривленною и бессильною улыбкой.

Точно конвульсии пробежали по всему ее телу.

— Да вы... меня... что же вы меня так... пугаете? — проговорила она, улыбаясь как ребенок.

— Стало быть, я с *ним* приятель большой... коли знаю, — продолжал Раскольников, неотступно продолжая смотреть в ее лицо, точно уже был не в силах отвести глаз, — он Лизавету эту... 20 убить не хотел... Он ее... убил нечаянно... Он старуху убить хотел... когда она была одна... и пришел... А тут вошла Лизавета... Он тут... и ее убил.

Прошла еще ужасная минута. Оба всё глядели друг на друга.

— Так не можешь угадать-то? — спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни.

— Н-нет, — чуть слышно прошептала Соня.

— Погляди-ка хорошенько.

И как только он сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг, в ее 30 лице, как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и бес- 40 покойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, всё более и более от него 40 отстраняясь, и всё неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детскою улыбкой.

— Угадала? — прошептал он наконец.

— Господи! — вырвался ужасный вопль из груди ее. Бессильно упала она на постель, лицом в подушки. Но через мгновение быстро

14. Раскольников на панихиде в квартире Мармеладовых (стр. 337)

Он стал в дверях. Начиналась служба, тихо, чинно, грустно. В сознании о смерти и в ощущении присутствия смерти всегда для него было что-то тяжелое и мистически ужасное, с самого детства; да и давно уже он не слышал панихиды. Да и было еще тут что-то другое, слишком ужасное и беспокойное. Он смотрел на детей: все они стояли у гроба, на коленях, Полечка плакала. Сзади них, тихо и как бы робко плача, молилась Соня. «А ведь она в эти дни ни разу на меня не взглянула и слова мне не сказала», — подумалось вдруг Раскольникову. Солнце ярко освещало комнату; каминовый дым восходил клубами; священник читал ¹³ «Упокой, господи». Раскольников отстоял всю службу. Благословляя и прощаясь, священник как-то странно осматривался. После службы Раскольников подошел в Соне. Та вдруг взяла его за обе руки и преклонила к его плечу голову. Этот короткий жест даже поразил Раскольникова недоумением; даже странно было: как? ни малейшего отвращения, ни малейшего омерзения к нему, ни малейшего содрогания в ее руке! Это уж была какая-то бесконечность собственного унижения. Так, по крайней мере, он это понял. Соня ничего не говорила. Раскольников пожал ей руку и вышел. Ему стало ужасно тяжело. Если б возможно было уйти ²⁰ куда-нибудь в эту минуту и остаться совсем одному, хотя бы на всю жизнь, то он почел бы себя счастливым. Но дело в том, что он в последнее время, хоть и всегда почти был один, никак не мог почувствовать, что он один. Случалось ему уходить за город, выходить на большую дорогу, даже раз он вышел в какую-то рощу; по чем уединеннее было место, тем сильнее он сознавал как будто чье-то близкое и тревожное присутствие, не то чтобы страшное, а как-то уж очень досаждающее, так что поскорее возвращался в город, смешивался с толпой, входил в трактиры, в распивочные, шел на Толкучий, на Сенную. Здесь было уж как будто бы легче ³⁰ и даже уединеннее. В одной харчевне, перед вечером, пели песни: он просидел целый час, слушая, и помнил, что ему даже было очень приятно. Но под конец он вдруг стал опять беспокоен; точно угрызение совести вдруг начало его мучить: «Вот, сижу, песни слушаю, а разве то мне надобно делать!» — как будто подумал он. Впрочем, он тут же догадался, что и не это одно его тревожит; было что-то, требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать. Всё в какой-то клубок сматывалось. «Нет, уж лучше бы какая борьба! Лучше бы опять Порфирий... или Свидригайлов... Поскорей бы опять какой-ни- ⁴⁰ будь вызов, чье-нибудь нападение... Да! да!» — думал он. Он вышел из харчевни и бросился чуть не бежать. Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг почему-то как бы панический страх. В эту-то ночь, перед утром, он и проснулся в кустах, на Крестовском острове, весь издрогнувший, в лихорадке; он пошел домой и пришел уже ранним утром. После нескольких часов сна лихорадка прошла, но проснулся он уже поздно: было два часа пополудни.

15. Разговор Раскольникова с Порфирием Петровичем о явке с повинной (стр. 351):

— Эх, не надо! — проговорил он, как бы уже совсем не скрываясь с Порфирием. — Не стоит! Не надо мне совсем вашей сбавки!

— Ну вот этого-то я и **боялся**! — горячо и как бы невольно воскликнул Порфирий, — вот этого-то я и **боялся**, что не надо вам нашей сбавки.

Раскольников грустно и внушительно поглядел на него.

— Эй, жизнью не брезгайте! — продолжал Порфирий, — много ее впереди еще будет. Как не надо сбавки, как не надо! Нетерпеливый вы человек!

— Чего впереди много будет?

10

— Жизни! Вы что за пророк, много ль вы знаете? Ищите и обрящете. Вас, может, бог на этом и ждал. Да и не навек она, цепь-то...

— Сбавка будет... — засмеялся Раскольников.

— А что, стыда буржуазного, что ли, **испугались**? Это может быть, что и **испугались**, да сами того не знаете, — потому молодое! А все-таки не вам бы **бояться** али там стыдиться явки с повинною.

— Э-эх, наплевать! — презрительно и с отвращением прошептал Раскольников, как бы и говорить не желая. Он было опять привстал, точно хотел куда-нибудь выйти, но опять сел в видимом 20 отчаянии.

Ему всё не спалось. Мало-помалу давешний образ Дунечки стал возникать пред ним, и вдруг **дрожь** прошла по его телу. «Нет, это уж надо теперь бросить, — подумал он, очнувшись, — надо о чем-нибудь другом думать. Странно и смешно: ни к кому я никогда не имел большой ненависти, даже мстить никогда особенно не желал, а ведь это дурной признак, дурной признак! Спорить тоже не любил и не горячился — тоже дурной признак! А сколько я ей давеча наобещал — фу, черт! А ведь, пожалуй, и перемолола бы меня как-нибудь...» Он опять замолчал и стиснул зубы: опять образ Дунечки появился пред ним точь-в-точь, как была она, когда, выстрелив в первый раз, **ужасно испугалась**, опустила револьвер и, помертвев, смотрела на него, так что он два раза успел бы схватить ее, а она и руки бы не подняла в защиту, если б он сам ей не напомнил. Он вспомнил, как ему ³⁰ в то мгновение точно жалко стало ее, как бы сердце сдавило ему... «Э! К черту! Опять эти мысли, всё это надо бросить, бросить!..»

Он уже забывался; лихорадочная **дрожь** утихала; вдруг как бы что-то пробежало под одеялом по руке его и по ноге. Он вздрогнул: «Фу, черт, да это чуть ли не мышь! — подумал он, — это я гелятину оставил на столе...» Ему **ужасно** не хотелось раскрываться, вставать, мерзнуть, но вдруг опять что-то неприятно **шоркнуло** ему по ноге; он сорвал с себя одеяло и зажег свечу. **Дрожа** от лихорадочного **холода**, нагнулся он осмотреть постель — ничего не ⁴⁰ было; он встряхнул одеяло, и вдруг на простыню выскочила мышь. Он бросился ловить ее; но мышь не сбегала с постели, а мелькала зигзагами во все стороны, скользила из-под его пальцев, перебегала по руке и вдруг юркнула под подушку; он сбросил подушку, но в одно мгновение почувствовал, как что-то вскочило ему за пазуху, шоркает по телу, и уже за спиной, под рубашкой. Он нервно **задрожал** и проснулся. В комнате было темно, он лежал на кровати, закутавшись, как давеча, в одеяло, под окном выл ветер. «Экая скверность!» — подумал он с досадой.

17. Последняя встреча Раскольникова с Соней перед признанием в совершённом преступлении (стр. 404)

— Перекрестись, помолись хоть раз, — **дрожащим**, **робким** голосом попросила Соня.

— О, изволь, это сколько тебе угодно! И от чистого сердца, Соня, от чистого сердца...

Ему хотелось, впрочем, сказать что-то другое.

Он перекрестился несколько раз. Соня схватила свой платок и накинула его на голову. Это был зеленый драдедамовый платок, вероятно тот самый, про который упоминал тогда Мармеладов, «фамильный». У Раскольникова мелькнула об этом мысль, но он ¹⁰ не спросил. Действительно, он уже сам стал чувствовать, что **ужасно** рассеян и как-то безобразно **встревожен**. Он **испугался** этого. Его вдруг поразило и то, что Соня хочет уйти вместе с ним.

— Что ты! Ты куда? Оставайся, оставайся! Я один, — вскричал он в малодушной досаде и, почти озлобившись, пошел к дверям. — И к чему тут целая свита! — бормотал он, выходя.

Соня осталась среди комнаты. Он даже и не простился с ней, он уже забыл о ней; одно язвительное и бунтующее сомнение вскипело в душе его.

²⁰ «Да так ли, так ли всё это? — опять-таки подумал он, сходя с лестницы, — неужели нельзя еще остановиться и опять всё переправить... и не ходить?»

Но он все-таки шел. Он вдруг почувствовал окончательно, что нечего себе задавать вопросы. Выйдя на улицу, он вспомнил, что не простился с Соней, что она осталась среди комнаты, в своем зеленом платке, не **смея** шевельнуться от его окрика, и приостановился на миг. В то же мгновение вдруг одна мысль ярко озарила его, — точно ждала, чтобы поразить его окончательно.

³⁰ «Ну для чего, ну зачем я приходил к ней теперь? Я ей сказал: за делом; за каким же делом? Никакого совсем и не было дела! Объявить, что *иду*; так что же? Экая надобность! Люблю, что ли, я ее? Ведь нет, нет? Ведь вот отогнал ее теперь, как собаку. Крестов, что ли, мне в самом деле от нее понадобилось? О, как низко упал я! Нет, — мне слез ее надобно было, мне **испуг** ее видеть надобно было, смотреть, как сердце ее болит и терзается! Надо было хоть обо что-нибудь зацепиться, помедлить, на человека посмотреть! И я **смел** так на себя надеяться, так мечтать о себе, нищий я, ничтожный я, подлец, подлец!»

Вдруг подле него очутилась Соня. Она подошла едва слышно и села с ним рядом. Было еще очень рано, утренний холодок еще не смягчился. На ней был ее бедный, старый бурнус и зеленый платок. Лицо ее еще носило признаки болезни, похудело, поблед- 20
нело, осунулось. Она приветливо и радостно улыбнулась ему, но, по обыкновению, робко протянула ему свою руку.

Она всегда протягивала ему свою руку робко, иногда даже не подавала совсем, как бы боялась, что он оттолкнет ее. Он всегда как бы с отвращением брал ее руку, всегда точно с досадой встречал ее, иногда упорно молчал во всё время ее посещения. Случалось, что она трепетала его и уходила в глубокой скорби. Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился. 30

Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...

Дефиниции значений слова *страх* в толковых словарях

Страх – м. страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия. *Страх обуяет, и растеряешься. Со страху, со страстей поджилки дрожать, ноги подкосились* <...> Предмет, рождающий страх. *Страху в глаза гляди, не смигни!* <...> Гроза, угроза или острастка; покорство устрашённого, послушание; сознание ответственности. *Страх божий*, благочестие, боязнь греха. *Иная вера со страхом, иная с любовью* <...> Страх, нареч. ужасно, страшно, весьма, очень; *страх сколько*, много, без числа, несметно, тьма, пропасть; *страх как*, сильно, крепко, больно или упорно. *Страх, что народу было!* [СД 1866: 307].

Страх – I. м. 1. только ед. Состояние крайней тревоги и беспокойства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас. *Чувство страха. Панический страх* <...> 2. Только мн. Представления, события или предметы, пугающие чем-н., вызывающие чувство боязни, ужаса, опасения (разг.). *Всякие страхи лезут в голову. Ночные страхи прошли.* II. нареч. (разг. фам.). Очень, чрезвычайно, сильно. *Я страх люблю таких молодых людей.* Гоголь [СУ 1940: 549].

Страх – -а (-у), м. 1. Состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-л. опасностью, бедой и т. п.; боязнь. *Страх наказания. Страх смерти* <...> || обычно мн. ч. (страхи, -ов). разг. То, что вызывает боязнь, пугает. *[Волгина] не любила унывать, она не любила заранее мучить себя страхами Чернышевский* <...> 2. в знач. сказ. разг. Страшно <...> 3. в знач. нареч. прост. Очень, чрезвычайно. *Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историю* <...> В сочетании со словами: «как», «какой» (страх как, страх какой). В сочетании со словом «сколько»: страх сколько. Очень много, очень сильно <...> в повиновении, в полной покорности. На свой страх (и риск); за свой страх (и риск); на свой страх (и риск); на свою ответственность. – не за страх, а за совесть [МАС 1988: 283].

Страх – -а (-у), м. 1. Очень сильный испуг, сильная боязнь. *Задрожать от страха (со страху).* *Навести страх на кого-н.* <...> 2. мн. События, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса (разг.). *Рассказать о всяких страхах* <...> 3. Страх, в знач. сказ. и нареч. Очень, в высшей степени, очень много, ужас (прост.). *Грибов в лесу страх! Устали страх!* <...> На свой страх или на свой страх и риск (действовать, поступать) – полностью на свою ответственность. Не за страх, а за совесть (работать, делать что-н.) (разг.) – вполне добросовестно, на совесть [СО 2006: 772].

Страх – I. м. 1. Состояние сильной тревоги, боязни, беспокойства, душевного волнения от грозящей или ожидаемой опасности. 2. То, что вызывает сильную боязнь, тревогу, беспокойство. II. нареч. раз.-сниж. 1. Крайне, чрезвычайно. 2. Очень много, очень сильно. III. предик. 1. разг. О чувстве страха, испытываемом кем-либо. 2. разг. О состоянии страха, в котором пребывает кто-либо. 3. перен. раз.-сниж. Оценка чего-либо как отличающегося высшей степенью проявления какого-либо качества. 4. разг.-сниж. Употребляется при выражении изумления от чего-либо, восхищения или ужаса в отношении кого-либо, чего-либо многочисленного или очень большого, сильного [СЕ 2000: URL].

Приложение 4

Ассоциации к слову *страх* в «Русском ассоциативном словаре», релевантные для языковой картины мира XIX века

Ужас (7), божий (5), смерти (5), животный (4), большой (3), испуг (3), испытывать (2), перед экзаменом (2), сильный (2), темнота (2), трусость (2), ужасный (2), бегство, безотчётный, боль, бояться, будущее, велик, великий, врождённый, высота, глаза, глаза велики, давит, жуткий, жуть, за людей, за него, за родных, за свою жизнь, за себя, за тебя, и робость, истерия, исчез, красный, липкий, маленький, мертвящий, мрак, не сдать, неизвестность, ненависть, неосознанный, непреодолимое, ночки, ночь, обуял, опасность, отпустил, перед жизнью, перед миром, перед огнём, перед смертью, перед собой, перед ужасом, побороть, поражения, расплаты, стыд, темно, трус, умри.

Приложение 5

Ассоциации к слову *страх* в «Словаре ассоциаций русского языка онлайн», релевантные для русской языковой картины мира XIX века

ужас, боязнь, смерть, темнота, ненависть, испуг, паника, боль, дрожь, чувство, кошмар, эмоция, высота, глаза, крик, неизвестность, одиночество, паук, ночь, оцепенение, пот, мурашки, опасность, потеря, тревога, смелость, гнев, отчаяние, слабость, борьба, инстинкт, сон, риск, трепет, страх высоты, побег, война, тьма, страшный сон, страх смерти, страх темноты, трусость, привидение, иллюзия, жизнь, смех, у страха глаза велики, страшно, опасение, дети, пауки, преодоление, фобос, монстр, люди, незнание, пустота, трус, бояться, болезнь, страшила, сердцебиение, бесстрашие, призрак, молчание, враг, глупость, собака, скованность, сила, нервы, тряска, эмоции, мистика, животное, бег, подсознание, сердце, переживание, угроза, нож, озноб, пугало, звонок, шкаф, совесть, укрытие, убежище, паралич, комната, маньяк, мания, ад, выдумка, апатия, падение, пучина, жуть, насилие, безысходность, стыд, комплекс, волнение, унижение, печаль, горе, неведение, наказание, кровь, любовь, избегание, холод, будущее, чувства, детство, убийство, холодный пот, зло, защита, отчуждение, уязвимость, победа, бой, человек, червь, сомнения, водобоязнь, свойство, поджилки, сторож, непобедимость, истерика, препятствие, капюшон, преграда и т. д.

Фрагменты романа «Преступление и наказание», отражающие взаимодействие
текстового семантического поля 'страх' с другими полями

– лексико-семантические поля 'страх' и 'смех'

Перед встречей со Алёной Ивановной, старухой-процентщицей (стр. 6)

Впрочем, на этот раз **страх** встречи с своею кредиторшей даже его самого поразил по выходе на улицу. «На какое дело хочу покуситься и в то же время каких пустяков **боюсь!** – подумал он с странною **улыбкой**».

После убийства старухи-процентщицы и Лизаветы (стр. 63)

Ему вдруг опять захотелось бросить всё и уйти. Но это было только мгновение; уходить было поздно. Он даже **усмехнулся** на себя, как вдруг другая **тревожная** мысль ударила ему в голову. Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, ещё жива и ещё может очнуться.

Раскольников получает от дворника повестку из конторы (стр. 74)

Он было бросился на колени молиться, но даже сам **рассмеялся**, – не над молитвой, а над собой. Он поспешно стал одеваться. «Пропаду так пропаду, всё равно! Носок надеть! – вздумалось вдруг ему, – ещё больше затрётся в пыли, и следы пропадут». Но только что он надел, тотчас же и сдёрнул его с отвращением и **ужасом**. Сдёрнул, но, сообразив, что другого нет, взял и надел опять – и опять рассмеялся. «Всё это условно, всё относительно, всё это одни только формы, – подумал он мельком, одним только краешком мысли, а сам **дрожа** всем телом, – ведь вот надел же! Ведь кончил же тем, что надел!» Смех, впрочем, тотчас же сменился отчаянием. «Нет, не по силам...» подумалось ему. Ноги его **дрожали**. «От **страху**», – пробормотал он про себя.

Во время второй встречи Раскольникова с Порфирием Петровичем. Раскольников боялся, что Порфирий Петрович узнал о совершённом им убийстве (стр. 264)

– О, не беспокойтесь, пожалуйста, – вскричал Раскольников и вдруг **захохотал**, – пожалуйста, не беспокойтесь! Порфирий остановился против него, подождал и вдруг сам **захохотал**, вслед за ним. Раскольников встал с дивана, вдруг резко прекратив свой, совершенно припадочный, **смех**. – Порфирий Петрович! – проговорил он громко и отчётливо, хотя едва стоял на **дрожавших** ногах, – я, наконец, вижу ясно, что вы положительно подозреваете меня в убийстве этой старухи и её сестры Лизаветы.

Смех Раскольникова над страхом других персонажей, т. е. смех Раскольникова сопровождает страх другого (стр. 399)

– Слава богу! А как мы **боялись** именно этого, я и Софья Семёновна! Стало быть, ты в жизнь ещё веруешь: слава богу, слава богу! Раскольников горько **усмехнулся**. – Я не веровал, а сейчас вместе с матерью, обнявшись, плакали; я не верую, а её просил за себя молиться. Это бог знает как делается, Дунечка, и я ничего в этом не понимаю (стр. 399); (стр. 403): Радостный крик вырвался из её груди. Но, взглянув пристально в его лицо, она вдруг побледнела. – Ну да! – сказал, **усмехаясь**, Раскольников, – я за твоими крестами, Соня. Сама же ты меня на перекрёсток посылала; что ж теперь, как дошло до дела, и струсила?

– лексико-семантические поля ‘страх’ и ‘смерть’

В сознании о **смерти** и в ощущении присутствия **смерти** всегда для него было что-то тяжёлое и мистически **ужасное**, с самого детства; да и давно уже он не слышал панихиды (стр. 337).

Что-то как бы разом отошло у него от сердца, и, может быть, не одна тягость **смертного страха**; да вряд ли он и ощущал его в эту минуту (стр. 382).

Неужели же одно только малодушие и **боязнь смерти** могут заставить его жить? (стр. 402)

Одолел же Свидригайлов, **боявшийся смерти**? (стр. 418)

– лексико-семантические поля ‘страх’, ‘случайность’, ‘неопределённость’, ‘степень, мера’

Он **боялся**, что выпустит и уронит топор... **вдруг** голова его как бы закружилась (стр. 63).

«Красное, ну а на красном кровь неприметнее», – рассудилось было ему, и **вдруг** он опомнился: «Господи! С ума, что ли, я схожу?» – подумал он в **испуге** (стр. 64).

Он плохо теперь помнил себя; чем дальше, тем хуже. Он помнил, однако, как **вдруг**, выйдя на канаву, **испугался**, что мало народу и что тут приметнее, и хотел было поворотить назад в переулок (стр. 70).

Вдруг он весь **вздрогнул** от **ужаса**: «Боже мой, – шептал он в отчаянии, – что со мною? Разве это спрятано? Разве так прячут?» (стр. 71)

Ну, да все это вздор, а только она, видя, что ты уже не студент, уроков и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ноге держать, **вдруг испугалась**; а так как ты, с своей стороны, забился в угол и ничего прежнего не поддерживал, она и вздумала тебя с квартиры согнать (стр. 97).

– Кто это? Кто это? – проговорил он [Мармеладов] **вдруг** хриплым задыхающимся голосом, весь в **тревоге**, с **ужасом** указывая глазами на дверь, где стояла дочь и усиливаясь приподняться (стр. 145).

Сообразив это, она [Соня] до того **испугалась**, что **вдруг** опять встала и в совершенном смущении обратилась к Раскольникову (стр. 182).

Но почти в ту же минуту он как-то **вдруг** стал беспокоен, как будто неожиданная и **тревожная** мысль поразила его (стр. 208).

Не доходя шагов десяти, он **вдруг** узнал его и – **испугался**; это был давешний мещанин, в таком же халате и так же сгорбленный (стр. 212).

Передумав всё это теперь и готовясь к новому бою, он почувствовал **вдруг**, что **дрожит**, – и даже негодование закипело в нем при мысли, что он **дрожит** от **страха** перед ненавистным Порфирием Петровичем (стр. 254).

– Какой сюрпризик? что такое? – спросил он, **вдруг** останавливаясь и с **испугом** смотря на Порфирия (стр. 269).

Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперёд руку, с совершенно детским **испугом** в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они **вдруг** начинают чего-нибудь **пугаться**, смотрят неподвижно и беспокойно на **пугающий** их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперёд ручонку, готовятся заплакать (стр. 315).

Ужас её **вдруг** сообщился и ему: точно такой же **испуг** показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на неё, и почти даже с тою же *детскою* улыбкой (стр. 315).

– Да что с вами со всеми!.. Коля, Лёня, куда вы? – вскрикнула она [Катерина Ивановна] **вдруг** в **испуге**, – о глупые дети! Коля, Лёня, да куда ж они!.. (стр. 331)

Мысль о Дуне и матери навела на него **вдруг** почему-то как бы панический **страх** (стр. 337).

Мысль о том, что Порфирий считает его за невинного, начала **вдруг пугать** его (стр. 345).

– Куда же вы? – с **испугом** спросил **вдруг** Свидригайлов (стр. 362).

– Как! У меня вырывались такие слова и словечки? – пренаивно **испугался вдруг** Свидригайлов, не обратив ни малейшего внимания на эпитет, приданный его намерениям (стр. 368).

– Да они и теперь вырываются. Ну чего вы, например, так боитесь? Чего вы **вдруг** теперь **испугались?** (стр. 368)

Мало-помалу давешний образ Дунечки стал возникать пред ним, и **вдруг дрожь** прошла по его телу (стр. 390).

Он чувствовал, что теряется, что ему **почти страшно**, до того **страшно**, что кажется, смотри она так, не говори ни слова ещё с полминуты, то он бы убежал от неё (стр. 62).

– Да что такое? Что... «понимаете»? – произнёс Замётов **почти в тревоге** (стр. 126).

Но, несмотря на ту же **тревогу**, Авдотья, Романовна хоть и не **пугливого** была характера, но с изумлением и **почти** даже с **испугом** встречала сверкающие диким огнём взгляды друга своего брата, и только беспредельная доверенность, внушённая рассказами Настасьи об этом странном человеке, удержала её от покушения убежать от него и утащить за собою свою мать (стр. 153).

Известие о разрыве выслушала она **почти с ужасом** (стр. 252).

Странно, он не очень удивился Порфирию и **почти** его не **испугался** (стр. 342).

Но она [Соня] была до того счастлива, что **почти испугалась** своего счастья (стр. 422).

– А я так уверена, что он и завтра будет то же говорить... об этом, – отрезала Авдотья Романовна, и, уж конечно, это была загвоздка, потому что тут был пункт, о котором Пульхерия Александровна **слишком боялась** теперь заговаривать (стр. 157).

Да и было ещё тут что-то другое, **слишком ужасное и беспокойное** (стр. 337).

Последнее обстоятельство было уж **слишком необъяснимо** и сильно беспокоило Дуню; ей приходила мысль, что мать, пожалуй, предчувствует что-нибудь **ужасное** в судьбе сына и **боится** спрашивать, чтобы не узнать чего-нибудь ещё **ужаснее** (стр. 413).

Другие возможности визуализации лексических данных

империя

Rise_new_2 freq = 989

Lemma	Score	Freq	Cluster
<u>государство</u>	0.31	1182	<u>страна</u> [0.203, 807] <u>европа</u> [0.172, 921] <u>религия</u> [0.161, 573] <u>общество</u> [0.139, 697] <u>человечество</u> [0.121, 427]
<u>культура</u>	0.213	681	<u>цивилизация</u> [0.207, 460] <u>литература</u> [0.155, 422] <u>просвещение</u> [0.119, 317] <u>философия</u> [0.114, 254] <u>наука</u> [0.11, 395]
<u>мир</u>	0.202	1596	<u>церковь</u> [0.189, 2088] <u>народ</u> [0.174, 2456] <u>племя</u> [0.131, 835] <u>человек</u> [0.117, 2388]
<u>рим</u>	0.197	662	<u>русь</u> [0.186, 704] <u>византия</u> [0.122, 323]
<u>россия</u>	0.186	2632	
<u>монархия</u>	0.178	211	<u>христианство</u> [0.151, 495] <u>православие</u> [0.108, 435]
<u>история</u>	0.177	1447	<u>жизнь</u> [0.155, 1999] <u>развитие</u> [0.127, 805]
<u>царство</u>	0.176	492	
<u>власть</u>	0.165	1168	
<u>революция</u>	0.151	388	<u>война</u> [0.12, 449]
<u>император</u>	0.141	272	<u>царь</u> [0.124, 525]
<u>идея</u>	0.134	931	<u>политика</u> [0.114, 238] <u>мысль</u> [0.109, 961]
<u>город</u>	0.134	449	<u>раскол</u> [0.116, 172]
<u>семья</u>	0.133	361	<u>нация</u> [0.128, 238]
<u>учение</u>	0.133	545	<u>дух</u> [0.12, 909] <u>вера</u> [0.116, 1025]

Рис. 10. Парадигматические связи слова *империя* в работе П. Чжан и В.П. Захарова

Ещё одна программа визуализации ЛСП, на которой мы хотели бы остановиться, – Semantic Similarity of Words, представляющая ЛСП в трёхмерном пространстве [там же: 60] (см. Рис. 11):

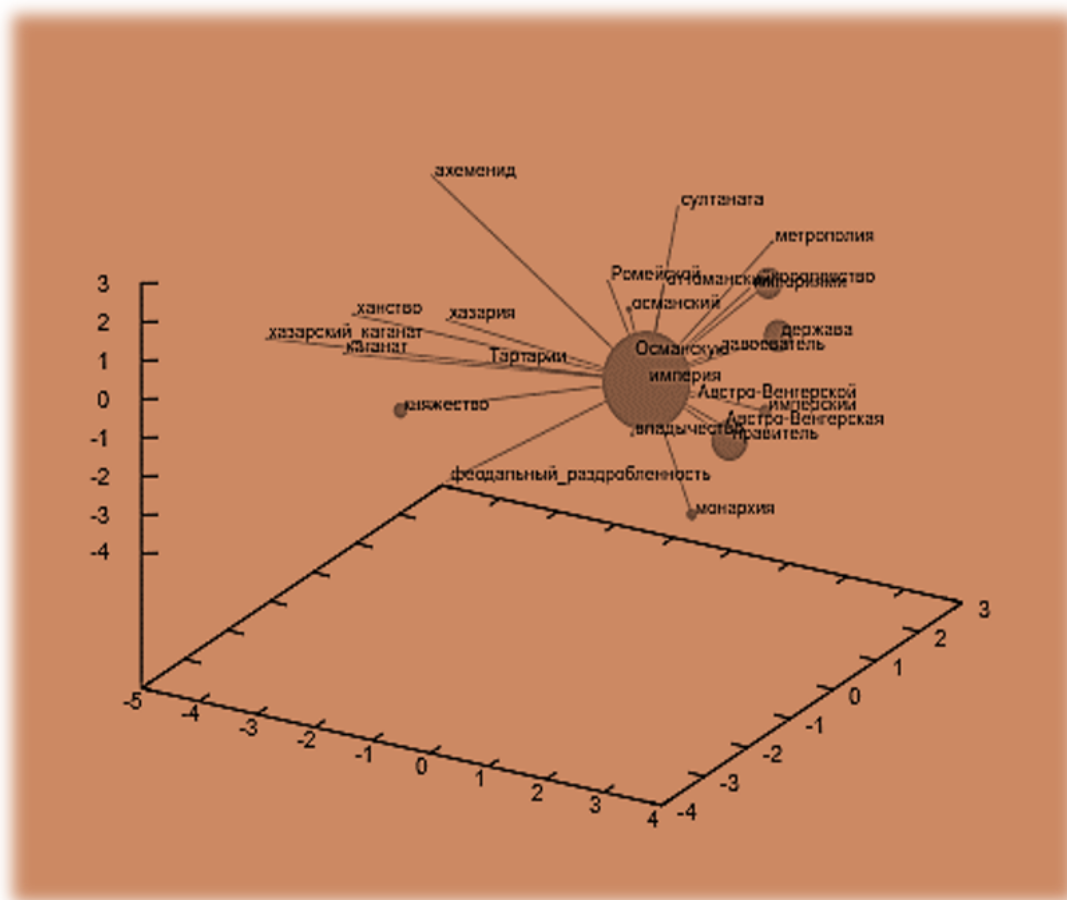
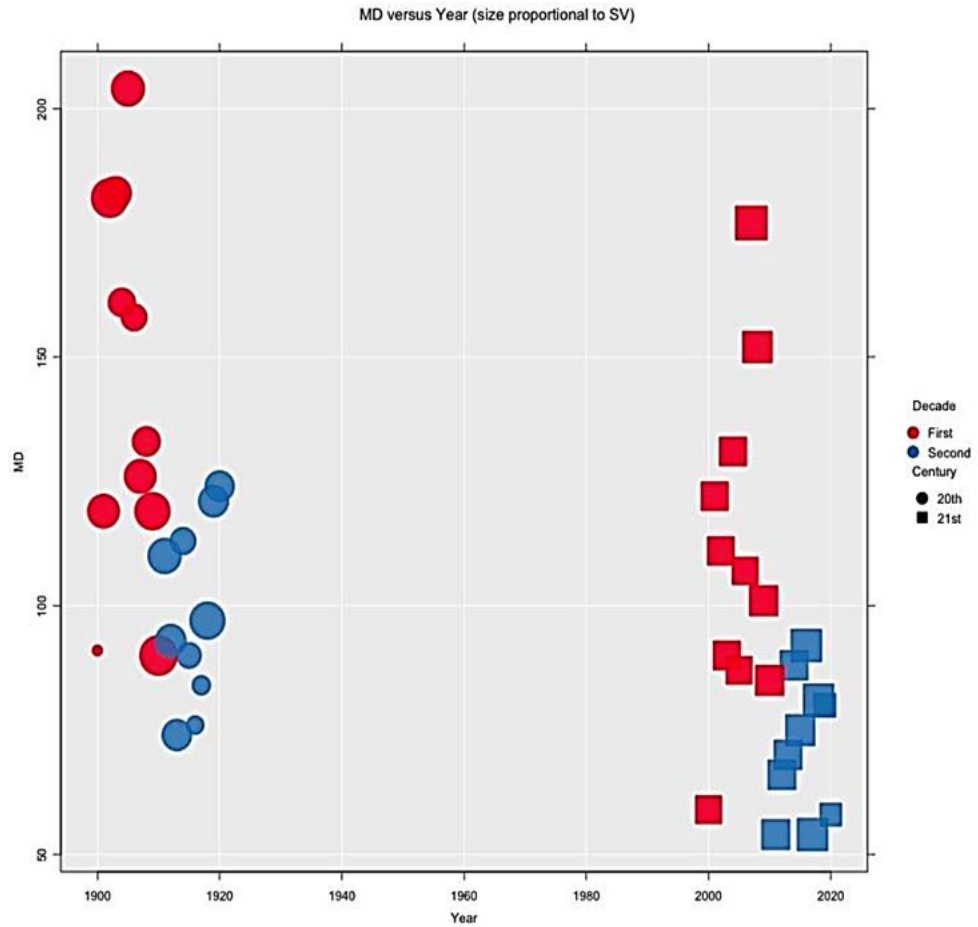

Рис. 11. Облако тегов для ключевого слова *империя* в программе Semantic Similarity of Words Roman Numerals в работе П. Чжан и В.П. Захарова

В работе «Применение программ визуализации данных в ракурсе диахронического сопоставления британского политического дискурса XX и XXI веков (на материале ориентационных метафор)» П.П. Дубина и А.С. Назина предлагается визуализация использования метафор в политических выступлениях. На Рис. 12 показаны Metaphorical Quantify (MQ) – количество метафор, Speech Volume (SV) – объём выступления и Metaphorical Density (MD) – метафорическая плотность:

**Рис. 12. Соотношение метафорической плотности по годам (XX и XXI вв.)
(по данным П.П. Дубина и А.С. Назина)**

Выявляется соотношение метафорической плотности по годам. Красным цветом выделяются метафоры, относящиеся к первому десятилетию, синим – ко второму, круги показывают XX век, квадраты – XXI век. Размер кругов или квадратов зависит от количества слов в выступлении.

П.П. Дубин и А.С. Назин показывают также возможность наглядного графического отображения полученных данных (см. Рис. 13):

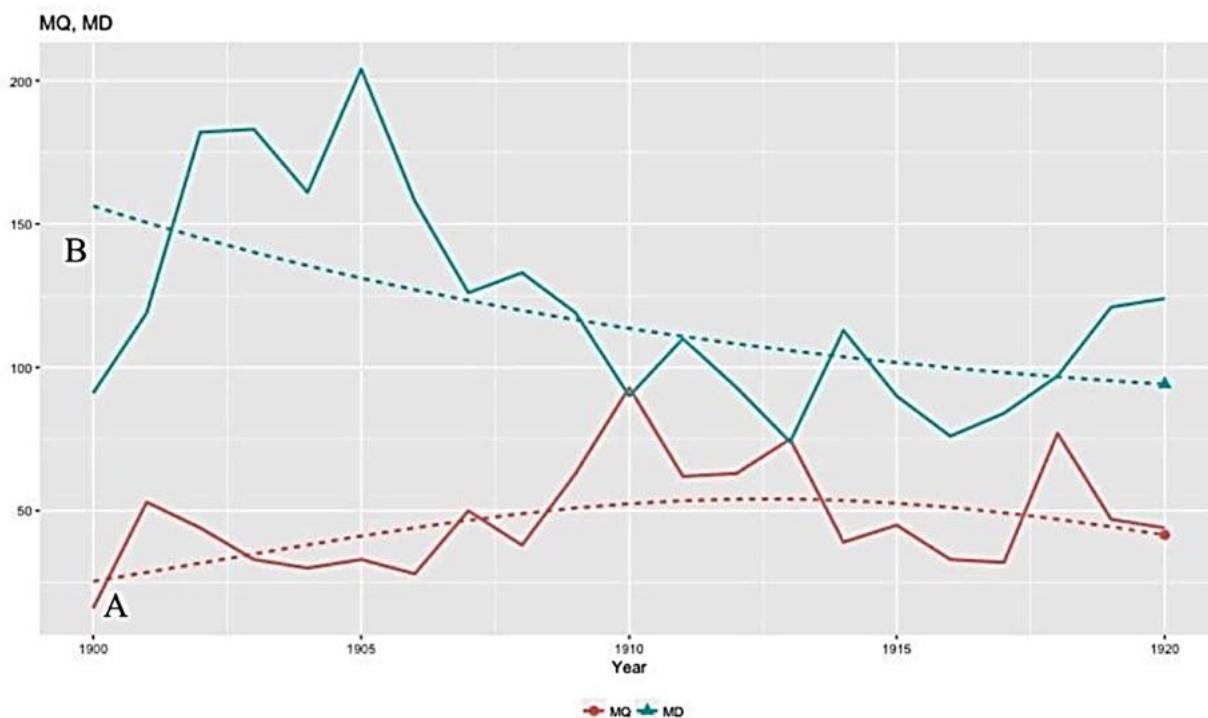

Рис. 13. Соотношение количества метафор и метафорической плотности (по данным П.П. Дубина и А.С. Назина)

В работе «Автоматизация и визуализация в сфере лингвистических исследований и лингводидактики (на материале базы данных “Лозунговый универсум эпохи XX–XXI вв.”)» М.Б. Ташлыковой, Ю.Р. Лемешко, Л.Ю. Дмитриевой показывается «возможность использования компьютерной программы для моделирования функционирования языка в тех или иных социальных ситуациях, для автоматического сопоставления фрагментов лексических и фразеологических участков языковой системы на разных хронологических срезах её развития и для визуализации результатов этого сопоставления» [Ташлыкова, Лемешко, Дмитриева 2021: 97] (см. Рис. 14):

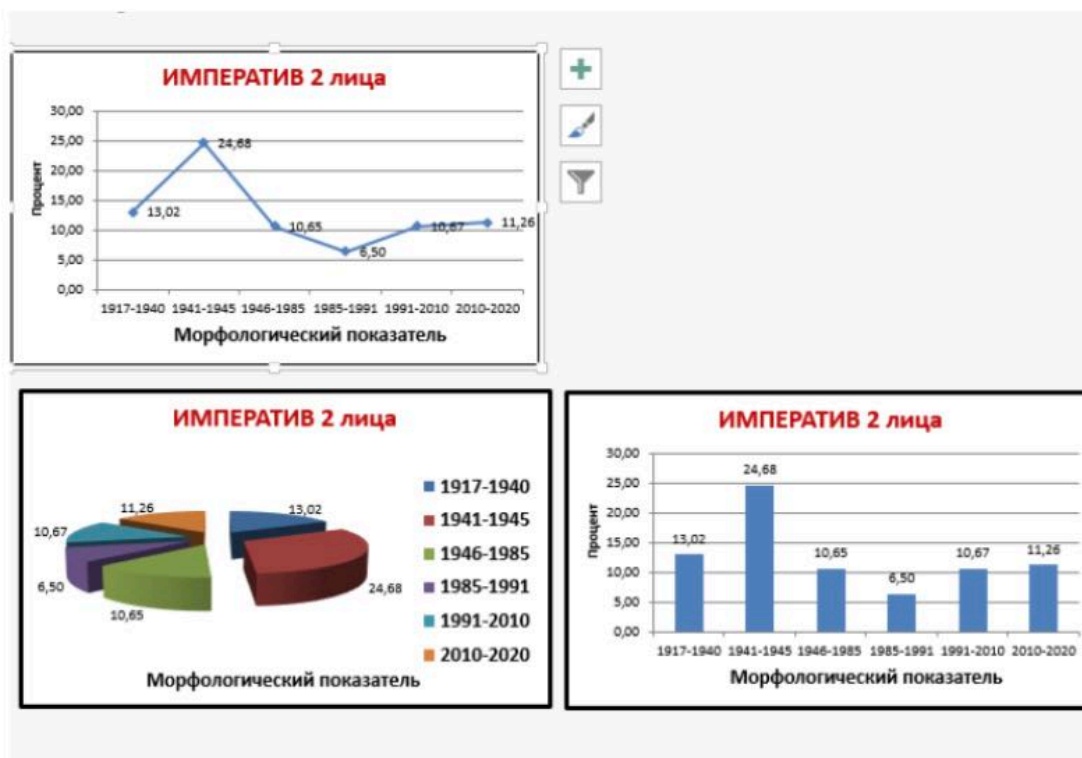

Рис. 14. Пример визуализации лозунгов с морфологическими показателями (по данным М.Б. Ташлыковой, Ю.Р. Лемешко, Л.Ю. Дмитриевой)

Кратко покажем другие возможности компьютерной визуализации структуры ЛСП. Это, например, структурные схемы и графики, которые «трактуются как модели отображаемого объекта – текста, как средство представления данных исследований сложных структур, явлений, процессов» [Ефимова, Артемова 2018: 103] и которые дают возможность наглядно отразить данные о лексическом составе текста:

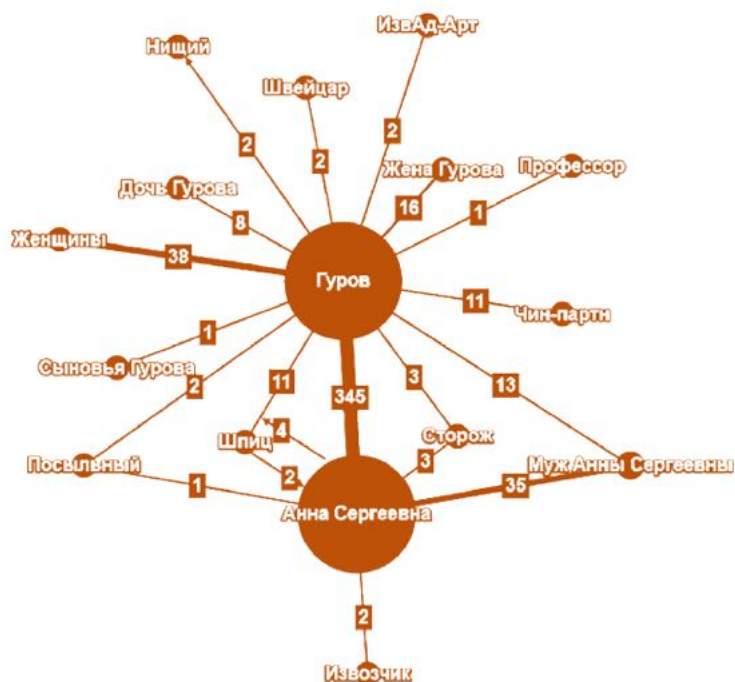

Рис. 15. Связи между персонажами рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой» (по данным Т.В. Ефимовой и О.Г. Артемовой)

Цифры над стрелками показывают «относительный вес» связей между персонажами (см. Рис. 16):

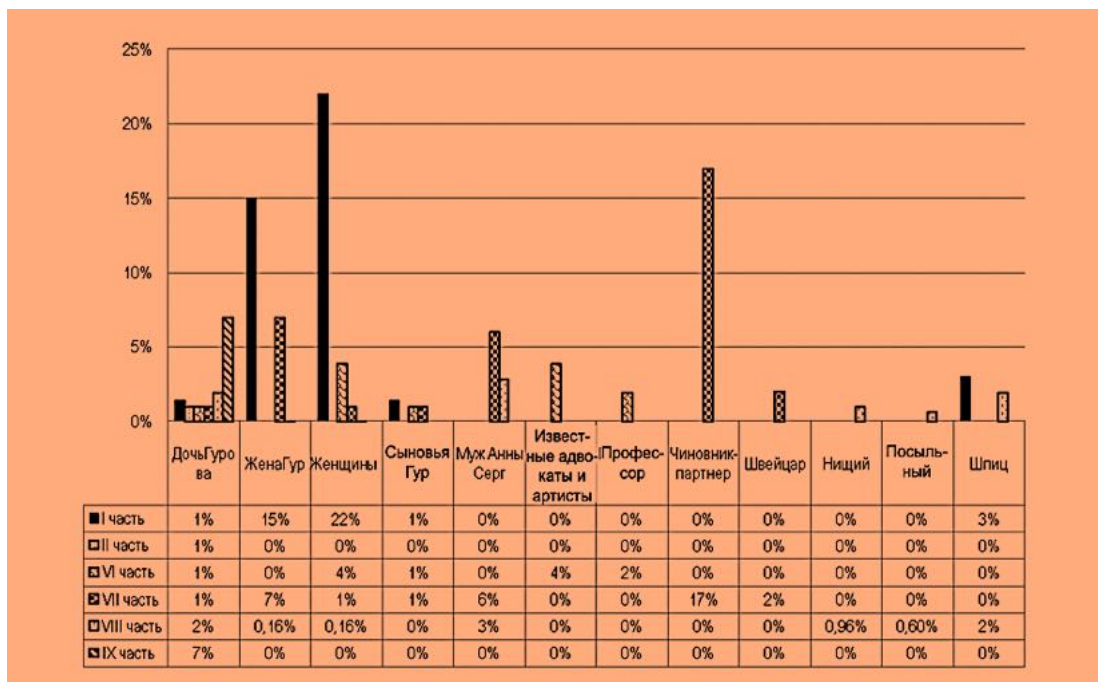

Рис. 16. «Относительный вес» ближайшего окружения Гурова в каждой из частей семантической сети в рассказе «Дама с собачкой» А.П. Чехова (по данным Т.В. Ефимовой и О.Г. Артемовой)